

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЭКОНОМИКИ

Под редакцией
Ю. М. Осипова,
И. П. Смирнова

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Экономический факультет
Академия философии хозяйства

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЭКОНОМИКИ

*Под редакцией
Ю.М. Осипова, И.П. Смирнова*

Москва
2017

УДК 330.3
ББК 65.49
Э91

Составители:
С. С. Нина, Т. С. Сухина

Э91 **Этнокультурная обусловленность экономики** / под ред. Ю. М. Осипова, И. П. Смирнова. — М: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. — 109 с.

ISBN 978-5-906783-79-0

В монографии ставится вопрос об обусловленности экономики национальной культурой. Хозяйство творится человеком, а человек, имея разное по генезису и типу сознание, реализует его в соответственном хозяйственном поведении. Представители различных обществоведческих дисциплин рассматривают разнообразные ракурсы и воплощения этой проблемы.

Книга адресована научным работникам, преподавателям и студентам.

УДК 330.3
ББК 65.49

ISBN 978-5-906783-79-0

© Экономический факультет МГУ
имени М. В. Ломоносова, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение (<i>Ю. М. Осипов</i>)	4
Глава 1. Этнонациональное сознание	14
1.1. Влияние национально-исторической среды на развитие российской экономической науки (<i>М. Г. Покидченко</i>)	14
1.2. Этнический фактор и социально-экономические приоритеты населения России (<i>Г. Р. Наумова</i>)	24
1.3. Этноконфессиональное сознание в хозяйственной этике Петера Ульриха (<i>И. П. Смирнов</i>)	31
1.4. Культурные архетипы как ресурс развития (<i>С. С. Мерзляков</i>)	38
1.5. Национальная культура и этнодинамика в качестве факторов национально-экономического развития (<i>А. А. Олейников</i>)	46
Глава 2. Хозяйственное поведение	56
2.1. Своеобразие российского предпринимательства: исторический экскурс (<i>С. В. Кайманаков</i>)	56
2.2. Институциональные факторы российского предпринимательства XVII–XXI вв. (<i>С. Л. Сазанова</i>)	64
2.3. Тип хозяйственника в экономике России (<i>А. А. Антропов</i>)	68
2.4. Художественные промыслы и проблема национального сознания и хозяйственного самоопределения (<i>А. В. Ермишина</i>)	78
2.5. Социальная ответственность бизнеса в лесной отрасли России: национально-культурная специфика (<i>С. С. Нуня</i>)	85
2.6. Современный традиционализм и глобалистская секуляризация на примере аляскинских староверов (<i>К. М. Товбин, А. В. Семичаевский, В. В. Соколов</i>)	94
Сведения об авторах	104
Our Authors	106
Contents	108

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ¹

Аннотация. Человечество разнообразно, но вовсе не только по цвету кожи или месту исторического бытия, а по сознанию, отражающему корневую самоидентификацию народов, государств, цивилизаций. От «качества» сознания зависит хозяйственное поведение, а соответственно — бытие тех или иных регионов мира. Сознание консервативно, но может проявлять и чудеса в переменах — учет этнонационального сознания и его эволюций чрезвычайно важен для ведения бизнеса и реализации любой государственной политики.

Ключевые слова: хозяйство, сознание, этнос, наука, государство, цивилизация, политика.

Abstract. The article is devoted to the mankind which is different not only by a skin color and the place of historical life, but by the consciousness reflecting root self-identification of people, states, civilizations. The economic behavior and, respectively, life of different regions of the world depends on consciousness “quality”. The Consciousness is conservative but it can show miracles in changes also, therefore, taking into account ethnonational consciousness and its evolutions is extremely important for business and realization of any public policy.

Key words: economy, consciousness, ethnos, science, state, civilization, policy.

Научная историко-социальная антропология не против представить дело так, что *homo sapiens*... не более чем... *homo sapiens*, а потому пребывание его как особи (индивида) в среде этноса, народа, нации не более чем временная необходимость: все люди-де сами по себе — особи, индивиды, а ускоренная техно-урбо-экономическая глобализация, катком проходя по этносам, народам, нациям, включая языки, культуры, цивилизации, рано или поздно приведет к единому, вполне однообразному *общечеловечеству*.

¹ Статья отражает содержание вступительного доклада автора на конференции «Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение», проведенной под его председательством на экономическом факультете МГУ 16 июня 2016 г. В сокращенном виде публиковалась в журнале «Философия хозяйства» № 5 за 2016 г.

Что ж, может, это и так, но человек, хоть и особь, индивид, но особь, индивид социального порядка, а социальность эта связана прежде всего с родительством, предками, от которых каждый человек не только происходит физически, но и обретает самое человеческое в человеке — *сознание*, которое нуждается в своем пробуждении, становлении и развитии не в одних лишь физических родителях, а и в некоей *своей* антропо-социальной среде, которая дается не просто окружающими человеками, а целостным людским сообществом, восходящим в рамках населенческих локалий к *единому* корневому генетическому началу-контур-коду и объединенным внутри себя пусть и не единым, но непременно *общим* коллективным (общественным) сознанием.

Нет и не может быть никакого полноценного частного (личного) сознания без и вне коллективного (общественного) сознания. А это последнее культивируется в основе как раз этносами, народами, нациями — не более и не далее! Международные, в том числе и имперIALные, образования лишь дополняют что-то в коллективные и частные сознания, но не являются их — этих сознаний — образователями.

Этнос, он же и народ, — действенная начальная социальность; нация, она же и многоэтнический народ, — завершительная действенная социальность; далее уже лишь добавки к основанию-ядру, в том числе и общемировые, глобалические, космополитические.

Этнонационала, ставшего космополитом, глобалистом, «гражданином мира», можно в общем-то себе представить, но лишь в аспекте некоей ролевой функции, а вот чистого от начала «мировика» представить себе гораздо труднее, точнее — невозможно! Во всяком случае пока — пока речь идет о человеке как таковом, а не о каком-нибудь уже постчеловеке.

Этничность, народность, национальность — вовсе не уходящие в прошлое исторические пережитки, а необходимые атрибуты все-еще-человечества. Обратим внимание на то, что все языки (по их семантике и словарному запасу), все культуры, цивилизации, вообще все знания, как и вообще сознания, созданы и культивируются в виде классических человеческих образцов как раз базисными этнонациональными средами, а не космополитической надстроечной «пенной» (пена — она и есть пена!).

Все давно тут в наличии у этнонациональных фигурантов истории единого генотипного корня (родной матрицы) и общей питательной почвы (родной среды), чего лишена космополитическая людская страта. «Перекасти-поле» там получить можно, а вот цветущее плодovitое древо — *никогда!*

Искусство, литература, философия, религия — все это имеет этнонациональное, а не космополитическое происхождение. Вот наука вроде бы интернациональна, даже космополитична, что, пожалуй, и верно, но... очаги той же науки в основном все-таки национального порядка, точнее, национально-государственного, что связано не только с «оборонкой»

и военным делом, а и с этнонациональной средой реализации науки — благоприятной или же не очень.

Расстаться с этнонациональным сознанием — значит расстаться с человечеством!

Да, какое-то человеко-одно-образное, может, и будет в перспективе иметь место на Земле, но, увы, вряд ли уже собственно человеческое — с насыщенным разнообразными словами и глубокими смыслами языком, высокой насыщенной культурой, бескрайним и неисчерпаемым сознанием.

Как вообще представить себе каких-нибудь европейцев, которых вообще-то великое разнообразие, или тех же американцев, россиян, арабов, индийцев, китайцев и любых других «националов» какими-то одинаковыми «землянами», если даже мухи на белом свете разные, как и муравьи, пчелы, термиты, да кто угодно! И однако человек, видите ли, должен обрести в итоге своего прогресса какое-то суженное, выветренное, обмелевшее, упрощенное сознание, да, собственно, и не сознание уже, а его суррогатный чипогенный заместитель?

Разумеется, когда-то не было великобританцев, французов, испанцев, русских, хотя и были какие-то их этнокровные предки. Везде до сих пор бытуют «регионалы», не очень-то охотно причисляющие себя даже к «националам». Однако везде на национальном уровне есть, повторяем, свой общий и могучий язык, своя большая и разнообразная культура, своя сложная и утонченная цивилизация, свое однородное — при всех локальных особенностях — сознание.

Как ни оспаривай, а англичанин есть англичанин, француз — француз, немец — немец, итальянец — итальянец, ну а русский — русский, причем, заметим, не белорус и не украинец, а именно русский — великоросс!

Этнонационализм («этнонациональство») не собирается вовсе сдаваться на милость всемирной (глобальной) нивелировке, но не потому, что кому-то «этнонациональство» нравится больше, чем «глобальство»; тут работает бытийственный инстинкт, сопряженный с бытийным метафизисом, в свою очередь, сопряженным с бытийной трансценденцией (трансцендентное — незнаемое, быть может, но явно насыщенное какими-то смыслами, непременно дающими себя почувствовать в необъяснимых творениях бытия-истории — *метабытия-метаистории*). Не знает англичанин, русский или китаец, зачем это им быть англичанином, русским или китайцем, но... и есть, и будет!

Нельзя в движемемся, работающем, ищущем, страдающем, творящем, изменяющемся мире замереть, законсервироваться и счастливо себя чувствовать в состоянии то ли анабиоза, то ли комы, — подобное счастье возможно, как известно, лишь на кладбище: *жизнь — это все-таки перемены!* И этнонациональное бытие меняется, — и чтобы пере-

мены тут имели место, происходят разные события, случаются разные происшествия, реализуются разные процессы, в результате которых что-то уходит, что-то приходит, что-то разъединяется, что-то соединяется, что-то умирает, что-то зарождается, а что-то просто меняет свои обличье, форму, органику, равным образом и свою метафизическую начинку.

Этнонациональные локалии меняются, но как локалии они не исчезают.

Космополитизм, глобализм, всякое миромасштабье, безусловно, нужны: экономика, наука, технический прогресс, производительность, потребительство, урбанизация, информативность, коммуникативность, космонавтика, разные функциональные знания, право, медицина, спорт, многое из искусства и т. д. — все это и ему подобное требуют во многом общемировой идентичности, унификации, стандартизации, в общем — чего-то одного и того же для всего мира, всего человечества.

И непросто требуют реализации, но и вполне естественно давят на все локальное, не могущее не возражать мироединому, ему не сопротивляться, его немало и отрицая. Отсюда борьба общемирового с локальным, причем первое выступает могильщиком второго — до вполне опасной черты: но где же она — мера общемирового?

Видимо, в самой этой борьбе она и выявляется, по факту наступления одного и отступления другого, в некоей взаимной вынужденности и самовыверенности, а не в каком-то там добровольном разумном компромиссе. Локальное меняется под давлением общемирового, сохраняя при этом себя, а сохраняясь, ставит предел агрессии на себя общемирового.

Геоэтнонациональных локалий на Земле хватает, они повсюду, разных размеров, качеств и значений, неодинаковых исторических ролей и судеб, как и вполне обозначено сегодня давление на весь земной мир передовой геоцентрической силы — источника космополитической (паракосмической) дезэтнолизации земного бытия, его неполной, быть может, но все же решающей унификации. И мир земной демонстрирует под давлением геоцентроглобализма разного рода геосоциоэтнонациональные разрешения.

В мире сложилась совсем не простая в этнонациональном аспекте ситуация, немало и с прямо противоположными чертами и итогами.

К новому, уже в значительной мере и постчеловеческому бытию, ближе всех оказался, конечно, западный мир, прежде всего в лице США, хотя глобальный обновленческий центр норовит перебросить риск заявляемой им бытийной новизны на другие части мира, включая и Россию.

Что происходит на Западе? Если в Европе (в ЕС по преимуществу) идет размывание староевропейской этнонациональной идентичности и имеет место попытка создания новой, уже общеевропейской, если не единоевропейской, сверхидентичности, фактически уничтожающей само этнонациональное строение Европы, то в США, которые не пред-

ставляют собой никакого целостного этнонационального образования, являясь пришлой на территорию полиэтнической квазинациональной смесью, ничего схожего с европейским процессом не происходит, наоборот, США готовятся, судя по всему, перейти в постчеловеческую фазу земно-космического бытия.

Однако не все так просто в Старом и Новом Свете: Европу уже воочию затрясло от этнонационального реваншизма, красиво обозванного «евро-скептицизмом», решительно грозящего покончить не только с «единой Европой» (с ЕС), но даже с вроде бы устоявшимися национальными образованиями (Англия, Испания, Италия), а США — где вроде бы все «тип-топ»? — США все более... под угрозой... распада... своего «космополитического братства». И не служит ли там — в США — метафизической дрожжевой закваской на дезинтеграцию «образцовой» страны как раз неутоленная потребность в этнонациональной реализации бытующего в США населения? Ведь никаких этнонациональных американцев нет, как нет, по сути, тех же афроамериканцев, как не было и не случилось в том же СССР и никакого «советского народа»! Да, есть некий «американат» (от США), но зато нет никакой коренной Америки, сравнимой не то что с Китаем, но хотя бы с европейскими монстрами типа Англии, Германии, Франции.

Любопытно, что унификационная глобализация, а в Европе еще и европеизация, вызвали не так даже пробуждение весьма уже надежно уснувших наций, как местнических (региональных, провинциальных, областнических) агломераций, их как будто бы давно уже задавленных и затихших этносоциальных сознаний и сил (Шотландия в Великобритании, Каталония в Испании, Венето и другие северные области в Италии).

Напрягающийся под внутренним эзотерическим давлением метафизический этнонациональный пар ищет и находит места прорыва в сверхнациональных котлах, — и этими местами сегодня оказываются как раз местные локалии, где больше традиций, корней, единения, самосознания, как и исторических обид, которые никогда и никем не забываются и в нужный момент непременно срабатывают.

Все в мире космополиты, как и наши доморожденные западники, абсолютно уверены не только в непогрешимости, правильности и силе США, но и в их гибкости, ловкости и крепости, а потому и не допускают даже помыслить себе о возможном развале этой великой и во всех отношениях замечательной страны. Однако история идет вовсе не только и не столько как фактическая история, сколько как *метафизическая метаистория*, которая ни с чем феноменальным не считается, совершая все самое невероятное и делая это всегда внезапно! Где, к примеру, тот же феноменальный СССР, хотя, заметим, эзотерически он... все еще здесь, причем не так даже в виде того же недофеноменального СНГ, как... некоего невыраженного метаисторического призрака, концентрированно

представленного на феноменальном уровне той же Российской Федерации или же тем же ЕАЭС?

С метаисторией шутки совсем уж плохи!

Вот тот же Европейский союз захотел реализовать старую евроимперскую мечту (Карл Великий, Наполеон, Гитлер), стал брать себе и на себя не свое (расчленение Югославии, подавление Сербии с поощрением Албании и навязыванием Косова; присоединение бывших соцстран и бывшей советской Прибалтики к ЕС; разгром Ливии, заход на Украину, давление на Грецию, санкционирование России, натовские игрища у российских еврограниц, строительство ПРО против России и т. д. и т. п.) — и что же? — неконтролируемое пришествие в Европу масс «новых варваров», подъем в Европе антиевросоюзнических настроений, нарастание движения «евроскептиков», «антиевропейские» по сути плебисциты, референдумы, голосования, как и никем из умных аналитиков не ожидавшийся внезапный выход Великобритании, точнее, ее народа, пусть и не на 100%, а всего лишь наполовину из ЕС, в общем — *нехороший общеевропейский треск!*

США вроде бы еще не трещат по швам, но как же их уже лихорадит, что особенно заметно по поведению 44-го президента и выборам 45-го: между Сциллой Хиллари и Харибдой Дональдом, когда воспитанная, выдержанная и добрая умница несет явную чепуху и напропалую врет, а потребную людям правду-матку режет резвый шоумен и плохой рыжий парень, к тому же и мультимиллионер! Где она, разумная, деловая, респектабельная Америка, а главное — *мудрая*, это после-то Ирака, Ливии, Афганистана, Сирии, Украины, да и той же Европы? А что уж говорить об 11 сентября 2001 г., приговорившем Америку к самоуничтожению?! А неутихающая стрельба граждан счастливой страны (мира!) друг в друга, включая «бесстрашных» полисменов, без предупреждения стреляющих на поражение?!

Шарлиподобная Европа упорно похищает саму себя, Америка же вовсю питается, как прожорливый дракон, переустroечными катастрофами, «умело» плодовыми ею по всему свету, однако неумолимо приближающимися, как бумеранг, что к Америке, что к Европе!

Разумный, хитрый и осторожный Китай, допустив в себя модернизирующий и одновременно разлагающий Запад, не собирается, конечно же, расставаться со своей поднебесной идентичностью, стараясь и обновиться, и сохраниться, на что у него немалые шансы, но вот с метаисторической точки зрения вовсе не беспредельные, ибо главное столкновение Старого и Нового Китая еще впереди — слишком уж это разные по эзотерическим кодам планеты, сходящиеся на одном историческом пространстве при полном параде своих суверенных авторитетов! Возможен ли тут великий всекитайский компромисс — между всем китайским старым и всем некитайским новым, а фактически — между Китаем и не-

Китаем, — большой вопрос, хотя и ясно, что Китай никогда не станет ни Европой, ни США, а превратится в итоге своего сложного пути во что-то *свое* — то ли просто в *ново-*, то ли уж в какое-то *сверх-*китайское!

У Индии, как и Китая, тоже очень *свой* путь в будущее, обусловленный неожиданным возрождением древней цивилизации — да ладно бы с евроимпериальным мдерном, а то ведь и с америко-империальным пстмодерном. Что-то выйдет из сверхдуховной Индии в итоге ее современной модернизации — кто знает? Сама Индия не знает, а уж мир — тем более!

Нет, не овладеть мировым глобализаторам ни Китаем, ни Индией, как и той же Латинской Америкой при первенстве там Бразилии, не навязать им ни себя в роли бесспорного «эффективного лидера», ни своей пустотелой, механической и беспардонной цивилизации. Китай, Индия, Бразилия — поднимающиеся из пучин бытия, как и небытия тоже, — конспиративные континенты, с которыми просто так уже никакому глобализму не сладить!

Война войной, а неприступье — неприступьем!

Вот тот же исламский мир — сложный, противоречивый, запутанный — переживает бодрое экспансионное возрождение, не преминув ринуться в прямо-таки историческое сражение — за себя, за свое будущее, за свое место под солнцем, взяв на себя даже роль исторического судии нынешнего, но очень уж грешного мира, выделив из себя боевой смертоносный авангард, пробивающий дорогу исламу, и оставляя повсюду арьергард в виде мечетей и мусульманских общин.

Особого внимания в аспекте этнонационального самоопределения и строительства своего оригинального бытия заслуживает современная Украина, однако не как положительный этнохозяйственный пример, а, наоборот, разносторонне отрицательный.

Все дело в том, что государство, называемое сегодня Украиной, вовсе не государство, возникшее на основе и деяниями собственно украинского этноса, а случайно образовавшееся по итогам распада СССР некое протогосударство с титульным украинским этносом, но в полном масштабе своем с больше не украинским, русским по преимуществу населением.

Националистическая (так сказать, «титолованная») власть, обуреваемая вековой «украинской страстью», не придумала ничего лучшего, как пойти на насильственную (сначала более или менее мягкую, а затем и жесткую, вполне уже и нацистскую) украинизацию всего населения страны, на превращение всех ее жителей уже не просто в гражданских, а прямо-таки в этнических украинцев, благо это были в основном русские, т. е. этнически близкие титульным украинцам люди.

Понимая, что русские люди, живущие на Украине и являющиеся там сравнимым по численности с украинцами этносом, вполне, кстати,

коренным, не пойдут на этническую украинизацию, языковую в первую очередь, и будут искать защиты у России, киевские власти пошли на воплощенную ими интеграцию Украины в Европейский союз, ища даже силового покровительства у НАТО, получив от Европы и Запада неожиданную поддержку. Так случился острый болезненный парадокс: украинские наци ищут защиты, идя на все геополитические и хозяйственные уступки и теряя суверенитет страны, у глобалических и империальных сил, вовсе не заинтересованных в самостоятельной и самобытной Украине!

Так возник украинский вопрос, а точнее — украинский казус, быстро обозначившийся отделением от государства Украины пророссийского Крыма и гражданской войной киевской власти с непокорным «русскоязычным» Донбассом.

Историю, выходит, нельзя ни игнорировать, ни опережать, ни насилловать, а все это как раз и произошло в государстве, именуемом Украиной, которому угрожает теперь не столько суверенный этнохозяйственный расцвет, еще и в лоне Европы, сколько почти уже неминуемый закат.

Однако — *Россия!*

Нас более всего волнует Россия, тоже ведь переживающая возрождение, тоже совсем не простое, тоже весьма сложное — как древняя довизантийская Русь, никуда из исторического чрева России так и не исчезнувшая, и как Русь допетровская (Святая Русь), и как Россия досоветская (доленинская и досталинская). Не просто тут всё, сложно, витиевато, даже и коварно, но... *процесс идет*, пусть и под надзором и вниманием глобализма, как и в противостоянии ему, но идет!

Россия номинальная выходит к России реальной!

Россия — страна, держава, империя — полиэтническая и многонациональная; это, безусловно, *сверхнация*, в сердцевине которой русский *суперэтнос*. И возрождается Россия как русско-российский мир, в ядре которого русское корневое, а по окружности ядра — окружковое разное.

Этнонациональное сознание, сидевшее почти столетие под спудом советского и нарочито наднационального квазисознания, только-только поднимается, ища для себя и новую историческую форму реализации, вовсе не отвергая всего ценного и исторически оправданного из своего международного опыта — что имперо-российского, что имперо-советского.

Российское этнонациональное сознание — сознание международное, однако скрепляемое и вдохновляемое русским имперским сознанием. Иного варианта тут быть не может!

Россия — целый мир, не только достойный мирового самоопределения, но и обязанный к сложному зёмному бытию, сочетающему, с одной стороны, целостную этнонациональную самобытность с цветущим

внутренним этнонациональным разнообразием, с другой — этнонациональную специфику имперского типа со всей зёмной общечеловеческой целостностью.

Потребен своеобразный геоантропомондиальный баланс между Россией и всем остальным миром, включая и его глобалическую надстройку. Россия идет к такому балансу, что вовсе не означает наличия встречного компромиссного движения мирового контекста к России, хотя ситуация в целом все-таки не безнадежна.

Исторически вышло так, что Россия сегодня возрождается не только как собственно Россия, опираясь на свой архетипический код, но и как *импровизационная альтернатива* господствующему ныне модернопостмодерновому, или евроамериканскому, миру. Не китайскому, не индийскому, не бразильскому и не мусульманскому, а именно евроамериканскому (западному) миру, что, собственно, и бесит наших евроамериканских «партнеров».

Российское сознание день за днем созревает для понимания не так даже тупиковости западного пути, как, наоборот, его опасной уже открытости перед вселенскими просторами и поглощающими историю бездными глубинами, за чем маячит либо погибель, либо насильственный выворот в постбытие вкупе с его постчеловеком и постчеловечеством. Западный мир кончает с бытием и историей, он уже одной ногой в том самом запределье, где уже нет места ни бытию, ни истории, ни, увы, и самому человеку — как творению Божиему.

Западный проект близок к эсхатологическому завершению; Россия не жаждет никаких экспериментов над собой по линии сей эсхатологии; Россия предпочитает *иное*, что более всего сейчас ею и осознается.

Уже хорошо, что *иное* — хотя бы не западное, не евроамериканское, не нарочитое и проектное. *Иное* — никому не известное, но... всюю уже чаемое; нет, конечно, не земля обетованная, как и не земля Санникова, вообще никакая не утопия, как тот же коммунизм, и не какая-нибудь «страна Солнца».

Иное — не это и не то, как и вовсе не ничто, — это, конечно же... *что-то*, как раз то самое, к чему надо стремиться, отталкиваясь от чего-то уже бывшего и что-то ненужное преодолевая, но ничего при этом умозрительно не проектируя и реальности не навязывая: Россия — *сама себе проект*, а потому лишь движение России *от себя к самой себе*, а соответственно — и к *иному*, пусть и не ведомому, но... *достижимому!*

Россия, как и весь мир, — в кризисе! И ежели мир в кризисе разворачивающихся перемен, а Запад непосредственно в кризисе подступающего кризиса — последнего кризиса, то Россия в кризисе *преодоления кризиса*. Это не значит, что Россия днями выйдет из кризиса и приступит к безудержному процветанию, вовсе нет, но это значит, что Россия идет на возрожденческий подъем и ее уже никому на этом пути не остановить!

Среди ныне уродливой пореформенной России поднимается другая Россия — новая — постреформенная, может, не очень-то и правильная, но уже вполне форматная и жизнеспособная. Много проблем, много, и прежде всего с российским сознанием, но... перелом уже произошел и уже образуется кое-какое *новое сознание* — в базисе своем российское, а в надстройке — вполне и современное.

Якоря-зацепы заброшены Россией во все стороны света: на Север, на Юг, на Запад и Восток, и Россия, натянув канаты, вытягивает себя из исторической трясины, в которую попала совсем недавно — четверть века назад, да не просто вытягивает, а и выходит на преображенный простор, вовсе не пренебрегая возможностью оказаться прямо в центре мира — разумеется, идейно-духовном, созидательном, геостратегическом.

ГЛАВА 1

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

М. Г. Покидченко

1.1. Влияние национально-исторической среды на развитие российской экономической науки

Аннотация. В статье рассматривается проблема национальных интерпретаций экономических теорий. Анализируются исторические и национальные предпосылки и примеры таких интерпретаций в экономической науке России XVIII–XX вв.

Ключевые слова: история экономических учений, история России, экономическая политика.

Abstract. The article deals with the problem of national interpretations of economic theories. Analyzed historical and national background and examples of such interpretations in the economic science of Russia in XVIII–XX century.

Key words: history of economic thought, history of Russia, economical policy.

В истории экономических учений с середины XIX в. и до наших дней идет дискуссия — существуют ли национальные экономические науки? Начинаясь она между классической политэкономией и исторической школой.

Признание экономической науки в лице классической политэкономии в качестве самостоятельной науки произошло на рубеже XVIII–XIX вв. Последним аргументом в пользу такого признания был выход в 1776 г. книги А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», получившей всемирную известность. Под влиянием господствовавшей тогда философии рационализма, согласно которой в природе и обществе действуют «естественные» и универсальные законы, все науки, изучающие эти законы, также объявлялись универсальными для «всех времен и народов». Такой же универсальной стала считаться и классическая политическая экономия — первая теоретическая школа в экономической науке.

Следующей теоретической школой в экономической науке стала историческая школа Германии, возникшая в 1840–1850-е гг. Эта школа выступила против классической политэкономии по ряду проблем, и в частности по проблеме универсальности экономической науки. Представители исторической школы утверждали, что каждая национальная экономика настолько уникальна, что может изучаться только своей национальной экономической наукой. «Одного экономического идеала, — писал В. Рошер, — не может быть для народов, точно так же как платье не шьется по одной мерке» [3, с. 122]. Классическая же политэкономия, по их мнению, в действительности являлась не универсальной, а национальной, английской экономической теорией и использовалась Англией для подавления своих конкурентов на мировом рынке. Речь шла прежде всего о провозглашенной классической политэкономией концепции «экономического либерализма» в качестве универсальной для всех стран. Поскольку Англия была в это время лидером в мировой экономике, ей было выгодно навязывать другим странам правила «экономического либерализма», так как в условиях свободной конкуренции Англия была сильнее всех своих торговых партнеров. Политика же протекционизма, за которую выступала Германия, объявлялась английскими экономистами устаревшей и ненаучной.

Противопоставление всеобщего и универсального характера экономической науки национальному продолжается до настоящего времени. В частности, в России дискуссия между самобытниками и универсалистами, правда, в более широком, чем экономическая наука масштабе, также началась в первой половине XX в. и продолжается до сих пор. Противниками в этой дискуссии были автор доктрины «официальной народности», краткой формулой которого был слоган «православие — самодержавие — народность», С. С. Уваров и раскритиковавший ее в своем «Философическом письме» П. Я. Чаадаев, славянофилы и западники, народники и марксисты. В настоящее время в российской экономической науке подавляющее большинство представлено универсалистами — сторонниками современной западной мейнстримовской экономической науки — и сохранившимися марксистами, но есть и самобытники, утверждающие, что для России необходима своя особая экономическая теория.

Между тем существует третий путь — золотая середина между двумя этими крайностями. Речь идет о национальных интерпретациях ведущих экономических теорий. Дело в том, что мировая экономическая наука состоит из отдельных национальных наук. На разных этапах развития мировой экономической науки определенные национальные науки становятся лидерами, выдвигая новые, оригинальные теории и создавая новые теоретические школы. (Выше уже говорилось о создании классической политэкономии в Англии и исторической школы в Германии.)

Другие национальные экономические науки воспринимают эти новые оригинальные теории. На следующем этапе развития мировой экономической науки лидеры и их последователи могут поменяться местами: так, в Германии были последователи классической политэкономии, а затем в Англии — последователи исторической школы. На более поздних этапах развития мировой экономической науки лидерами могли быть уже группы национальных экономических наук. Так, например, маржиналистскую революцию в экономической науке последней трети XIX в. осуществляли представители Австрии, Англии, Франции, Италии и США, в то время как остальные цивилизованные страны воспринимали новую, маржиналистскую, экономическую теорию. Таким способом развивается мировая экономическая наука, периодически меняя своих лидеров.

В истории экономических учений этапы развития мировой экономической науки выделяются в соответствии с появлением новых теоретических школ. Соответственно изучаются английская классическая политэкономия, германская историческая школа и т. д. Восприятие же этих теорий в других странах рассматривается лишь в историях национальных экономических наук, да и то кратко и несколько стыдливо, а основное внимание уделяется оригинальным экономическим идеям, выдвинутым в данной стране.

В то же время восприятия иностранных экономических теорий заслуживают гораздо большего внимания исследователей. Дело в том, что это не чисто механические повторения, а творческие интерпретации, в каждой стране свои. Каждая национальная интерпретация иностранной экономической теории не похожа на другие, так как в ней отражаются исторические и национальные особенности ее страны. Такие национальные интерпретации существуют, очевидно, во всех общественных науках. Более того, даже иностранные слова, попадая в другой язык, приобретают там, как правило, другой смысловой оттенок, а иногда и просто другое значение. Например, в русском языке слово «гонор» означает спесь, высокомерие, во Франции Legion d'Honneur — почетный легион, а по латыни ученая степень доктор Honoris causa — доктор за заслуги (без защиты диссертации).

Специфика каждой национальной интерпретации зависит от целого ряда конкретных причин. Прежде всего, это причины исторические — каждая страна на определенном этапе своего развития обладает специфическими чертами экономической и политической систем, а также своеобразными чертами культуры и науки. Кроме того, каждая страна обладает национальными особенностями, которые обычно называют менталитетом. Менталитет тоже подвержен историческим изменениям, но эти изменения происходят очень медленно.

На менталитет могут влиять, например, географические причины. Знаменитый российский историк В. О. Ключевский считал, что русский

менталитет отличается от методичного и регулярного характера западноевропейцев сочетанием инертности со способностью к штурмовщине в связи с тем, что в России климат, в отличие от более мягкого и однообразного климата Западной Европы, более континентальный, т. е. в нем долгие морозные зимы и жаркое лето ведут к перерывам в работе земледельца, а короткие весна и осень требуют штурмовщины во время посева и уборки урожая.

Бывают также общественные причины, влияющие на менталитет, и здесь мне хочется предложить на суд читателей размышления о менталитете русских и украинцев, который, несмотря на близость этих народов, на мой взгляд, несколько отличается. В связи с последними политическими событиями в СМИ сейчас часто дискутируются вопросы о национальных особенностях русских и украинцев, причем, как правило, присутствуют крайние позиции — одна крайность состоит в утверждении, что русские и украинцы — один народ, другая, которую высказывают украинские националисты, — что русские и украинцы не имеют ничего общего. Сторонники последней точки зрения ссылаются на то, что украинцы де, в отличие от русских, произошли от мифических «древних укров». (У русских националистов тоже встречаются подобные глупости — например предками русских объявляются этруски — но они хотя бы, в отличие от Украины, не используются в официальной пропаганде.) Сторонники тождественности русских и украинцев ссылаются, как правило, на общее для обоих народов проживание в едином государстве во времена Древней Руси, Российской империи и Советского Союза. Если же отбросить политические эмоции и обратиться к научному подходу, то следует признать, что русские и украинцы — это два отдельных народа, хотя и выросшие из единого восточнославянского корня. В исторической науке давно является общепризнанным положение, что современные нации сформировались на завершающей стадии феодализма при образовании централизованных национальных государств. На территории бывшего Древнерусского государства, распавшегося затем на отдельные княжества, на рубеже XV—XVI вв. возникло два централизованных государства — Великое княжество Московское и Великое княжество Литовское и Русское. В первом формировался русский народ, а во втором — литовский, белорусский и украинский. Затем Великое княжество Литовское и Русское объединилось с Польшей, которая, будучи более развитым государством, оказала большое влияние на формирование литовцев, белорусов и украинцев.

Но прежде, чем рассматривать влияние государственных и социальных отношений в обоих государствах на формирование менталитета русских и украинцев, следует кратко сказать о другом факторе, повлиявшем на различие менталитета украинцев и белорусов (в первую очередь на различие их темпераментов), хотя эти народы формировались

в одном государстве. Когда славянские племена приходили с запада на территорию современной России, Украины и Белоруссии, на этих землях уже жили другие, неславянские племена, которые вошли затем составной частью в будущие восточнославянские народы. Белорусы получили часть крови балтов (летописных голяди, ятвягов и др.), русские — угро-финнов (упоминавшихся в летописях племен меря, весь, мешера и т. д.), а украинцы впитали в себя потомков сарматских племен, живших уже оседло в лесостепной полосе будущей Южной Руси и именуемых в древнерусских летописях ясами. (Другая часть ясов, живших на Северном Кавказе, получила позже название осетин.) Пришедшим с востока тюркским племенам печенегов, а затем половцев ясы стали платить дань, но под давлением тюрков, а затем монголов постепенно уходили на север, добавляя будущим украинцам «черные брови, карие очи». Кстати, именно поэтому в Средние века украинцев называли также черкасами. Все это известно не только из исторических, но и из антропологических исследований.

Вернемся теперь к Великому княжеству Московскому и Великому княжеству Литовскому и Русскому. У них было много общего, но были и отличия, особенно усилившиеся после объединения Великого княжества Литовского с Польшей. Общим было то, что и Московское и Литовская Русь были вынуждены ускоренно централизоваться под влиянием военных причин. Оба восточнославянских государства возникли одновременно с централизованными государствами в Западной Европе, но там это было результатом закономерного развития социально-экономических отношений и последней стадией феодализма. На Руси же главной причиной централизации (объединения) было желание освободиться от ордынского ига. В то же время в обоих Великих княжествах во многом сохранялись раннефеодальные отношения. В восточной Руси инициативу централизации взяла на себя Москва, в западной Руси — Литва, отвоевавшая у татар западнорусские земли. В результате в образовавшемся Великом княжестве Литовском и Русском подавляющая часть населения и господствующий язык были русские, но с литовской династией Гедиминовичей.

Отличия же обоих Великих княжеств заключались в следующем. Московская Русь во многом унаследовала государственное устройство Золотой Орды с его жесткой централизацией, системой учета и контроля и аппаратом чиновников, воспринятых, в свою очередь, Чингисханом и его потомками у завоеванных ими древневосточных государств (чиновниками в империи Чингисхана были китайцы, уйгуры и представители других покоренных народов). Еще в период монгольского ига на Руси проводились переписи людей и имущества (первая перепись была проведена в 1257 г.), на основании которых вводились налоги, торговые сборы, извозная и воинская повинности, организацию и сбор которых

осуществляли ордынские чиновники — баскаки. Всякие же княжеские и боярские усобицы и лихие набеги друг на друга воспринимались баскаками как «порча государственного имущества».

Литва только выходила из родоплеменных отношений, но под этим названием понималась вся западная Русь, а в русских княжествах существовали и традиции местных вольностей, и институт вече. В Московской Руси эти традиции подавлялись (вспомним увезенный позднее из Новгорода вечевой колокол), в Литовской сохранялись. После объединения Великого княжества Литовского с Польшей в Литовскую Русь стали проникать польские социальные отношения — с одной стороны, ускорилось закрепощение крестьян, с другой — увеличились права аристократии и дворянства (шляхты). По сравнению с другими европейскими государствами Польша представляла собой крайний предел княжеско-дворянской вольницы. Короля избирали князья и шляхта, а в центральном и местных сеймах каждый шляхтич имел право вето, что практически парализовало деятельность сеймов и привело в итоге к развалу Речи Посполитой как самостоятельного государства. Все эти нравы пришли и в польскую Украину, дополняясь казацкой вольницей простолюдинов, бежавших от панской неволи в Запорожскую Сечь. В результате на самой же Украине существует пословица «Где два украинца, там три гетмана». Что же касается горожан, то в Польше, затем и на Украине и в Белоруссии, действовала система частичного городского самоуправления, воспринятая в Западной Европе (магдебургское право).

Таким образом, русский, украинский и белорусский народы формировались в условиях разных государственных систем, что, безусловно, повлияло на их менталитет. Здесь можно привести один показательный пример. Когда князь Курбский бежал, как тогда говорили, «в Литву», он получил там город Ковель (в Западной Украине) и стал подписываться «князь Ковельский». В своих письмах Ивану Грозному он упрекал того в деспотизме, поскольку Грозный огнем и мечом истреблял боярские вольности. (Но были в тогдашней России и сторонники такой политики. Публицист Иван Пересветов рекомендовал Грозному взять за образец государственное устройство Турции.) Сам Курбский тем не менее стал управлять своим новым уделом «по-московски», в связи с чем горожане Ковеля направили королю жалобу об ущемлении своих прав. Курбский же был этому очень удивлен и спрашивал у присланной королем комиссии: «Разве господин не волен в своих рабах?», хотя сам бежал из Москвы именно потому, что Иван Грозный считал всех россиян, включая князей и бояр, своими рабами.

Я не предлагаю начинать здесь дискуссию о крайностях деспотизма и «вольностей» в средневековой России и Польше. Сильная и слабая роль государства в обществе имеет свои плюсы и минусы (любимый аргумент у дискутирующих на эту тему: «А зато...») Например, русские

благодаря сильной государственности создали империю от Атлантического до Тихого океана, а вольнолюбивые поляки с конца XVIII по начало XX в. потеряли свое государство, но зато поляки — супердемократы, а русские — нет.) Я просто констатирую, что русский народ с конца XV в. и до конца века XX, т. е. 500 лет, жил в условиях достаточно жесткой централизованной государственной системы, что, безусловно, сказалось на его менталитете (хотя нам, конечно, далеко до китайцев, живущих в этой системе уже 22 столетия). Хорошо или плохо иметь такой менталитет — вопрос бессмысленный, какой есть — такой есть, но учитывать менталитет своего народа при принятии решений на всех уровнях общественной системы необходимо. Попытки же изменить менталитет путем реформ тоже глупы — менталитет меняется в течение столетий.

Вернемся теперь к проблеме интерпретации иностранных экономических теорий и рассмотрим конкретное проявление таких интерпретаций на примере истории российской экономической науки.

Первой экономической теорией, пришедшей с Запада в Россию, была теория физиократов, являвшаяся составной частью классической политэкономии. В 1765 г. в Петербурге по инициативе Екатерины II было создано Вольное экономическое общество (по аналогии с парижским «клубом экономистов», как сами себя называли физиократы). Казалось бы, в России в это время был уже слой европейски образованных людей во главе с «просвещенной монархиней», который мог воспринимать теорию физиократов во всей ее полноте. (Кстати, типичная ошибка всех универсалистов: «Мы, мол, не глупее иностранцев, можем их теории понимать и применять!») Но проблема была и остается в том, что понять экономическую теорию можно везде (при достаточном уровне образования), а применять — только в аналогичной социально-экономической системе. Социально-экономические системы Франции и России во второй половине XVIII в. различались, и главное их отличие было в том, что во Франции крестьяне были уже освобождены от крепостной зависимости, хотя и без земли, а в России крепостное право достигло своего апогея. В теории же физиократов главным действующим лицом, «производительным классом», были свободные крестьяне — арендаторы. Французские физиократы любезно соглашались консультировать Екатерину II в том, как изменить социально-экономические отношения, освободив крестьян, не понимая, что это стоило бы Екатерине II трона. «По рекомендации Дидро в Петербург был приглашен видный физиократ Лемерсье де ла Ривьер, но пробыл там недолго — в августе 1767 г. он выехал в Петербург, а в марте 1768 г. уже вернулся в Париж. В своем письме Вальтеру Екатерина II обвинила его в заносчивости и писала, что он «считал русских за четвероногих и очень любезно соглашался принять на себя труд поставить их на задние ноги». Но дело, очевидно,

было не только в бестактности французского гостя. В своих письмах из России аббату Рейналю он писал, что здесь «произвол деспотизма, абсолютное рабство и крайнее невежество глубоко укоренили всевозможные злоупотребления» и что «культура земли находится в России совсем не в том положении, в каком она могла бы и должна бы быть» [2, с. 22–23]. (Обращаю внимание на последние слова де ля Ривьера — это типичная ошибка универсалистов. В действительности «культура земли», аналогичная французской, в России с учетом уровня ее исторического развития еще не «могла бы и должна бы быть».) Естественно, такие высказывания Екатерине II понравиться не могли. На аналогичные, но очевидно высказанные более тактично рекомендации Дидро Екатерина II отвечала: «Вы пишете свои законы на бумаге, а я — на человеческой коже», имея в виду то, что французские теоретики создавали абстрактные схемы (и их рекомендации не были приняты даже во Франции), а российской царице приходилось иметь дело с живыми людьми, со всеми их реальными общественными отношениями и традициями. В результате Екатерина II охладела к физиократам, а Вольное экономическое общество переключилось на практические вопросы сельского хозяйства и агрономии, что было на тот момент единственным положительным эффектом от теории физиократов в России.

Следующей западной экономической теорией в России была теория А. Смита. Еще до опубликования в 1776 г. Смитом его знаменитой книги у него в университете Глазго обучались два российских студента — И. Третьяков и С. Десницкий, которые в 1767 г. возвратились на родину и стали преподавать в Московском университете. Хотя они преподавали преимущественно юридические науки, они были также пропагандистами идей Смита в области философии и политэкономии. «В частности, у Третьякова была небольшая работа «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государства, как у древних, так и нынешних народов» (1772), название которой очень близко к названию основной книги Смита, вышедшей четыре года спустя. Экономические взгляды Третьякова и Десницкого были сходны с ранними взглядами Смита, известными по конспекту его лекций, но в отличие от него московские профессора не были сторонниками экономического либерализма и выступали за протекционизм во внешней торговле, а также уделяли больше внимания вопросам денежного обращения, кредита и финансов» [2, с. 31–32], в то время как классическая политэкономия в основном занималась сферой производства. Эти отличия взглядов Третьякова и Десницкого от взглядов Смита, несмотря на то что он был их непосредственным учителем, определялись реальностью российской экономики, в которой решение проблем сферы обращения — торговли, денежного обращения и кредита было более актуально, в то время как в Англии эти проблемы были уже в прошлом.

В 1802–1806 гг. «Богатство народов» Смита было издано на русском языке, причем за государственный счет. Это было связано с тем, что в России в эти же годы в дополнение к Московскому университету были открыты университеты в Дерпте (Тарту), Вильно (Вильнюсе), Харькове и Казани, педагогический институт в Петербурге (преобразованный в 1819 г. в университет) и Практическая академия коммерческих наук в Москве и во всех стали преподавать классическую политэкономиию. Но преподавали ее сначала немецкие профессора, которые тоже вместо «экономического либерализма» утверждали, что в экономике необходимо государственное регулирование, т. е. преподавали немецкую интерпретацию классической регуляции политэкономии. Это было связано с тем, что в Германии, как и в России, капиталистическое производство находилось на начальной стадии развития, когда закономерна помощь государства, и в частности политика протекционизма.

Из российских экономистов, выступавших в начале XIX в. с этих позиций, можно назвать прежде всего Н. С. Мордвинова. Он не был университетским преподавателем, но написал ряд так называемых записок, которые были впоследствии опубликованы: «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» (1815; 1816 — переведена на фр. яз.), «Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков» (1816), «Мнение адмирала Мордвинова о причинах нынешнего расстройства финансов наших» (1825), «О мерах улучшения государственных доходов» (1825) и др. В 1823–1840 гг. он был президентом Вольного экономического общества. Мордвинов выступал против фритредерства во внешней торговле, хотя это считалось последним словом экономической науки. Мотивировал он это тем, что «никакое правило отвлеченное не может служить верным и неизменным руководством» [1, с. 100] без учета уровня развития каждой страны. В то же время Мордвинов не отказывался от свободы торговли и конкуренции внутри страны. В работе «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» он писал: «Соревнование может существовать между россиянином и россиянином, но не может существовать между россиянином и англичанином» [1, с. 96].

Во второй половине XIX в. классическая политэкономия в России стала приближаться по своей тематике к общему уровню этой теоретической школы, но сама классическая политэкономия уже клонилась во всем мире к своему закату, а ей на смену пришла из Германии историческая школа. Историческая школа получила в России большое распространение (в отличие от Англии и Франции, где последователей исторической школы было немного). Это было связано с тем, что Германия по уровню социально-экономического развития была ближе России. Кроме того, идея исторической школы о том, что в каждой стране должна быть своя национальная экономическая наука, легла на подготовленную по-

чу. Славянофилы с 1840-х гг. говорили о самобытности России (правда, противопоставляя ее всему Западу в целом), а народники развивали выдвинутую еще Герценом теорию «русского социализма».

Другой идеей исторической школы, с удовольствием воспринятой в России, была идея государственного регулирования экономики, которая реализовалась в двух основных направлениях. Одним из них была промышленная политика и связанная с ней политика протекционизма во внешней торговле. Здесь главной фигурой — теоретиком и практиком — был С. Витте. Основной теоретической его работой была «Национальная экономика и Фридрих Лист» (1889). Другим направлением, которое, правда, развивалось в России с большими трудностями, была разработка и внедрение социальной политики. Здесь ключевыми фигурами были И. Янжул и И. Иванюков.

В последнее десятилетие XIX в. самой популярной теоретической школой в экономической науке России стал марксизм. В противовес самобытникам-народникам марксисты утверждали, что во всем мире действуют единые объективные законы. Правда, в теории общественных формаций Маркса присутствует исторический принцип, но каждая формация считается универсальной для всех стран на соответствующем этапе их развития. До революции 1917 г. российские марксисты были чистыми теоретиками. (И даже дискуссии между меньшевиками и большевиками тоже были чисто теоретическими.) В первые три года после революции большевики попытались воплотить в жизнь теоретическую модель социализма, получившую название «военный коммунизм», в котором предполагались отказ от товарно-денежных отношений, прямое централизованное распределение продуктов и т. д., но в 1920 г. оказались на грани социально-экономического краха. Если в 1918–1919 гг. военный коммунизм держался на штыках Гражданской войны, то после ее окончания даже поддерживавшее большевиков население не захотело его больше терпеть — начались крестьянские восстания, а затем Кронштадтский мятеж. В результате большевики вынуждены были срочно возвращаться к товарно-денежным отношениям, т. е. перестраивать модель социализма в соответствии с реальными экономическими проблемами и историческими традициями России. В результате появился Советский Союз — социализм с российской спецификой. (Кстати, все другие реальные варианты социализма — от шведского до северокорейского — также имели национальную специфику.)

Следует сказать также о том периоде в истории российской экономической науки, когда она на время вошла в число лидеров и предлагала всему миру оригинальные экономические теории. Это период конца XIX — начала XX в. Здесь можно вспомнить таких российских экономистов как М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве, С. Н. Бул-

гаков, В. К. Дмитриев, Е. Е. Слуцкий, Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, В. А. Базаров, Г. А. Фельдман, В. В. Леонтьев, Л. В. Канторович и др. Но пришедший в 1929 г. Сталин пресек всякое инакомыслие, а следовательно, и творческое начало и в рамках марксизма, и тем более за его пределами.

В настоящее время российская экономическая наука, «отрясая грезы ночи» социалистического периода, снова вошла в русло мировой экономической науки, но пока еще не в роли лидера. Поэтому перед ней стоит задача использования достижений мировой экономической науки, но не в буквальном, а в интерпретированном варианте. Необходимо учитывать исторические и национальные особенности России, в частности роль государства в экономике. Эта роль имеет не только негативную (бюрократизм и коррупция), но и позитивную сторону, особенно в условиях только формирующегося российского капитализма, когда контроль и помощь со стороны государства особенно важны. Буквальное же применение западных экономических теорий приведет только к негативным последствиям.

Литература

1. *Мордвинов Н. С.* Избранные произведения. — М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1945.
2. *Покидченко М. Г., Сперанская Л. Н., Дробышевская Т. А.* Пути развития экономики России: теория и практика. — М.: ИНФРА-М, 2005.
3. *Покидченко М. Г., Чаплыгина И. Г.* История экономических учений. — М.: ИНФРА-М, 2005.

Г. Р. Наумова

1.2. Этнический фактор и социально-экономические приоритеты населения России

Аннотация. Автор определяет свою позицию в отношении сегодняшних споров относительно терминологии, связанной с взаимовлиянием этнической принадлежности граждан РФ и их хозяйственными предпочтениями. Свои наблюдения автор подкрепляет исторической аргументацией, проводя аналогии между сегодняшним состоянием общества и событиями вековой давности.

Ключевые слова: россияне, русский народ, СССР, Россия, социальные общности, национальные общности, маргинализация, перепись населения, хозяйственные предпочтения, миграция, самоопределение.

Annotation. The author determines his position with respect to today's disputes relative to the terminology, connected with the reciprocal effect of the ethnic belonging of citizens RF and their economic preferences. The author supports his observations by

historical line of reasoning, drawing analogy between today's state of society and events of age-long remoteness.

The keywords: Russians, Russian people, the USSR, Russia, social generalities, national generalities, marginalizatsiya, population census is, economic preferences, migration, self-determination.

Формирование любой политической и социально-экономической общности — дело непростое и потому историческое. Российский многонациональный космос требует постоянного внимания со стороны не только юристов и законодателей, но и со стороны организаторов хозяйственной деятельности. Здесь важны не только права и обязанности, но и поведенческие предпочтения, определяемые состоянием в том числе конкретного этнического социума на каждом новом историческом рубеже.

Мы развиваемся, потому и возникают вопросы о терминологии. Кто мы — россияне, российский народ, многонациональный народ России? Сегодня мы понимаем, почему столь удобной была концепция советского народа как новой исторической, в первую очередь — социально-экономической, общности. Если мы обратимся к статистике кануна распада СССР и рассмотрим социально-экономические приоритеты этносов, населявших Российскую Федерацию того времени, то увидим, что между этносами, проживавшими тогда в России, сложилось определенное распределение приоритетов по сферам занятости в народном хозяйстве.

Социальное, профессиональное, национальное бытие нашего общества на 1989 г., тот год, когда все мы были «переписаны», выявляет некоторые тенденции социального движения. Ясно, что профессиональные и социальные ориентации имеют под собой серьезную духовно-нравственную основу. Срабатывают приоритеты, заложенные в сознании историческими и культурными традициями, социальным опытом, религиозным выбором. Существуют, разумеется, и маргинальные сообщества, формирующиеся в том числе и вокруг диаспор.

Анализируя статистику о социальном и профессиональном составе российского населения, будем иметь в виду, что среди лиц, занятых в народном хозяйстве, абсолютно доминируют русские. Они составляют 78,2% в общей структуре населения. Поэтому, по-видимому, сегодня некоторые представители культурного сообщества предлагают весь многонациональный народ РФ попросту называть русским. И сразу вспоминается сравнительно недавнее смежное предложение М. Я. Гефтера, рекомендовавшего признать, что нет их, «единых», «неделимых» русских.

Итак, русские кануна распада СССР определяют все средние показатели по России. Эти показатели мы будем полагать за норму, поскольку

исходим из демократического принципа приоритетов большинства. Эти нормы объективно сложились в ходе хозяйственного развития нашего отечества в XX в. Самый многочисленный после русских из коренных народов — татары. Если в общественном производстве к 1989 г. трудилось примерно 62,3 млн русских, то татар — 3 млн человек. С ними по доле участия в народном хозяйстве соперничают украинцы — 2,7 млн тружеников.

Отраслевая норма для России на момент переписи 1989 г. была такова: в промышленности занято 32,5% трудящихся, в сельском хозяйстве — 13,6, в строительстве — 8,8, в транспорте и связи — 8,8, в торговле и общественном питании — 7,8, в жилищном и коммунальном хозяйстве — 3,4, в народном образовании и науке — 12,9, в здравоохранении, культуре, социальном обеспечении — 5, в финансах и управлении — 5,6%. Таковы были приоритеты демократического большинства, несущего основную нагрузку в социально-экономическом пространстве бытия [1, с. 251].

Не касаясь регионального распределения этих показателей (колебания по регионам неизбежны), отметим, что данные по компактно проживающим народам отражают и региональную структуру населения. Для русских же характерна концентрация населения, занятого в аграрном секторе, в коренных русских районах, а промышленное русское население более рассеяно по всем основным промышленным центрам [1, с. 251].

Существенных отклонений от нормы по этим общим цифрам мы не наблюдаем у большинства народов, живущих или представленных в России. Если не считать того, что заметно выше нормы занятость в сфере здравоохранения, культуры и социального обеспечения у бурят (6,7%), осетин (7,1), армян (7,4), евреев (10,2), и в сфере науки и народного образования — у бурят (18,3) и евреев (32,6%).

Если же мы рассмотрим данные по занятости населения в сфере материального производства, то окажется, что у бурят при норме занятых здесь 18,8% сельскохозяйственное производство приоритетно: 51,7% населения связаны именно с этой отраслью. Мы не беремся ответить на вопрос, следствием чего является такая исключительная ситуация именно у бурят. А именно — сочетание высокой доли лиц, занятых в сфере образования, культуры, здравоохранения, со значительным удельным весом аграрного населения. Но мы оцениваем эту ситуацию как благоприятную для сохранения самобытного национального духовного организма. Правда, остается вопрос: а кто в их национальном регионе занят в промышленности?

Соотношение между лицами, занятыми умственным и физическим трудом, выглядит вполне стабильно для основной массы российского населения. Норма здесь такая: умственный труд предпочитают 35,1% на-

селения, физический — 64,9%. Отклонение от нормы в сторону предпочтения умственного труда наблюдаем у украинцев, проживающих в России (40,4%), бурят (41,3%), евреев (78,7%). Эти показатели находятся в тесной связи с удельным весом лиц с высшим образованием, имеющих у тех или иных народов. Норма здесь — 14,6% от всех лиц, занятых в народном хозяйстве. Ниже нормы оказываются чуваша (8%), татары (10,2). Выше нормы — осетины (19,8%), армяне (20,6), буряты (23,1), евреи (62,9%).

Каковы социальные и профессиональные приоритеты у тех, кто предпочитает именно умственный труд? Они есть. Явным приоритетом у бурят пользуется система среднего и начального народного образования. При норме в 2,2% занятого здесь населения у бурят — 5,7%. Это выше, чем у всех остальных народов. Интересные приоритеты у армян. Притом что доля инженерно-технических специалистов среди них ниже нормы (норма — 10,5%, у армян — 9,1%), армяне отдают предпочтение руководству предприятиями и их структурными подразделениями (при норме 2,1% у армян — 3,1%). Это больше, чем у других народов России, не считая евреев.

Евреи вообще выбиваются из сложившейся нормы, и их трудно сравнивать с другими народами. Но в рамках самого народа некоторые сравнения можно произвести. Из всех интеллектуальных сфер деятельности евреи предпочитают литературу и печать. Здесь отклонение от нормы у них одиннадцатикратно, тогда как в таких сферах, как научная работа — десятикратно, руководство НИИ — девятикратно, преподавание в вузах — восьмикратно и т. д.

Теперь о приоритетах в области материального производства и в сфере физического труда. Русские однозначно выбрали машиностроение и металлообработку, а также железнодорожный транспорт — основные, несущие отрасли народного хозяйства. Именно эти отрасли впоследствии, в ходе либеральных реформ, пострадали более всего от «экономических преобразований». И именно русский работник, у которого нет комплекса руководителя, оказался под ударом. Украинцы в России избрали в качестве приоритетной горнодобывающую отрасль. Ну а о позиции этой отрасли за все прошедшее пятилетие мы наслушались достаточно. Кажется, мы все ей должны.

Интересно наблюдать и стык приоритетов. Особое предпочтение сфере торговли отдают армяне, адыгейцы, карачаевцы, осетины, черкесы, ингуши, балкарцы. От нормы отклонение — в 2 раза. Они же (за исключением армян) предпочитают другим сферам деятельности работу водителями автобусов и автотранспорта вообще.

Сейчас мы уже знаем, что произошло дальше в нашей политической и хозяйственной жизни. Взрывная миграция, утрата оседлости и превращение значительной части русского народа в диаспоры на террито-

рии бывших союзных республик СССР. И одновременно превращение в диаспору выходцев из отпавших от исторического материка регионов исторической России.

Историческая справедливость требует признания того факта, что утрата оседлости произошла не в первый раз в истории XX в. Просто впервые она произошла вне очевидных военных и революционных обстоятельств, как это было, к примеру, в 1917 г. Пришло уже столетие события, которое научное и политическое сообщество все еще затрудняется определить. В классической схеме советской историографии это были Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. и Великая Октябрьская социалистическая революция. Многие пытались объединить эти события в одно, изменив статус Великого октября, доведя его до Октябрьского переворота. Вариантов было много, в том числе в англосаксонской и романо-германской историографических традициях. Неожиданный выбор сделало российское научное сообщество под руководством В. А. Тишкова, предложив определить события 1917 г. как «Великую русскую революцию».

А пока для понимания и современности, и того прошлого исторического переживания обратим внимание на очевидное сходство событий, вызванное именно мощной миграционной волной, изменившей облик Центральной России до неузнаваемости. Миграция 1914–1917 и последующих годов осуществлялась преимущественно из юго-западных регионов России и началась под влиянием проводившейся под руководством властных структур эвакуации промышленности из прифронтной полосы в Центр России и в Поволжье. Эвакуация переросла в стихийную миграцию, далеко не всегда объясняемую хозяйственной необходимостью.

Характерно, что население, связанное с крупнейшими производствами Прибалтийского региона, крайне неохотно покидало места своего проживания. Это вызывало и трудности с развертыванием эвакуированных производств по месту их новой дислокации. А вот население юго-западных регионов легко мигрировало, зачастую без видимой хозяйственной необходимости. В итоге мигранты наталкивались на сопротивление рабочего люда Центрального промышленного региона. Так, к примеру, был разгромлен эвакуированный в Ярославль кожевенный завод Эпштейнов. Владельцы этого предприятия впоследствии внесли свой вклад в строительство советской литературы (известный писатель и пушкиновед Ю. Тынянов, писатель В. Каверин и др.).

Очевидно, что массовая неконтролируемая миграция однородных по культурно-антропологическому типу масс населения в новые для их проживания регионы с населением, чуждым им по культурным и религиозным традициям, не могла не породить скрытого и открытого сопротивления мигрантов и мигрантам. Это связано с тем, что

мигрант может невольно стать культурным гибридом, участвующим одновременно в жизни нескольких различных социальных групп. Достаточно сплоченные земляческими, семейными и религиозными скрепами группы мигрантов могут начать утверждать в культуре, практике управления, практике народного образования и пр. свою собственную систему норм и ценностей.

Не надо думать, что процессы вживления мигрантов в сложившиеся традиционные структуры, в первую очередь городские, характерны только для послереволюционной России. Под воздействием аналогичных процессов в американской социологии 1920-х гг. оформилась концепция маргинализации. Социологи обратили внимание на то, что новые социальные, по сути маргинальные, группы могут дестабилизировать традиционные для исторических сообществ социальные группы, вызвать разрушение гражданского общества, потерю семейных связей, извращение эстетических, этических, правовых, физиологических и других норм и ценностей. Более того, по мнению социологов, стремление маргинальных групп утвердиться во враждебном им социальном космосе может привести к революциям, восстаниям, войнам и пр.

Следует обратить внимание на тот факт, что аналогичные для послереволюционной России процессы никогда не рассматривались под этим углом зрения. Хотя исторических фактов, указывающих на особый статус маргинальных слоев и общественных групп, формировавших культурную среду послереволюционной эпохи и участвовавших в форсированном формировании силовых ведомств новой власти, у нас предостаточно. Вспомним хотя бы В. В. Маяковского, его окружение, его образ жизни, его послереволюционную «семью». Возникли новые обстоятельства, вызвавшие к жизни культурную революцию. Монументальная пропаганда и ее последствия до сих пор сохранились в названиях улиц многих городов Центральной России. Здесь можно прогуляться по улицам Бела Куна, Рочдельской, Розы Люксембург, Карла Либкнехта и пр. Изучение топонимов невольно настраивает и на исследование темы продолжающегося воздействия маргинальных систем на социальную и культурную жизнь русских городов.

Несколько слов о законодательной практике современной России, сложившейся в том числе и под влиянием активных миграционных процессов новейшего времени.

В конституциях республик в составе Российской Федерации уделяется специальное внимание тому или иному народу, как правило автохтонному. Конечно, конституции практически всех республик декларируют, что верховная власть в соответствующей республике принадлежит «ее многонациональному народу», что ее многонациональный народ является «носителем суверенитета и источником государственной власти» и т. д. Как правило, говорится о том, что создаются равные

условия для развития языков, культуры, традиций различных народов, проживающих в республике.

Вместе с тем в конституциях ряда республик особо подчеркивается внимание государства к коренным народам республики (их может быть и несколько). Из этого не следует, что законодательство наделяет такие народы какими-то особыми правами, но, однако, об этих народах специально говорится в конституциях, их существование становится, так сказать, юридически подтвержденным. Объективно это в какой-то мере ставит такие народы на несколько более высокую ступень, чем та, на которой стоят другие народы региона. Эти народы выступают как основные государствообразующие. Этот процесс уточнения особых прав коренных народов через новые законодательные инициативы продолжается и в наши дни.

Таким образом, подчеркивается, что отдельные народы имеют особое право на реализацию своего самоопределения. Многие также коренные, но не титульные народы оказываются в этом случае в менее выгодном положении, в частности старожильческое русское население. Проживание на протяжении 400, а то и 500 лет на той или иной территории, записанной за титульным народом региона, не является страховкой от того, что закон ставит его в обстоятельства, порождающие тенденцию к его маргинализации на территории традиционного исторического проживания.

Правовые документы, защищающие право коренных народов на сохранение исконной среды обитания и традиционного самобытного уклада жизни и хозяйствования коренного народа, ставят трудящихся представителей других народов в сложное положение. Хотя в правовых документах навязчиво подчеркивается многонациональный характер государства, но документы эти всегда выражают волю многонационального народа и обязательно волю конкретного коренного народа. За самым многочисленным народом России — русским народом, создающим порядка 72% многонационального богатства, никаких особых прав на выражение своей воли не предусмотрено. Может, так оно и должно быть, ведь русский народ и так составляет абсолютное большинство. Но не будем забывать, что в случае маргинализации отдельных его анклавов он может вызвать к жизни процессы, которые до сих пор провоцировались другими маргинальными группами. Будем надеяться, что формула «Великая русская революция» — не прогноз, а лишь оговорка людей некомпетентных, принадлежащих к старым маргинальным группам, что это не вызов новых маргиналов.

Литература

1. *Наумова Г. Р.* Русская фабрика. (Проблемы источниковедения). — М.: Экон, 1998. — 262 с.

1.3. Этноконфессиональное сознание в хозяйственной этике Петера Ульриха

Аннотация. В статье анализируется концепция интегративной хозяйственной этики Петера Ульриха с точки зрения выраженного и исследованного в ней этноконфессионального сознания. П. Ульрих сосредоточил внимание на двух ключевых моментах. Во-первых, свойства и культурно-историческая роль кальвинистского этоса, смысл которого он видит в образовании мотивационного контекста, обеспечившего возникновение современной рыночной экономики. Во-вторых, образование нового, так называемого современного экономического этоса, который обеспечивает актуальное функционирование рыночной системы. Швейцарский ученый раскрывает его нормативную природу, скрытую под видом действующей анонимно и как будто независимо от воли людей экономической логики.

Ключевые слова: хозяйственная этика, Петер Ульрих, этноконфессиональное сознание, этос, кальвинизм, теория предопределения, религиозно-этическая мотивация, логика рынка, современная экономическая система.

Abstract. The article analyzes the concept of Peter Ulrich's integrative economic ethics from the point of view of the ethnoconfessional consciousness expressed and investigated in it. P. Ulrich concentrated the attention on two key moment. Firstly, properties and a cultural and historical role of calvinist etos which sense is in formation of a motivational context that provided an emergence of modern market economy. Secondly, formation of a new so-called "modern economic etos" that provides actual functioning of the market system. The swiss scientist shows its normative nature hidden in the guise of economic logic acting anonymously and irrespective of people's will.

Key words: economic ethics, Peter Ulrich, ethnoconfessional consciousness, ethos, Calvinism, theory of predetermination, religious and ethical motivation, logic of the market, modern economic system.

Швейцарский экономист и философ Петер Ульрих известен как автор концепции интегративной хозяйственной этики, создатель и руководитель ведущего в этой области исследовательского института. Причем если английский язык не улавливает разницу между хозяйственной и бизнес-этикой, то в немецком она существует и несет содержательную нагрузку, придает термину более глубокое философское звучание, к чему осознанно стремился автор. К отличительным признакам своего интегративного подхода он относит осмысление хозяйственной этики как инструмента превращения рыночной экономики в экономику, направленную на достижение общего блага в обществе свободных людей. «Напротив того, большая часть интернациональной литературы по хозяйственной этике (у англосаксов — Business Ethics) еще не осознала и систематически недооценивает новейшую — и напряженную — основополагающую дискуссию современности» [3, с. 16]. До известной степени фрондирование

П. Ульриха по отношению к англосаксонской литературе, которую он, как и положено современному экономисту, обильно цитирует, заметно не только в приведенном отрывке.

Наш исходный посыл заключается в том, что имплицитно во взглядах П. Ульриха и его школы присутствует постановка вопроса, которую мы разделяем: от понимания специфики разных сознаний зависит понимание ведущихся человеком хозяйств; сколько на земле сознаний, культур и цивилизаций, столько и хозяйственных воплощений. Сфера жизни общества, которую принято называть экономикой, определяется и регулируется этическими и духовными ценностями ведущих ее людей; это воззрение вполне разделяется Ульрихом и прослеживается в его теоретических выкладках. О специфике разных сознаний представители общественных наук размышляли чаще вне контекста национального и этнокультурного. Научное сообщество прошло здесь через ряд увлечений, от более гуманитарного «менталитета» до более операционного и социологического «хабитуса». Менталитету уделяли внимание в основном историки повседневности; хабитусу — социологи; работам философов присуще определение «этос». Именно им пользуется П. Ульрих, в основе социально-исторических и социально-философских идей которого лежит представление о кальвинистском этосе. Рассмотрим самые существенные отличия между названными категориями.

Под менталитетом понимается совокупность умственных, эмоциональных и культурных особенностей и ценностных ориентаций, свойственных той или иной социальной или национальной группе. В качестве дополнительного определения нередко выступает ментальность как синоним мировосприятия или умонастроения, которое формируется на глубоком психическом уровне не только индивидуального, но и коллективного сознания. Менталитет, хотя и возникает в недрах определенной культурной традиции и конкретных социальных институтов, трактуется все же преимущественно как невербализуемое и несводимое к культуре «коллективное бессознательное».

Хабитус, поднятый на щит социологией Пьера Бурдьё, подразумевает порожденную средой систему приобретенных поведенческих схем и прочных диспозиций, в социальной практике действующих в виде унифицирующих категорий восприятия и оценивания. Они структурируют представления индивида, позволяя ему спонтанно ориентироваться в социальном пространстве, диктуя «характер социализации», определяя выбор соответствующих моделей, благ и практик. Концепция не случайно вызвала в свой адрес обвинения в известном социальном детерминизме.

Наконец, этос в греческой риторике описывал нравы, привычки, обычаи и даже характер, темперамент. В наше время под ним подразумевают общую культурную и мировоззренческую ориентацию, иерархию

ценностей и стиль жизни различных человеческих общностей. Этос, не теряя тесной связи с моралью, выделяет нормативно-ценностную составляющую в характеристике профессиональных, религиозных, сословных и прочих групп людей. Этот аспект и находится в центре внимания П. Ульриха. Целью своей критики экономизма он считает вскрытие нормативной природы «современного хозяйственного этоса», надежно укрытой под оболочкой безымянной и действующей якобы независимо от воли людей экономической логики. Кроме того, как представляется, в понятии этоса находит наиболее адекватное выражение национальное и этноконфессиональное начало той или иной культуры.

Смысл и историческую роль кальвинистского этоса швейцарский ученый видит в образовании того мотивационного контекста, который обеспечил возникновение современной рыночной экономики. Здесь П. Ульрих, конечно, опирается на М. Вебера, обнаружившего внутреннюю связь между «современным» по своей форме «хозяйственным этосом», зародившимся вместе с кальвинистским предпринимательством, и так называемым экономическим рационализмом [6, с. 12, 60].

Следует указать, что кальвинистский этос принимает у П. Ульриха довольно ясно выраженные национальные очертания. Он утверждает: «Географическая карта предпринимательства раннего Нового времени полностью совпадает с кальвинистскими (пиетистскими, пуританскими, цвинглианскими и т. д., но не лютеранскими) областями Швейцарии (город Кальвина — Женева, город Цвингли — Цюрих!), Шотландии, Голландии и некоторыми частями Германии, затем Новой Англии (США) и временами самой Англии. В лютеранских и католических регионах “экономический рационализм” лишь с трудом и отчасти до сегодняшнего дня не столь последовательно пробивает себе дорогу» [3, с. 26].

Этноконфессиональное сознание реализуется во всем комплексе духовной культуры и концентрирует совокупность присущих этносу религиозно-нравственных ценностей, хранит и транслирует его исторический опыт, в существенной своей части неповторимый. Складывание экономического рационализма П. Ульрих относит к переломной эпохе в жизни ряда европейских этносов и связывает его со сломом «традиционного общества предмодерна» [3, с. 24]. Особенность этого общества заключалась в том, что все хозяйственное поведение укладывалось в прошедшие проверки временем социокультурные жизненные формы.

Во-первых, хозяйственная жизнь была насыщена моральными нормами и правилами поведения, которые действовали также и в других областях жизни. Экономические мотивы и интересы были нормативно зафиксированы и полностью встроены в более универсальные поведенческие модели, ориентированные на достижение хорошей жизни и справедливые человеческие отношения, в соответствующем предмо-

дерну традиционалистском понимании. Автономизация коммерческих мотивов наживы, их выделение из непосредственного жизненно-практического смыслового контекста и ценностного масштаба было буквально немислимо. По мнению П. Ульриха, разрыв с этой традицией обозначили труды Адама Смита. «Богатство народов» (1776) концептуально представляет уже несколько иной образ мыслей по сравнению с «Теорией нравственных чувств» (1759), именно в результате этого поворота воспитанный на кальвинизме в его шотландском варианте моральный философ А. Смит стал основателем современной экономической науки. Как полагает П. Ульрих, либеральную политическую экономию Смита можно понять только через моральную философию [4, с. 9–17].

Во-вторых, Ульрих обращает внимание на то, что организация самого хозяйства тоже была целиком и полностью включена в традиционные этноконфессиональные институты повседневной жизни. Общество предмодерна было нормативно закрытым обществом, в котором не существовало отдельных сфер со своим специальным способом жизненной организации. Соответственно, и обособленную область экономики, в которой бы действовало что-то подобное специфической, чисто экономической рациональности, в таком обществе нельзя себе представить, она была бы в нем просто бессмыслицей. Для того чтобы лишить развивающиеся в этом направлении тенденции практической почвы и придать обязательную силу действующим нормам — передающимся из поколения в поколение, или введенным авторитарно, — любое структурное обособление, как и расширение деловой активности, были институционально ограничены. Строгая организация рынка еще в позднем Средневековье заботилась о пространственном и временном ограничении торговли, которое П. Ульрих видит в цеховом порядке. Поэтому местные рынки предмодерна имеют мало общего с современной рыночной экономикой, вовсе не они положили ей начало. Ее непосредственным источником Ульрих признает заморскую торговлю, в процессе которой торговцы в первую очередь могли эмансипироваться от нормативных стеснений и «институциональных цепей» прежних форм хозяйства [5, с. 92 и далее]. Традиционная экономика покоилась на этноконфессиональных началах и оставалась натуральным хозяйством, т. е. направленным на удовлетворение непосредственных жизненных потребностей локального сообщества (семьи, клана, деревни). Люди не видели смысла в том, чтобы работать и производить больше, чем необходимо. Местные рынки выполняли лишь вспомогательную функцию, являясь местом сбыта излишков сельскохозяйственного производства и некоторых специализированных услуг.

Только в сложном процессе культурной и общественной модернизации, который шаг за шагом развивался на Западе начиная с Нового времени, произошла радикальная трансформация, в результате которой

стало возможным возникновение современной рыночной системы. Решающими стали как культурные изменения, так и структурные, в организации общества. В культурном отношении эпохальная переоценка всех ценностей состоялась в рамках глубокого религиозного и историко-культурного переворота, основные линии которого показал Макс Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма». Капиталистический дух исходит от «самых глубоких форм христианской набожности», которая в радикальном протестантизме пронизывает всю жизнь человека. Особая роль принадлежит при этом, как полагает П. Ульрих, кальвинистскому прочтению протестантизма. В то время как католически-средневековая жизнь определялась характерной дихотомией потустороннего и посюстороннего вместе с соответствующей «двойной моралью» религиозной и мирской жизни, а радикальная религиозная дисциплина считалась прерогативой исключительно монашеского, аскетического образа жизни, протестантизм, особенно в его кальвинистской редакции, сгладил эту дихотомию и подчинил также и мирскую жизнь требованиям аскезы, направленной на внутренний мир. Присущая католической традиции аскеза была направленной на внешний мир и состояла в уходе в монастырь, она не была образом жизни, который подходил бы для каждого. В противовес этому утвердилось новое убеждение, которое П. Ульрих вслед за М. Вебером передает известной выдержкой из хрониста Себастьяна Франка (1499–1542): «Ты думаешь, что избавился от монастыря: но теперь каждый должен быть монахом на протяжении всей своей жизни» [3, с. 27].

Снятию противоречия между греховным посюсторонним и религиозными обязанностями христианина в католицизме служило «отпущение грехов»; поэтому человек мог быть «по-человечески» несовершенным, тогда как для кальвиниста и его повседневная жизнь является непрерывным богослужением. На основании того, что Бог создал мир и действующий в нем порядок, тот факт, что человек может существовать лишь благодаря хозяйственной деятельности, признается следствием божественной воли. В учении о сотворении мира находит обоснование очень ответственное согласие с экономической обусловленностью человеческого существования. Тем самым экономическое поведение объявляется служением Богу. Следствием было формирование чувства религиозного долга вести дисциплинированную и целеустремленную жизнь, которая служит «умножению Божьей славы». Это чувство включает, с одной стороны, оценку неустанного, напряженного труда как главного содержания жизни, с другой — воздержанность в потреблении и жизненных удовольствиях. Напротив того, успех в миру — и особенно в своем профессиональном призвании, поскольку оно представлялось Божиим промыслом — теперь обозначался как «признак избранности». Хотя верующий не может заслужить избранность своими собственными

силами, успех в деле является знаком, что «Бог воочию благословил его труд», и в благоприятном случае сообщает ему о желаемой «спасенности», к которой стремится кальвинист, в соответствии с учением Жана Кальвина о предопределении.

То, что до этого осуждалось, а именно беззастенчивое преследование коммерческих интересов, неограниченная личная ориентация на успех, становилось идеальным образом жизни, полным богоугодности, добродетели и ценности: моральное признание получало капиталистическое предприятие, которое по рациональной жизненной стратегии и по принципиальной установке на инвестирование осознанно нацелено на достижение экономического успеха. Крайним следствием этого высвобождения стремления к наживе стало сколачивание капитала благодаря бережливости. Поскольку успех в делах является самым надежным показателем богоугодности, капиталистическая прибыль становится одним из важнейших свидетельств того, что данное предприятие снискало Божье благословение. Так было достигнуто единство религиозных постулатов и благоприятного для капитализма буржуазного стиля жизни.

Парадоксальным и не предусмотренным доктриной кальвинизма результатом этих перемен П. Ульрих считает этически обоснуемое, решительное нормативное побуждение и даже поощрение поведения, свободного от собственно этического взгляда и ориентированного на сугубо экономические, меновые ценности, которое в конечном итоге находит кульминацию в оправдании так называемого принципа прибыли. Он возводит поведение, направленное исключительно на максимизацию личных выгод и преимуществ, в степень воплощенной экономической рациональности, даже в «принцип рациональности» в чистом виде. Провиденциальное толкование успеха преобразует деловых людей. Благодаря метафизически раздутому значению, которое приобретает частная экономическая прибыльность, исключительная направленность хозяйственного поведения на «предметные рациональные цели», освященная Божьим благословением, выступает на первый план по сравнению с ориентацией на человеческие отношения. Так, безличная экономическая логика приобретает легитимирующее и к тому же одновременно мотивирующее нормативное основание; по этим критериям П. Ульрих констатирует образование нового этоса — экономического.

Таким образом была подготовлена почва для обособления экономических мотивов поведения и их высвобождения из-под традиционного контроля этноконфессиональной среды. То, что мыслилось как самодисциплинированный, богоугодный способ жизни, непроизвольно обособлялось в движущую силу поступательной и упорной динамики экономической рационализации, понимаемой как самоцель. Здесь в зачаточной форме заложено культивирование того экономически детерми-

нированного мышления, которое затем будет окончательно структурно оформлено с выделением беслично функционирующей экономической системы.

Единство должного и желаемого, идеологически удерживаемое в этосе свободно-предпринимательского образа жизни начиная с раннего Нового времени, в силу скрытой за ним структуры закономерности стало распадаться, что было зафиксировано М. Вебером: «Пуританин *хотел* быть человеком дела (т. е. “призванным” к успешному самоутверждению на рынке), — мы *должны* быть им» [3, с. 35]. Требования этико-политической легитимации неизбежно редуцируются до частных соображений выгоды отдельных индивидов. Они не могут создать никакой другой этос, кроме «буржуазного, собственнического эгоизма». Ошибочная идея, что с такой предпосылкой все же можно разумно организовать общество, составляет, по П. Ульриху, «экономистическое базовое положение» современности.

На наш взгляд, национальное и этноконфессиональное у П. Ульриха следует отнести главным образом к той важной для него исследовательской области, которую он называет «хозяйственно-этической типологией», опирающейся на «углубленное рассмотрение отношений между индивидуальной и институциональной этикой» [3, с. 16]. Его более известный в России коллега Артур Рих отталкивался в своем анализе этой проблемы от религиозной системы Цвингли [2], Петер Ульрих исходит из решающего значения воззрений Кальвина. Рассмотренный им коренной перелом, в результате которого осуществился переход от кальвинистского к «современному экономическому этосу», имел поистине цивилизационное значение. Такая оценка присутствовала в отечественной литературе с самого момента появления интереса к обозначенной проблематике. В одном из первых номеров журнала «Философия хозяйства» читаем: «Возникновение новых хозяйственных систем всегда было результатом цивилизационных мутаций» [1, с. 193]. В дальнейшем редактором и авторами журнала была разработана комплексная междисциплинарная теория «экономической цивилизации». Одним из парадоксов этой цивилизации является самоотрицание этноконфессионального сознания, во всяком случае на уровне идеологических деклараций.

Повторим, П. Ульрих ставит перед собой задачу раскрыть нормативную природу «современного хозяйственного этоса», спрятанную под видом действующей анонимно и как будто независимо от воли людей экономической логики. Его позиция такова: кальвинист или пуританин еще были уверены в том, что под видом детерминизма рыночных законов царит свободная воля Творца. Но необратимым становится действие уже самого выработанного ими детерминистского типа мышления. Порожденный не только историческими условиями, но и уникальными свойствами этноконфессионального сознания, этот тип мышления разрывает

его рамки. Если рынок как таковой достаточно действен, чтобы иметь непреодолимую власть над человеком, он больше не нуждается в религиозно-этической мотивации. Здесь в центре внимания автора опять же прикрытая форма реально действующего норматива. «Там, где предписывается, что актеры заранее предопределены для преимущественно стратегического, а не коммуникативного поведения, там может быть организован экономический процесс, но только не хозяйственно-этический дискурс» [3, с. 51]. Поняв нормативную природу рыночной системы, можно противопоставить ей иные, альтернативные общественные нормы. П. Ульрих защищает идею общественного регулирования экономики и видит его задачу в ограничении законов конкуренции. Только при этом условии осуществимо и индивидуальное самоограничение. Под этим углом зрения он предлагает вести общественную и научную дискуссию по элементарным этическим вопросам современности: о смысле хозяйства и о социальной справедливости.

Литература

1. *Андреев А. Л.* Экономический механизм и историческая жизнь нации // *Философия хозяйства*. — 1999. — № 2.
2. *Рих А.* Хозяйственная этика. — М.: Посев, 2003.
3. *Ульрих П.* Критика экономизма. — М., 2004.
4. *Meyer-Fajje A., Ulrich P.* (Hrsg.). *Der andere Adam Smith. Beiträge zur Neubestimmung von Ökonomie als Politischer Ökonomie*. — Bern-Stuttgart, 1991.
5. *Ulrich P.* Transformation der ökonomischen Vernunft. Fortschrittsperspektiven der modernen Industriegesellschaft, 3. revid. Aufl. — Bern-Stuttgart-Wien, 1993.
6. *Weber M.* Die Protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus // *Weber M.* *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*, 9. Aufl. — Tübingen, 1988.

С. С. Мерзляков

1.4. Культурные архетипы как ресурс развития

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие культуры и экономики. Обсуждается роль ценностей, характерных для обществ разного типа, в экономическом развитии. Раскрываются сильные и слабые стороны доминирования в обществе иерархических и индивидуалистических ценностей для инновационного развития.

Ключевые слова: культура, неформальные институты, модели поведения.

Abstract. The article discusses the interaction between culture and the economy. We discuss the role of the values of different social types for economic development and consider the strengths and weaknesses of domination of hierarchical and individualistic values in a society for innovative development.

Keywords: culture, informal institutions, behavior patterns.

Культура и экономика. Связь экономического развития общества и культуры в настоящее время не подвергается сомнению. Влияние сложившихся в том или ином обществе моделей поведения, структуры неформальных институтов и ценностных ориентаций на хозяйственную жизнь было продемонстрировано в том числе в кросс-культурных исследованиях. Эти исследования продемонстрировали корреляцию между некоторыми ценностными ориентирами, распространенными среди людей, и экономическими успехами общества [5; 6].

В связи с открытием взаимосвязи между ценностями и экономическими успехами появилась потребность выявить те ценности, модели поведения или элементы культуры, которые позволяют ускорить экономическое развитие. Если есть определенный набор поведенческих установок, которые способствуют экономическому процветанию, то, видимо, нужно культивировать, т. е. переносить эти установки из благополучных в экономическом плане обществ в менее благополучные, и тогда у последних появятся дополнительные стимулы к развитию — это основная идея исследований в данном направлении. Создание некоторого универсального перечня «качественных» элементов культуры позволяет при помощи социальной инженерии увеличить экономический потенциал общества. В основе этого подхода лежит достаточно простая идея о том, что общество формирует у отдельного индивида вполне конкретный набор способов взаимодействия с другими людьми и миром в целом. При этом такой набор может способствовать решению актуальных задач общества, а может, наоборот, мешать.

Индивид и иерархия. Например, в ряде работ продемонстрировано, что в иерархичных «вертикальных» обществах развитие инновационных технологий идет значительно хуже, чем в обществах «горизонтальных». И наоборот, распространение в обществе ценностей индивидуализма, приоритета личности перед обществом, способствует развитию инноваций [7].

Если мы в контексте этого подхода обратимся к ценностям и установкам, распространенным в российском обществе, то обнаружим, что в России доминируют как раз ценности иерархии и приоритета общества над индивидом. Это можно продемонстрировать на примере результатов исследования «Обзор мировых ценностей» [9]. Таблица 1 показывает, что россияне значительно больше, чем жители успешных в экономическом плане стран Запада, рассчитывают на государство. Это значит, что в российском обществе до сих пор присутствуют и доминируют патерналистские установки, характерные для иерархичных обществ. Ценностная и поведенческая ориентация на иерархию доминирует несмотря на то, что формальные институты СССР, централизованного иерархичного государства, были заменены на формальные институты, характерные для демократических стран. Это происходит, потому что неформальные

институты, традиции, культурные паттерны и модели поведения меняются медленнее формальных. И несоответствие формальных институтов неформальным является одной из причин, по которой институты, перенесенные из экономически развитых государств, далеко не всегда приводят к экономическому процветанию на новом месте — они просто не приживаются на почве местных неформальных институтов.

Таблица 1

Ответственность государства (в %)

	Россия	Германия	Голландия	Швеция	США	Австралия
Государство должно нести больше ответственности за то, чтобы все граждане были обеспечены	41,9	12	4,8	7,7	8,5	11,5
2	12,4	8	2,8	5,2	4,4	4,5
3	10	14,1	7	8,4	6,5	8,7
4	5,5	10,8	10	9,9	7,7	6,9
5	10,1	20,9	12,3	19,7	13,8	16,6
6	4,6	8,5	16,9	10,3	8,8	8,3
7	2,8	10,6	20,8	13,6	9,4	11,4
8	3,5	7,6	14,7	12,8	11,1	14
9	1,8	1,6	3,6	3,4	8,6	5,8
Люди должны нести больше ответственности за себя	4	5,5	2,4	7	18,2	10,4

Источник: [World Values Survey, 2010–2014]

На сравнительно низкий уровень распространения индивидуалистических ценностей в российском обществе указывает и ответ россиян на вопрос: «Насколько Вы можете контролировать свою жизнь?» Таблица 2 показывает, что у россиян чувство контроля за собственной жизнью несколько ниже, чем у жителей экономически развитых западных стран.

Таблица 2

Свобода выбора и контроль над своей жизнью (в %)

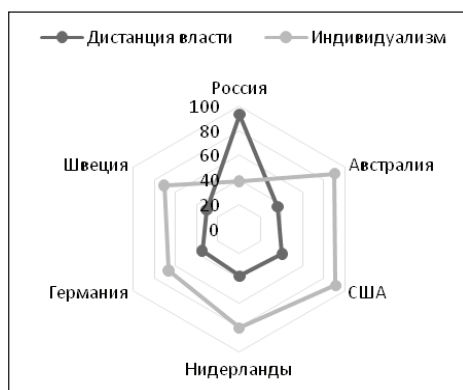
	Россия	Германия	Голландия	Швеция	США	Австралия
Нет выбора и контроля совсем	3,6	1,6	0,5	0,3	0,5	0,8
2	3,4	1,3	0,4	0,4	0,6	1,1
3	7,2	4,3	1,6	1,7	1,1	2,4
4	7,2	4,7	2,7	2,6	2,2	3

Окончание табл. 2

	Россия	Германия	Голландия	Швеция	США	Австралия
5	20,2	14,9	7,4	9,3	9	7,5
6	14,3	13,7	17,1	9,5	8,5	6,7
7	14,4	20,8	32,1	19,3	15,6	15,7
8	13,5	18,8	25,2	24,6	25,1	25,6
9	4,3	6,4	5,3	11,3	17,7	15,7
Полный выбор и контроль	7,4	13,2	2,1	20,4	18,4	20,4

Источник: [World Values Survey, 2010–2014]

Исследования по методу Г. Хофстеде также указывают на то, что в социокультурном профиле россиян сильны установки на иерархические ценности и приоритет общества перед отдельным человеком. На приведенном ниже рисунке показаны результаты исследования по двум параметрам: дистанция власти и индивидуализм. Видно, что для России характерны высокая дистанция власти и сравнительно низкая оценка ценностей индивидуализма.

Исследование культурных характеристик по методу Г. Хофстеде

Источник: Hofstede G. Country comparison.

URL: <https://geert-hofstede.com/countries.html> (дата обращения: 25.11.2017)

Таким образом, для ценностного каркаса России характерны ориентация на главенство общественных интересов над индивидуальными и принятие иерархичной структуры общества. Является ли это плохим показателем? И нужно ли запускать механизм социальной инженерии и избавляться от груза экономически неэффективных ценностей?

«Рента с воображения». Разумеется, культурные особенности влияют на поведение людей, в том числе и на экономическое поведение. Если есть разные культуры, то будут и разные стратегии взаимодействия с ми-

ром и социумом — культурная специфика определяются целями и способами достижения этих целей человеком. В различных культурах — разные цели и разные способы их достижения.

Если в свержиерархичных обществах главной ценностью является близость к государству, которое сосредоточивает в своих руках все ресурсы и обладает абсолютным правом на их распределение, то в этих условиях формируется один способ взаимодействия со средой. Если в «горизонтальных» обществах главной ценностью является возможность реализовать свои навыки, то формируется другой способ взаимодействия человека с миром. Это различие в поведенческих установках можно продемонстрировать результатами того же «Международного обзора ценностей». У людей спрашивали, какие из качеств нужно воспитывать у детей в первую очередь? В табл. 3 показано, как жители некоторых стран оценивали важность воспитания у детей такого качества, как воображение.

Таблица 3

**Является ли воображение
важным качеством для ребенка? (в %)**

	Россия	Германия	Голландия	Швеция	США	Австралия
Указали воображение	16,5	29,5	20	46,7	30,5	39,8
Не указали воображение	82,9	70,4	80	53,3	69,5	60,2

Источник: [World Values Survey, 2010–2014]

Согласно этому исследованию россияне не склонны считать воображение важным качеством. Но такое качество, как послушность, россиянами ценится высоко (табл. 4).

Таблица 4

**Является ли послушность
важным качеством для ребенка? (в %)**

	Россия	Германия	Голландия	Швеция	США	Австралия
Указали послушность	34,8	12,6	26,6	12,2	27,9	28,2
Не указали послушность	64,6	87,4	74,4	87,8	72,1	71,8

Источник: [World Values Survey, 2010–2014]

Для иерархичных обществ действительно важнее навык встраивания в иерархическую структуру, которая предполагает жесткое следование правилам. А для горизонтальной социальной системы важнее становится не способность встраиваться в иерархию, но способность создавать новый продукт. Это разные способы добиваться наиболее выгодного положения в обществе для человека исходя из правил функционирования этого общества.

В отсутствие иерархии человеку становится выгодно максимально расширять пространство возможного применения своих навыков и способностей. При этом поведение отдельного индивида, нацеленное на поиск и создание нового продукта, выгодно социальной системе в целом, потому что ускоряет создание и введение инноваций, — установка на самовыражение, креативность и оригинальность экономически выгодна обществу. Страны с доминированием индивидуалистических ценностей получают своего рода «ренту с воображения», т. е. эксплуатируют выгодную в настоящая время модель поведения.

Эта эксплуатация возможна благодаря инклюзивным институтам [1], способствующим индивидуальной активности, и созданию механизма, который расширяет пространство возможного применения человеком своих способностей (в том числе за счет размывания норм традиции, морали) и мешает консервативным тенденциям препятствовать созданию новых пространств для самореализации. В этом случае терпимость к расширению привычных ценностных норм сама по себе является экономическим ресурсом, поскольку способствует появлению инноваций.

Нам могут возразить, что мы путаем причину и следствие. В таком случае нужно говорить о том, что установка на самовыражение является следствием достаточно высокого уровня жизни и представляет собой постматериальную ценность [2], а не способ обретения этого самого высокого уровня жизни. Однако мы не говорим о креативности как об оформленной ценности постматериалиста, но указываем на стратегию индивида взаимодействовать с обществом и миром. Вектор на расширение пространства, возможного для отдельного индивида и выработку механизмов, позволяющих выходить за рамки устоявшихся в обществе норм, был выбран рядом государств задолго до наступления постмодерна и появления дискуссии о постматериальных ценностях. Подобные ценности постматериализма могут быть оформленными в культуре уже существовавшими стратегиями. Кроме того, нам не просто согласиться с тем, что ценности постмодерна отдают более высокий приоритет самовыражению, чем экономической эффективности, потому что, на наш взгляд, понятия «приоритет самовыражения» и «экономическая эффективность» являются в настоящее время синонимичными понятиями в контексте способа индивида достигать своих целей. Приоритет самовыражения — это вариант экономически эффективного поведения.

Но значит ли это, что российскому обществу нужно отказываться от укорененных в нем коллективистских ценностей в пользу ценностей индивидуалистических? Неужели именно ценности индивидуализма являются панацеей от экономической отсталости и тем самым стимулом для развития, который мы ищем?

Культурные архетипы как ресурс развития. Несмотря на то, что идея о превосходстве индивидуалистических обществ перед коллективистским в процессе создания инновационного продукта интуитивно кажется верной и подкрепляется рядом исследований, она не является общепринятой. М. Тэйлор и Ш. Уилсон в своем исследовании влияния культуры на экономику указывают, что некоторые формы коллективизма оказывают стимулирующие действие на инновационное развитие [8]. К таким формам коллективизма они относят патриотизм и национализм. Примером общества, которое, несмотря на иерархичность, добилось успехов в области инновационных технологий, является Япония. Таким образом, нельзя с уверенностью утверждать, что индивидуалистические общества обладают абсолютным преимуществом перед обществом с доминированием коллективистских ценностей в процессе создания технологий.

Ценности коллективистского общества могут быть ресурсом для развития экономики. Ш. Шварц отмечает, что ценности общества и ценности институтов взаимосвязаны [4]. Например, успех некоторого института в обществе подкрепляет те культурные ценности, на основе которых он функционирует. Другими словами, элитарность института является причиной переноса ценностей этого института в общество и наоборот — в обществе становятся успешными те институты, которые согласуются с ценностями этого общества.

В современной России черты элитарного института приобретает такой сверхиерархичный институт, как армия. Растет авторитет к армии и статус военнослужащего [3]. Это происходит как благодаря тому, что ВС РФ демонстрируют качественное выполнение своих функций, так и благодаря тому, что уважение к армии и военнослужащему является важным элементом ценностного каркаса россиян.

Дело не только в том, что армия и оборонно-промышленный комплекс являются сами по себе одним из потенциальных драйверов экономического развития, но и в том, что армия, ее образ и ее культура содержат в себе культурные архетипы, т. е. важные элементы менталитета россиян. И эти культурные архетипы важно научиться использовать вместо того, чтобы менять их на чужие неформальные институты и попадать в ловушку дегармонизации институтов. Если есть нечто, что отличает культуру одной нации от другой, то это нечто потенциально является значимым конкурентным преимуществом.

Приведем пример удачного использования культурных кодов россиян. Одним из наиболее успешных IT-продуктов, созданных на территории бывшего СССР, является сетевая игра World of tanks. В 2015 г. количество зарегистрированных пользователей превышало 110 млн. Выручка в 2015 г. составила 590 млн долл. То есть был создан сверхпопулярный, качественный и конкурентоспособный на внешнем рынке

продукт, который использовал культурные коды жителей стран бывшего СССР. В этой игре игрокам предлагается управлять танком времен Великой Отечественной войны. Во многих городах России стоят памятники в виде танков. Танк для россиян и жителей Восточной Европы является архетипом мужественности и одним из главных символов одного из самых значимых исторических, укорененных в культуре событий. Таким образом, продукт, который создавался изначально «для своих», т. е. лишь для сообщества любителей бронетехники, стал примером удачного использования культурных кодов.

Таким образом, использование культурных кодов, созданных коллективистским обществом, может быть конкурентным преимуществом. Любая оригинальная культура может быть конкурентным преимуществом, и ее элементы могут приносить прибыль. Если говорить о тех ценностях, которые сегодня считаются более выгодными с точки зрения экономического развития, то даже самый масштабный форсайт-проект не даст гарантий, что они будут выгодны и в более или менее отдаленной перспективе. Поиск эффективного способа использования уже существующих неформальных правил поведения и ценностных ориентаций представляется не менее выгодным, чем «прививка» новых ценностей. Кроме того, ориентация на уже функционирующие неформальные правила поможет избежать попадания в опасную ловушку дегармонизации институтов.

Литература

1. *Аджемоглу Д., Робинсон Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. — М.: АСТ, 2016. — С. 99–134.
2. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. — 1997. — № 4. — С. 6–32.
3. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3042. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115588> (дата обращения: 01.09.2016).
4. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2008. — Т. 5. — № 2. — С. 37–67.
5. *Guiso L., Sapienza P., Zingales L.* Does Culture Affect Economic Outcome // Journal of Economic Prospective. — 2006. — Vol. 20. — № 2.
6. *Henrich J.* Does Culture Matter in Economic Behavior? Ultimatum Game Bargaining among the Machiguenga of the Peruvian Amazon // American Economic Review. — 2000. — Vol. 90. — № 4.
7. *Shane S.* Why do some societies invent more than others? // Journal of Business Venturing. — 1992. — Vol. 7. — P. 29–46.
8. *Taylor M., Wilson S.* Does culture still matter? The effects of individualism on national innovation rates // Journal of Business Venturing. — 2012. — Vol. 27. — P. 234–247.
9. World Values Survey. 2010–2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org> (дата обращения: 17.07.2016).

1.5. Национальная культура и этнодинамика в качестве факторов национально-экономического развития

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь национальной культуры и этнодинамики в качестве факторов национально-экономического развития. Либеральная доктрина в России, которой придерживаются ведущие экономисты и ключевые министры, гласит, что только экономические факторы, новые инвестиции и технологии способны вывести страну из глубокого кризиса. Однако зарубежные исследования и опыт передовых компаний США говорят нам об обратном. Не индивидуализм, не свободная конкуренция, не открытая экономика и глобализация по-американски являются реальными факторами суверенного национально-экономического развития, а национальная культура и ее смыслообразующие ценности, национальные хозяйственные стереотипы, исторически сформировавшие национальную этнодинамику, являются реальными движущими силами и факторами национально-экономического развития, укрепляющего национальный суверенитет.

Ключевые слова: национальное сознание, культура, этнодинамика, хозяйственные стереотипы, инвестиции, технологии, движущие силы.

Abstract. The article analyses the relationship between national culture and ethnogenetic in quality of the factors of national economic development. Liberal doctrine in Russia in the face of leading economists and senior Ministers continue to assert that only economic factors, only the new investment and technologies capable of leading the country from deep crisis. However, foreign experience, including the experience of leading companies in the US tells us otherwise. This experience argues that not individualism, not free competition, not an open economy and the globalization, according American plans, are the real factors of sovereign national economic development. This experience convinces us of the opposite, he argues that national culture and its sense-value and the national economic stereotypes that have historically shaped the national ethnogenetic, — are the real driving forces and factors of national economic development, that strengthens for national sovereignty.

Key words: national culture, mentality, ethnogenomics, economic stereotypes, investments, technology, driving forces.

Природа любых экономических явлений и процессов коренится в сознании людей. Не может не поражать та настойчивость, с которой наши либеральные коллеги продолжают утверждать с различных трибун — и это в условиях современного кризиса, вызванного либерально-монетарной моделью, — что, дескать, выйти из него мы сможем только с помощью частного и прежде всего иностранного капитала. Производство упало в ряде отраслей в 1,5–2 раза, а виноваты в этом все, но только не либеральные реформаторы.

Модернизации России мешают русские — основная масса наших соотечественников живет в прошлом веке и развиваться не хочет. Так

считает председатель правления Института современного развития (ИНСОР) И. Юргенс. «Русские еще очень архаичны. В российском менталитете общность выше, чем личность». Юргенс оскорбительно замечает, что «выпаривать из российского народа общинно-коллективистскую архаику», по его прогнозу, предстоит еще лет пятнадцать. «Только к 2025 году русский народ станет совместим со среднеевропейским», — предсказывает политолог [21].

Рассмотрим, ссылаясь и на зарубежный опыт, каковы истинные факторы, реальные движущие силы, определяющие национальную динамику и национальный суверенитет. Начнем с западного опыта.

Исследования американских ученых о деятельности коллективных предприятий

В развитых странах Запада в послевоенные и в 1950—1970-е гг. широко распространились социал-демократические концепции народного капитализма и народнокапиталистической собственности. На Западе применяются два способа привлечения работников к управлению производством: через *участие в собственности* и *участие в прибылях* компании. Наибольшего развития «соучастие» достигло в ФРГ, где оно существует в различных формах с начала 1950-х гг. Согласно закону о «соучастии» от 4 мая 1976 г. наблюдательные советы западногерманских компаний с числом занятых свыше 2 тыс. формируются на паритетных началах из представителей акционеров и работающих по найму, причем контингент последних формируется частично из занятых в данной фирме, а также из функций партнеров соответствующего отраслевого профсоюза [10, с. 19—20]. В настоящее время в США свыше 11 млн работников идут по пути превращения в совладельцев компаний. Модель ESOP (ESOP — Employee Stock Ownership Plan, или «План создания акционерной собственности работников») применяют там 12 тыс. фирм с суммарным доходом в 120 млрд долл., на которых занято 13% рабочей силы страны [9, с. 983—984].

Американских фирм, в которых использовалось участие работников в прибыли, насчитывалось 340 тыс. Они составляли 15% компаний. В них было занято более 17 млн человек [18, с. 417]. Половина ведущих компаний Великобритании практиковала те или иные формы участия в прибылях. Этой системой было охвачено 16% наемных работников. В середине 1980-х гг. в Швеции почти 100 фирм в промышленности (1% от общего числа компаний) находились в собственности их работников. С 1967 г. во Франции для всех фирм с числом занятых более 100 человек было обязательным участие персонала в прибылях. К концу 1980-х гг. число занятых в этих фирмах составило свыше 5 млн человек [1, с. 50—51]. В некоторых компаниях США доля акций, принадлежащих рабочим, доходит до 100%. Примерно в третьей части фирм с ESOP работающим в компании

принадлежат более 50% их акций. В среднем же по США собственность работников в имуществе компании равна 30–40% [22, с. 8].

Однако примечательно здесь не это, а то, что компании, в которых наряду с применением ESOP допускалось активное участие трудящихся в управлении, темпы прироста прибыли были на 8–11% выше, чем без него. Другие исследования показали, что компании, в которых применяются вместе собственность работников и их участие в управлении, увеличивают темпы роста производительности труда. Так, например, без ESOP они составляли 3% в год, а с ESOP — 4,5% [6, с. 6]. По данным американских исследователей Д. Симмонса и У. Мэрса, «компании с собственностью работников в среднем имеют отдачу на инвестиции на 50% выше, чем обычные фирмы», и «на фондовых рынках США цена акций их компаний растет быстрее, чем тех, которые не принадлежат работникам» [15, с. 282].

По подсчетам проф. Д. Левина и проф. Л. Тайсон — главы Экономического совета при бывшем президенте Б. Клинтоне, фирмы с высокой степенью участия труда в управлении производством функционировали лучше, чем фирмы, где эта степень была низкой. В данных фирмах производительность живого труда была выше на 15%, фондоотдача — на 177, норма прибыли на используемый капитал — на 33% [24, с. 198, 203].

По убеждению лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Мида, сохранить многие из преимуществ «управляемой трудом фирмы» и одновременно преодолеть многие из недостатков позволит организация фирмы на принципах «партнерства труда и капитала» при принятии решений в сфере управления производством и распределения его результатов (даже без привлечения работников к участию в капитале фирмы) [25, с. 3–6, 15–16].

При этом чисто трудовая мотивация переплетается с мотивацией собственника. Национальный центр по охране совместной собственности рабочих и служащих в США обследовал в 1985 г. 360 компаний, выпускающих высокотехнологичную продукцию. В результате был сделан вывод, что компании, где собственность разделена с большей частью или со всеми рабочими и служащими, развиваются в 2–4 раза быстрее, чем те, где рабочие не владеют акциями. При исследовании 52 компаний, акции которых принадлежат рабочим, Национальный центр обнаружил, что лучших результатов добиваются те компании, которые вносят самые большие вклады в акционерный капитал на счета рабочих [2, с. 167].

В 1970–1980-х гг. на предприятиях капиталистических фирм стали широко внедряться бригадные формы труда, в частности передача этим бригадам отдельных функций контролеров и организаторов производственного процесса на своем уровне. Так, японская фирма «Мицубиси

электрик» уже с 1968 г. стала практиковать на своих заводах создание полуавтономных групп по сборке электроприборов. Каждая бригада располагалась заданиями на неделю и месяц, самостоятельно устанавливала ежедневное задание, отвечала за конечную продукцию и ее качество. В результате производительность труда возросла на 50%, существенно снизился брак. Характерным является пример автомобильного завода шведской фирмы «Вольво» в г. Кальмаре. В конце 1970-х гг. завод приступил к сборке, которая осуществлялась полуавтономными бригадами. На предприятии работало всего 600 человек, которые выпускали в год 30 тыс. автомобилей [19, с. 103].

Право работников на участие в управлении производством и распределении его результатов зафиксировано не только в национальных законодательствах целого ряда европейских стран, но также и на международном уровне. Прежде всего — во Всеобщей декларации прав человека (1948), в Декларации МОТ «Об основополагающих принципах и правах человека в сфере труда» (1998), в ряде Конвенций МОТ, например «О защите прав представителей трудящихся на предприятиях и предоставляемых им возможностях» (1971), «О коллективных переговорах» (1981) и др. [7, с. 161].

В Директиве Совета ЕС (1994) содержатся рекомендации странам — членам Сообщества об оказании всяческого содействия программам демократизации отношений собственности на производстве на уровне фирмы в рамках Программы действий по осуществлению Хартии Сообщества об основных социальных правах работников 1989 г.

Во Франции, например, правительство создало «Высший совет участия», в который входят представители государства, объединений предпринимателей и профсоюзов. Главная задача данного органа — контролировать проведение в жизнь программ, предусматривающих участие трудящихся в прибылях, капитале и управлении, координировать инициативы по их дальнейшему продвижению и составлять ежегодный доклад для премьер-министра и парламента об итогах развития в этой области [11, с. 34; 7, с. 161–162].

Американские ученые и взаимосвязь организационной структуры, культуры и организационной философии предприятия

Многие американские исследователи указывают на то, что «глубокое изменение *организационной культуры*, всей *системы ценностей* в компании может обеспечить повышение эффективности управления, взаимодействия между различными подразделениями аппарата в долгосрочном плане» [11, с. 399]. Американский специалист по вопросам управления Б. Уоррен подчеркивает: «Помните: любая культура — национальная,

бюрократическая или организационная — черпает силу и энергию в особенностях своей истории, географии, технологии и философии. Не существует двух похожих организационных культур, как нет двух похожих культур национальных» [12, с. 38].

Они отмечают, что «общая цель объединяет людей, вносит смысл и придает целенаправленность их усилиям, *дает основополагающее начало в процессе выработки управленческих решений*» [8, с. 52–53].

Решающее значение приобретают здесь самоуправление и бригадная организация труда работников. Американские специалисты по вопросам управления разделяют предприятие на две подсистемы: техническую и социальную. Специалист по вопросам управления Р. Уотермен считает, что «серьезнейшим препятствием на пути перемен и обновления служит позиция мы/они, которая ведет к расколу организации. Подход мы/они распространен повсеместно. Самый очевидный пример — противостояние рабочих и администрации. Затем можно назвать классический пример между линейными и функциональными руководителями; сбыт и производство. Общей чертой такого рода раскола является утрата связей. Доверие исчезает — или же так никогда и не возникает. В результате организация попадает в тупик» [17, с. 207].

Многие американские управленцы считают, что «чисто управленческими средствами можно добиться куда более впечатляющих успехов, применяя при этом более старое оборудование» [8, с. 79]. Многие указывают на то, что новые инвестиции и технологии способны повысить эффективность производства только на 20% [4]. А остальные 80% роста производительности труда и эффективности производства являются результатом внедрения социокультурных факторов. Для преодоления барьеров мы/они американские и другие западные компании стремятся преодолеть конфронтацию между администрацией и работниками предприятий. Для этого практикуются различные формы коллективной работы и так называемый групповой динамизм, при котором весь коллектив посвящается во все основные дела и проблемы компании и подключается к их решению. Причем это экономически стимулируется.

Принцип узкой специализации каждого из работников заменяется подходом, при котором группа рабочих универсальной квалификации несет полную ответственность за определенный участок работы. Она отвечает за качество, экономию ресурсов, привлечение новых специалистов, подготовку персонала, т. е. за весьма широкий набор видов деятельности.

Такой групповой подход получил в последние годы довольно широкое распространение в США. Так, проведенное в 1986 г. обследование 1600 компаний показало, что более 8% из них использовали различного типа самоуправленческие структуры. Многочисленные примеры свиде-

тельствуют о том, что групповой подход к организации работ приносит значительный экономический эффект и позволяет повысить производительность от 60 до 600% [3, с. 247]. Кроме того, создание самоуправляющихся целевых команд позволяет резко упростить число отдельных операций, сделать систему производства и сборки более простой и эффективной. Число операций, выполняемых на отдельных специализированных рабочих местах, сокращается с нескольких сотен до нескольких десятков.

Анализируя вопросы повышения конкурентоспособности предприятий в борьбе с ведущими фирмами, американские исследователи указывают на то, что для этого *требуются новые подходы в организации производства и управления*. Так, например, Р. Хейс, С. Уилрайт, К. Кларк в работе «Динамичное производство» указывают, что «успех в конкурентной борьбе здесь все более становится не столько функцией производства, сколько функцией управления, чуть не целиком зависит от качества, эффективности управления и организации производства в самом широком смысле» [5, с. 377].

Другими словами, коллективный труд и создание самоуправляющихся целевых команд позволяют не только резко упростить число отдельных операций и сделать систему производства и сборки более простой и эффективной. Из этого вытекает более широкий вывод: коллективный труд как функция управления значительно повышает конкурентоспособность компаний, сплачивая коллектив вокруг руководства и нацеливая всех на достижение высоких стратегических результатов.

Принципиальное различие между западным и восточным капитализмом

В мировой экономике сложилось два противоположных типа капитализма. Первый — *англосаксонский* вариант капитализма (Англия, США и др.) — развивается на основе приверженности системным принципам капитализма: индивидуализма, частной собственности, свободы предпринимательства, минимума государственного вмешательства и пр. Второй — *азиатский* вариант капитализма (Япония, Южная Корея, Тайвань, Малайзия, Индонезия и др.) — развивается на основе ценностей восточной культуры: коллективизма, взаимозависимости, солидарности, долга, служения, уважения иерархии и авторитета государственной власти, сильного государственного вмешательства, стремления к созданию социально однородного общества и пр.

Анализируя особенности японского капитализма, американские специалисты по проблемам управления Дж. Грейсон и К. О’Делл пишут: «Некоторые в шутку называют его “конфуцианским капитализмом” или “коммунальным капитализмом”». Называйте его как угодно, на этикетке может быть написано «капитализм», но внутри это все-таки нечто другое.

Если говорить словами основателя компании «Хонда моторс» Т. Фудзикавы, «японская и американская системы управления одинаковы на 95% и отличаются во всех важных пунктах» [3, с. 312].

Ли Якокка, крупнейший менеджер в 1980-х гг. в США, пишет: «Как японцам удалось создать такие хорошие автомобили? Все начинается с рабочих... производительность труда японских рабочих выше, чем у нас. Я не говорю, что они квалифицированнее, нет, просто они работают на основе иной системы правил... Если позиция японского рабочего выражается вопросом “чем я могу помочь”, позицию американского рабочего чаще характеризует отговорка “это не мое дело»» [23, с. 353–354].

Столкнувшись с «японским вызовом», многие американские компании к середине 1970-х гг. стали заимствовать более передовой японский опыт, перестраивая свои организационные структуры управления на основе принципов коллективизма, применяя бригадную организацию труда и оплаты, переходя широко к производственному самоуправлению, присущему японскому капитализму.

Наличие двух моделей капитализма косвенно указывает на то, что социокультурные ценности и соответствующая организационная философия (ценности и цели фирмы, организационные принципы управления) являются первичными, определяющими в развитии социально-экономической системы общества. А сам капитализм как способ производства является закономерным продуктом той национальной социокультурной системы, в рамках которой он возник и сформировался. Универсальной модели капитализма в природе не существует. При этом японский, т. е. восточный, капитализм оказался эффективнее западного — англосаксонского (американского).

Культура, идеология и этнодинамика как факторы движения национального хозяйства

Идеология в системе данного общества является частью структуры производительных сил страны, а государственная идеология рассматривается здесь как важнейший фактор общественного производства, являясь системой работающих принципов, на основе которых развивается экономика, национальное хозяйство и все общество в целом. Таким образом, именно принципы государственной идеологии превращаются в мощные факторы движения национального хозяйства, а современные мировые войны основаны на использовании именно этих факторов, превращая принципы либерализма в мощное информационное оружие.

Мы исходим из наличия в недрах любой культурной системы определенного культурного ядра, надпоколенческого и надвременного, носящего в известном смысле трансцендентный характер. Национальное

хозяйство как сумма неформальных институтов строится именно на этом фундаменте. Культурное ядро диктует такие идеологемы, как солидарность и братство, коллективизм, справедливость. На них базируются, в свою очередь, методологические принципы экономики.

Фрайбургская школа неокантианства развивала тезис: объяснению мира предшествует выбор этических ценностей. Так, по утверждению бывшего лидера СДРПШ и вице-президента Социнтерна У. Пальме, социальная цель выводится из «идеалов и этических ценностей», а направление политики в конечном счете определяется «ценностными установками и идеями» [10, с. 19–20]. При таком подходе экономические законы воспроизводства общества являются уже отражением закономерностей самой жизни.

Нация существует как культурно-исторический тип с присущей ему этнодинамикой только *благодаря наличию постоянно действующего механизма воспроизводства фундаментальных ценностей и хозяйственных стереотипов*. Стереотипы экономического поведения, многообразные хозяйственные уклады, морально-религиозные по своему происхождению принципы жизнедеятельности — все это определяется не чисто экономическими мотивами, но традициями и культурными нормами. Они и создают в обществе реальную этнодинамику.

Объективно существуя как идеальное бытие в качестве составной части общественного бытия, смыслообразующие принципы культуры и стереотипы бытия предшествуют процессу возникновения (создания) экономической формации, формируя как принципы развития данной формации, так и условия развития самого человека и всего общества в целом.

Соответственно, цели и мотивы хозяйственной деятельности формируются *моралью*, имеют *этическое и религиозное измерение*. А в его основе лежит «*собственный этический масштаб*» данной нации, основанный на многовековых морально-этических нормах и традициях, имеющих религиозное происхождение [20, с. 481].

Заклучая, приходим к следующему выводу: хозяйство всегда функционирует на основе тех или иных религиозных и идеологических концептов, служащих проявлением разного типа мировоззрений. Философия только формулирует, теоретически обобщает систему жизненных принципов, отличающих конкретный народ, которые основаны на исторических традициях, присущих известному культурно-историческому типу. На основе выработанных национальной мыслью принципов создаются политические и экономические доктрины и соответствующие идеологии. Мы не выбираем модель национального хозяйства, она задается совокупностью социокультурных, цивилизационных, нравственных ценностей, исторически сформировавших нашу цивилизацию — русско-евразийскую.

Литература

1. *Агеев А. И.* Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. — М., 1990. — С. 50–51.
2. Бюллетень научной информации. — 1985. — № 50. — М.: АОН при ЦК КПСС.
3. *Грейсон Дж. К. мл., О'Делл К.* Американский менеджмент на пороге XXI века: пер. с англ. — М.: Экономика, 1991.
4. Как добиться успеха: практические советы деловым людям / под ред. В. Е. Хруцкого. — М.: Политиздат, 1991.
5. Как повысить конкурентоспособность вашего предприятия: реферат. По кн.: *Хейс Р., Уилрайт С., Кларк К.* Динамичное производство. — Нью-Йорк, 1988.
6. *Лунд М.* Собственность работников // Экономика и жизнь. — 1991. — № 48.
7. От наемного труда к свободному (производственное самоуправление или «третий путь» в экономике): сборник трудов / под общ. ред. академика Святослава Федорова. — М.: Слово, 2001.
8. Новое мышление в управлении производством: реферат // Как добиться успеха: практические советы деловым людям / под общ. ред. В. Е. Хруцкого. — М.: Политиздат, 1991.
9. *Олейников А. А.* Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства: учебник для вузов для бакалавров, специалистов и магистров: в 2 ч. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — С. 983–984.
10. *Паньков В. С.* Экономические теории современного социал-реформизма. — М.: Мысль, 1980. — С. 19–20.
11. Переход собственности трудящимся при приватизации. На опыте стран Центральной и Восточной Европы: пер. с англ. — МОТ, 1998. — С. 34.
12. Почему лидеры не могут руководить: реферат. По кн.: *Уоррен Б.* Почему лидеры не могут руководить. Молчаливый заговор продолжается. — Сан-Франциско, 1989.
13. *Симмонс Д., Мэрс У.* Как стать собственником. Американский опыт участия работников в собственности и управлении. — М., 1993. — С. 282.
14. Современная смешанная экономика / под ред. В. А. Мартынова. — М., 1992. — С. 63–64.
15. *Симмонс Д., Мэрс У.* Как стать собственником. Американский опыт участия работников в собственности и управлении. — М., 1993. — С. 282.
16. Современная смешанная экономика / под ред. В. А. Мартынова. — М., 1992. — С. 63–64.
17. *Уотермен Р.* Фактор обновления: как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании / пер с англ. — М.: Прогресс, 1988. — С. 207.
18. *Федоренко Н. П.* Россия: уроки прошлого и лики будущего. — М., 2001. — С. 417.
19. *Хижный Э. К.* Заработная плата трудящихся при капитализме: современные тенденции. — М.: Наука, 1980. — С. 103.
20. *Шпенглер О.* Закат Европы. — Ростов н/Д: Феникс, 1998. — С. 481.

-
21. *Юргенс И.* Модернизации России мешают русские // Махпарк [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/user/486787864/content/529113> (дата обращения: 25.11.2017).
 22. Экономика и жизнь. — 1991. — № 49. — С. 8.
 23. *Якокка Л.* Карьера менеджера: пер. с англ. / общ. ред. С. Ю. Медведкова. — М.: Прогресс, 1990. — С. 353–354.
 24. Paying for Productivity. A look at the Evidence. Ed. A. S. Blinder. — Washington: The Brookings Institution, 1990. — P. 198, 203.
 25. *Meade J. E.* Agathotopia: The Economics of Partnership. — Aberdeen University Press, 1989. — P. 3–6, 15–16.

ГЛАВА 2

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

С. В. Кайманак

2.1. Своеобразие российского предпринимательства: исторический экскурс

Аннотация. Недавние выборы в Государственную Думу показали, что отношение населения к предпринимательству в современной России достаточно противоречиво. В этой связи представляет интерес вопрос о специфике российского предпринимательства (в первую голову его просвещенной части) в дореволюционный период. Краткий анализ этого вопроса представлен в данной статье.

Ключевые слова: предпринимательство, многоуровневая система, общественная миссия, крупномасштабные проекты, первопроходцы, меценатство, социальные проблемы, старообрядцы.

Annotation. The recent elections to the State Duma showed that the population's attitude towards entrepreneurship in Russia today is inconsistent enough. In this regard, it is interesting to the specifics of Russian business (in the first place, it enlightened parts) in the pre-revolutionary period. A brief analysis of this issue is presented in this article.

Keywords: business, multilevel system, social mission, large-scale projects, pioneers, philanthropy, social issues, the Old Believers.

Сентябрьские выборы 2016 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации показали, что большинство пришедших на выборы избирателей поддерживают пропрезидентскую партию, связывая с ней свои ожидания на стабилизацию социально-экономической обстановки в стране («лишь бы хуже не было»). В то же время избиратели, по существу, поддержали и крупный бизнес, представленный в основном в Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП), интересам которого фактически также служит «Единая Россия» (хотя в первую очередь это партия абсолютного большинства российских чиновников). Последняя, как известно, набрала 54,20% голосов и получила 343 места из 450 в Государственной Думе VII созыва (конституционное большинство). В этих условиях фракции «Единой России»

в российском парламенте нет необходимости учитывать мнение оппозиционных партий при принятии правовых актов, создающих благоприятные условия для экономической элиты, и даже законов, касающихся изменения Конституции.

В отличие от более развитых стран, где крупные капиталы накапливались многие годы и даже десятилетия путем непрерывного труда и постоянных организационных усилий, современный большой бизнес в Российской Федерации в значительной степени был сформирован в 90-е гг. прошлого столетия в короткие сроки с помощью даровой или почти даровой приватизации крупных объектов государственной собственности, в которых воплощен труд трех поколений советских людей. Либо это крупнейшие государственные (либо со значительной долей государства) компании стратегических отраслей экономики. Причем те и другие (частные предприятия, имеющие влиятельных лоббистов в государственных органах, и сами государственные компании) в той или иной степени занимаются «приватизацией прибылей и национализацией убытков». С нашей точки зрения, немалую часть крупного бизнеса в силу вышеизложенного трудно отнести к предпринимательству в чистом виде.

Мы понимаем под предпринимательством многоуровневую систему, в которой, по крайней мере, можно выделить общеэкономическую основу; рыночный уровень, связанный с необходимостью в условиях конкуренции проявлять инициативу, идти на риск, получать коммерческий эффект; «собственнический» уровень (приумножение собственности как важная функция предпринимательства; кстати, здесь существуют различия в соотношении «собственник — предприниматель» между малым, средним и крупным бизнесом). Наконец, можно выделить и четвертый уровень предпринимательства как хозяйственно-организационный вид творчества [1, с. 142–144].

Интересы мелкого и среднего российского бизнеса (представительный орган — «Деловая Россия»), который начинался, как правило, с нуля и функционирует далеко не в благоприятных условиях, находясь под давлением чиновничьего и часто бандитского рэкета, на прошедших выборах в Государственную Думу выражала Партия Роста. Во всяком случае, она себя так позиционировала (хотя претендовала и на защиту интересов всех предпринимателей). Результат выборов оказался для нее плачевным: 1,29% голосов, 9-е место из 14 мест в парламенте.

Парадокс состоит в том, что партия, выражающая в первую очередь интересы крупного капитала, имеющего непредпринимательское происхождение, пользующегося поддержкой правительства и часто связанного с офшорными транзакциями, вывозом капитала в государства — геополитические противники России, получает большинство в Государственной Думе, а партия, защищающая интересы, скажем так, нормальных предпринимателей, малого и среднего бизнеса, ориентированных на внутренний рынок, с треском проваливается на выборах.

Возможно, такой результат связан с тем, что в руководстве Партии Роста немало надоевших либералов-говорунгов. Поскольку на выборы ходят, как правило, люди старших возрастов, которые хорошо помнят «лихие 90-е», у них предприниматели ассоциируются с беспринципными рвачами и хапугами. А возможно, в их памяти еще со школьной скамьи осталось усвоенное из советских учебников истории представление о деловых людях только как об эксплуататорах трудового народа. Но даже если признавать конструктивную роль наших купцов и промышленников в истории российского государства, то в сознании многих современных людей все равно они были некультурны, невежественны по сравнению с просвещенными европейскими бизнесменами. Одним словом — азиатчина.

Другим источником наших представлений о предпринимателях вообще и российских в частности является дворянская, разночинская и пролетарская литература, которую смело можно назвать кривым зеркалом русской действительности. Ведь хорошим сюжетом для классической литературы вообще должен быть конфликт, столкновение интересов, различные коллизии. А описывать созидательную работу часто скучно и неинтересно. Разве могут вызвать симпатии у читателей такие литературные герои, как склонный к авантюре, но с деловой хваткой Чичиков Н. В. Гоголя, Тит Титыч и Кабаниха А. И. Островского (вспомним выражение Н. А. Добролюбова — «луч света в темном царстве»), Лопухин, который хотел использовать для деловых целей вишневый сад, принадлежащий разорившейся бездельнице-дворянке Раневской в пьесе А. П. Чехова, Лужин у Ф. М. Достоевского, не говоря уже о персонажах классика пролетарской литературы М. Горького?

Но если предприниматели являются основным и активным субъектом рыночной экономики, то и знание о формировании, развитии и особенностях российского предпринимательства должно быть более многогранным и объективным.

Предпринимательство в России имеет не одну сотню лет своей истории [2]. В нашей стране оно отличалось самобытным характером. А «самостоятельность предполагает так или иначе опору на собственные силы, на свое сознание, свою созидательную инициативность, свой способ бытия и хозяйствования...» [3, с. 41].

Особенно бурно российское предпринимательство развивалось в пореформенную эпоху. Благодаря этому быстро прогрессировала российская экономика с ее характерными особенностями: разнообразием форм собственности и организационных форм во всех отраслях, высокими темпами — продукция обрабатывающей промышленности с 1870 по 1900 г. возросла в России в 4,5 раза (для сравнения — в США в 4,1 раза, в Германии — в 3,7, в Италии — в 3,3, во Франции — в 2, в Англии — в 1,7 раза [4, с. 20]); высоким уровнем концентрации производства, учредительским бумом и широким привлечением иностранного капитала

(до 40% инвестиций были в России из-за рубежа, что говорит о доверии западных инвесторов к российским предпринимателям и благоприятном деловом климате), добротным качеством товаров и грандиозными экономическими проектами.

Ни в коей мере не отрицая темных страниц истории русского предпринимательства, имеющего на самом деле богатые традиции, кратко рассмотрим его специфические особенности, черты, которые нелишне возродить и сейчас. Справедливости ради сразу же отметим, что эти черты были присущи в большей мере наиболее просвещенной части купечества и промышленного класса.

1. Главная цель, общественная миссия предпринимательской деятельности в России — не нажива сама по себе, а служение Отечеству. На предпринимательство смотрели как на выполнение важной государственной задачи, как на особую миссию, возложенную Богом, государем или судьбой. Оно рассматривалось не только как чрезвычайно ответственное дело, требующее тяжких трудов, но в качестве способа служения Родине, и было с давних пор предметом гордости российских купцов и промышленников.

В критические моменты истории деловые люди всегда приходили на помощь России. Классический пример — подвиг нижегородского купца, земского старосты Козьмы Минина, организовавшего вместе с князем Дмитрием Пожарским русское сопротивление польским интервентам, отдавшего все свои сбережения на освобождение страны и лично возглавившего решающую атаку россиян, положившую начало выходу России из кризиса Смутного времени.

В память об этом подвиге благодарный русский народ воздвиг памятник К. Минину и Д. Пожарскому в сердце России, на Красной площади в Москве.

2. Отношение к иностранному опыту. Россияне смело использовали западные технологии и организационный опыт, особенно со времен Петра Первого, но всегда были сторонниками примата национальных интересов России. Многие из них, столкнувшись с сильной конкуренцией иностранного капитала на внутреннем и внешнем рынках, опиравшегося на мощь торговых и финансовых империй Запада, выступали за защиту и поддержку со стороны государства отечественной промышленности и торговли, за политику протекционизма.

Идеологическое обоснование такой позиции они искали в православии, славянофильстве, в понимании особенности русского пути развития, находили противоречия между нашей самобытной цивилизацией и влиянием на нее чуждых (в их представлении) идей Западной Европы.

Талантливый купец и промышленник Василий Кокорев был противником необдуманного переноса на российскую почву либеральных идей и западных экономических моделей, отказа от использования опыта

хозяйствования русского народа, в чем он обвинял правительственных чиновников. Другой российский предприниматель и известный меценат М. Рябушинский писал в 1916 г.: «Американцы взяли наши деньги, окутали нас колоссальными долгами, несметно обогатились; расчетный центр перейдет из Лондона в Нью-Йорк. У них нет науки, искусства, культуры в европейском смысле. Они купят у побежденных стран их национальные музеи, за громадный вклад они смают к себе художников, ученых, деловых людей и создадут себе то, чего им не хватало» [5, с. 42]. Можно только удивляться прозорливости, умению прогнозировать различные тенденции и выявлять реальные угрозы, в первую очередь для нашей страны (кстати, действующие до сих пор), которыми обладали наши выдающиеся предприниматели ровно 100 лет тому назад.

3. Масштабность, размах предпринимательских проектов. Смелость в осуществлении грандиозных проектов была издавна характерна как для государственного, так и для частного предпринимательства. Можно здесь напомнить об опасных экспедициях россиян на Север, в Среднюю Азию, в Сибирь, например поход Ермака, организованный и финансируемый купцами Строгановыми, а также о последующем хозяйственном освоении этих огромных территорий.

Вообще склонность к крупномасштабным проектам в России опиралась на объективные основания: большой объем ресурсов (территории, природных богатств, рабочей силы), а также на особый менталитет россиян.

Назовем лишь одну фамилию — Николая Путилова, знаменитого металлурга, предпринимателя, учредителя Общества путиловских заводов. Его имя, по оценкам современников, стоит в одном ряду с владельцами крупнейших мировых металлургических предприятий [6, с. 39]. Он активно способствовал перестройке российской промышленности, приблизив ее к европейскому уровню. Построил крупнейший в стране порт, флотилии кораблей. Забегая вперед, отметим, что Н. Путилов еще известен тем, что на практике первым начал применять по отношению к своим рабочим элементы системы, разработанной на Западе только в середине 1920-х гг. и получившей название доктрины «человеческих отношений» [7, с. 6].

4. Для многих русских купцов и промышленников были характерны инициативность и предприимчивость, цепкий ум и знание экономических условий. Эти качества, а особенно специфическая российская изворотливость, оборотистость, были необходимы для них гораздо в большей степени, чем для западных дельцов. Ведь им приходилось преодолевать сопротивление бюрократии, дворянства, патриархальщины, негативизм общественного мнения. Русские часто были первопроходцами в новом деле, смело шли на риск, опережая иностранцев. Тот же В. Кокорев развернул работу по освоению нефтяных месторождений Баку на 20 лет раньше товарищества братьев Нобелей. Более того, он привлек к своему

делу молодого доцента Петербургского университета Дмитрия Менделеева. В результате был разработан и успешно реализован проект более прогрессивной переработки нефти в керосин.

И вообще иностранные компании, как правило, устремлялись в новые отрасли только тогда, когда высокие прибыли уже были гарантированы предшествующей работой россиян.

Передовые отечественные предприниматели широко внедряли на своих заводах и фабриках новейшие технологии. Образцом здесь может служить знаменитая Кренгольмская мануфактура, а также московская Трехгорка. В 1990 г. она была удостоена на международной выставке в Париже высшей награды Гран-при за высокий уровень технического оснащения, а ее владелец Николай Прохоров в том же году был награжден орденом Почетного легиона.

Нельзя не отметить и отменного качества многих российских товаров. Текстиль Прохоровской, Никольской (Савва Морозов) мануфактур, продукция Рябушинских, костромской сыр, булочки Филиппова, абрикосовские конфеты и пастила, смирновская водка и т. д. были эталонами качества. Эти торговые марки ценились во всем мире.

5. Отношение к богатству, деловая этика. В большинстве православных семей считалось, что богатство дал Бог в пользование и потребует по нему отчета. Особого культа богатых на Руси вообще не было. Для американца или европейца получать высокий доход было морально оправдано, если все было по закону. Для россиян этого недостаточно, нужно еще «по совести». Честность, добропорядочность ценились не меньше богатства. Почти все лидеры предпринимательских союзов России были лично не очень богатыми людьми (характерный пример — Николай Найденов — руководитель Московского биржевого комитета). Для определенной части купечества моральная аскеза, самоограничение, умеренность во всем также приветствовались, особенно в среде купцов-старообрядцев (об этом будет сказано ниже).

Русские предприниматели прекрасно понимали, что успех в деле достается тяжким трудом. Были и давние традиции этики ведения дел. Известен девиз российского купечества, ставший нравственной нормой для многих поколений деловых людей: «Превыше всего прибыль, превыше прибыли — честь». Много сделок осуществлялось без бумаг — достаточно ударить по рукам; верили крепкому купецкому слову.

6. По-видимому, российские предприниматели были в то время одними из мировых лидеров в области филантропии, меценатства, поддержки культуры, науки, образования. Это вытекало как из мотива служения Родине, так и из православного отношения к богатству. Эта тема достаточно раскрыта в литературе, назову лишь несколько фамилий: Павел и Сергей Третьяковы (известная на весь мир картинная галерея), Алексей Бахрушин (театральный музей), Козьма Солдатенков (издание

книг для культурно-образовательных целей), Сергей Строганов (школа рисования, ныне Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова), Петр Шукин (Музей русских древностей), Алексей Хлудов (библиотека рукописей). Некоторые выходцы из торгово-промышленного класса сами обогатили отечественную и мировую науку и культуру: Константин Алексеев — с 1892 по 1917 г. директор московского кабельного завода (ныне завод «Электропровод») стал известным театральным деятелем Константином Станиславским. Многие купеческие потомки уходили в науку, искусство, дипломатию и другие сферы деятельности. Например, семейство чаоторговцев Боткиных дало русской культуре публициста и литературного критика Василия Боткина, крупного врача-клинициста, создавшего учение об организме как о едином целом, Сергея Боткина и художника, историка искусства и мецената Михаила Боткина.

7. Близорукая политика правительства и значительной части российской буржуазии, перенявшей традиции крепостного права по отношению к наемным рабочим, приводила к ухудшению социально-экономического положения трудящихся [8, с. 13–14]. Но были примеры и другого рода. Некоторые русские предприятия с точки зрения решения социальных проблем в то время соответствовали мировому уровню. Таковой считалась, например, Кренгольмская мануфактура на Нарве, обладающая собственной больницей, рабочим городком с населением более 3 тыс. человек, школами и другими учреждениями. При различных предприятиях, входящих в состав Товарищества мануфактур Ивана Коновалова, были построены жилье для рабочих, дома для старших служащих и мастеровых, реальное училище, школа, больница, библиотека, читальный зал, магазин общества потребителей, баня, больница, родильный приют, ясли. Прохоровская мануфактура была отмечена на международной выставке в Париже в 1890 г. золотой медалью по учебному отделу (за 6-летнее техническое училище на 250 учеников) и золотой медалью за заботу о быте рабочих. А именно, за создание при мануфактуре развитой социальной инфраструктуры для рабочего люда, куда входили, кроме обычных объектов (жилье для рабочих, школа, больница, ясли и т. д.), дома для престарелых, детский приют для сирот, классы оркестровой музыки и хореографии.

В становлении и развитии рыночной экономики дореволюционной России значительную роль сыграли предприниматели-старообрядцы. Некоторые из них были указаны выше. Поскольку в силу религиозных причин староверы не могли, да и не хотели служить по статской или военной линии государству, поддерживающему никонианство, а выживать и как-то развиваться было необходимо, эта религиозная группа направила свои основные усилия в хозяйственную сферу. В первую очередь это относилось к торговле, но и в таких отраслях промышленности, как кирпичная и фарфоровая, гончарная и, конечно, текстильная

(«текстильный капитализм»), старообрядческое предпринимательство добилося впечатляющих успехов. Скажем, в середине XIX в. почти половина шерстоткацкой промышленности Москвы и Московского уезда контролировалась староверами [9, с. 55].

Успешность хозяйственной деятельности предпринимателей-старообрядцев связана не в последнюю очередь с их религиозными убеждениями, со строгими этическими принципами и культурными нормами. Для них отношение к труду, к своему делу носило характер исполнения религиозных обрядов. Отсюда трудоголизм, дисциплинированность, упорядоченность деятельности староверов и, следовательно, более высокая производительность. В большинстве случаев именно служение своему делу, интересы сохранения и укрепления общины были основными мотивами предпринимательства старообрядцев, а не просто деньги, накопление капитала. Община представляла собой достаточно однородную и замкнутую группу с единым мировоззрением, исторической судьбой. Уровень доверия к своим единоверцам был выше, поэтому здесь можно было получить беспроцентный кредит, установить деловые контакты с купцами-старообрядцами других губерний. С другой стороны, нажитые капиталы нередко жертвовались общине либо использовались для целей благотворительности и меценатства. Наконец, принятые в общине аскетизм, добровольный отказ от роскоши и необдуманных трат, неприятельность в быту, характерные в первую очередь для родоначальников купеческих династий староверов, позволяли им более высокими темпами накапливать капитал и вкладывать его в развитие торговли, в новые отрасли промышленности.

Таким образом, на примере российской истории можно утверждать, что «для каждой страны в зависимости от ментальности, традиций и правил поведения в обществе характерны определенные типы предпринимательской деятельности» [10, с. 140]. Иногда говорят о национальных системах бизнеса [11]. И хотя наполнение этих терминов различно, речь идет в любом случае об особенностях, специфике предпринимательства в отдельных государствах.

На современном этапе развития России необходимо с помощью всемерной поддержки, формирования соответствующей среды для созидательного, производительного предпринимательства, используя его движущую силу и опираясь на лучшие традиции русского предпринимательства, вывести национальную экономику из кризиса, стимулировать экономический рост и занять достойное место в ряду государств — глобальных экономических лидеров.

Литература

1. *Кайманак* С. К концепции предпринимательства // Российский экономический журнал. — 1992. — № 3

2. 1000 лет российского предпринимательства. — М., 1995.
3. *Осипов Ю. М.* Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение // *Философия хозяйства*. — 2016. — № 4.
4. *Мотылёв В. Е.* Об особенностях промышленного развития в России в конце XIX — начале XX века // *Вопросы истории*. — 1955. — № 7.
5. *Чумаков В.* Русский капитал. От Демидовых до Нобелей. — М., 2008.
6. Редакция журнала. Железо-прокатный и механический завод Н. И. Путилова... // *Всемирная иллюстрация: журнал*. — 1869. — Т. 2. — № 29.
7. *Мартынов С.* Николай Путилов. Былое. — М., 1992. — № 6.
8. *Бурыйшкин П.* Москва купеческая. — М., 2015.
9. *Расков Д. Е.* Экономические институты старообрядчества. — СПб., 2012.
10. *Ахинов Г. А., Рвачев А. Л.* Вопросы регулирования предпринимательства в условиях развития рыночных отношений // *Философия хозяйства*. — 2016. — № 4.
11. *Whitley R.* Divergent Capitalism: The Social Structuring and Chance of Business Systems. — Oxford: Oxford University Press, 1999.

С.Л. Сазанова

2.2. Институциональные факторы российского предпринимательства XVII—XXI вв.¹

Аннотация. Автор исследует процесс становления и развития предпринимательства в России в XVII—XXI вв. и выделяет институциональные факторы, как способствовавшие, так и препятствовавшие развитию российского предпринимательства и предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: институциональные предпосылки, институциональные факторы, институциональные изменения, предпринимательство, предпринимательская деятельность, институциональная экономика.

Abstract. The author examines the process of formation and development of business in Russia in XVII—XXI centuries and highlights the institutional factors that both promote and hinder the development of Russian business and entrepreneurship.

Key words: institutional prerequisites, institutional factors, institutional change, entrepreneurship, entrepreneurial activity, institutional economics.

В исследование проблемы становления и развития российского предпринимательства внесли вклад известные российские и зарубежные ученые: В. Зомбарт, М. Вебер, Й. Шумпетер, Г. Клейнер [3], Ю. Осипов [5; 6], Б. Ерзнкян [1; 2] и др. На наш взгляд, актуализировалась задача исследования предпринимательства и предпринимательской деятельности на основе философии хозяйства и институциональной экономики [7]. Это позволит раскрыть сущностные, ценностные и философские

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-02-50141.

основания предпринимательской деятельности в России и выявить институциональные факторы ее становления и развития.

Изучение деятельности отечественных предпринимателей XI—XVII вв. показало, что уже в X—XI вв. российские предприниматели занимались не только торговлей и ремеслами, но и кредитными операциями. Сделки оформлялись как в формальной, так и в устной форме, что свидетельствовало о достаточно высоком уровне развития профессиональной этики и доверии между участниками предпринимательской деятельности. Однако в XVII в. возникает конфликт интересов российских и иностранных предпринимателей на основе принципиальных различий в ценностях.

На развитие предпринимательской деятельности в России в XVII—XVIII вв. оказали влияние такие институциональные факторы, как ориентированное на поддержку отечественного предпринимателя законодательство; государственная политика промышленного протекционизма; формирование институциональных предпосылок развития рынка наемного труда; развитие смешанных форм предпринимательства (фактически — прообраза государственно-частного партнерства). В этот же период были созданы специальные государственные учреждения, регулирующие хозяйственную деятельность; формировались институты самоуправления; были расширены гражданские права и активизировалась хозяйственная активность старообрядцев; созданы банковские институты и институт государственного поручительства торговых операций (Указы 1753 и 1754 гг.). Все это привело к развитию конкуренции и укреплению социального и экономического статуса предпринимательства.

Важной отличительной особенностью предпринимательства XI—XVII вв. было его тесное соработничество с государством и церковью на основе общих ценностей. Однако уже в XVIII—XIX вв. происходит если не раскол, то «размежевание» ценностей отечественного предпринимательства и крестьянства, с одной стороны, и дворянства с иностранной буржуазией — с другой.

В XIX в. произошли изменения в экономической, институциональной и технологической среде предпринимательской деятельности. Российское предпринимательство на рубеже XIX—XX вв. и в начале XX в. — это высокими темпами развивающаяся сфера производственной, торговой и финансовой деятельности. Однако предпринимательская деятельность не могла стабильно развиваться в условиях несовершенной институциональной, несбалансированной экономической и нестабильной политической среды. Незавершенность институциональных преобразований, сложная политическая обстановка внутри страны, экономические кризисы, участие в войнах — все это привело в конечном итоге к Октябрьской революции 1917 г. В советский период (1917—1990 гг.) частное предпринимательство в России существовало фактически во нелегальном и даже криминальном секторе экономики.

В целом сравнение предпринимательской практики и хозяйственной этики российского и западноевропейского предпринимательства показывает различия ценностных ориентаций, а также философских оснований, обусловленные различиями в религиозной этике (XVII — начало XX в.), а затем — в этике бизнеса (XXI в.).

Традиция европейского меркантилизма трактовала прибыль как «прибыль от отчуждения», результат игры на разнице цен. Это объясняется тем, что источником прибыли меркантилистов были «ножницы цен», или простое ограбление новых стран-колоний. Для российских предпринимателей источником прибыли всегда служил промысел — осознанная созидательная деятельность, основанная на уважении интересов контрагентов. Если в основе «прибыли от отчуждения» лежит оправдание оппортунистического поведения, то в основе «прибыли от промысла» лежит понятие справедливой стоимости, учитывающей интересы всех сторон сделки.

Этика российского предпринимательства исторически была неразрывно связана с православной хозяйственной этикой, которая разграничивает понятия «прибыток» и «мшель». Прибыток — результат промысла, т. е. общественно полезной созидательной деятельности, а мшель — результат стремления к приумножению богатства любым, даже оппортунистическим путем, т. е. путем скверноприбытчества. Осуждались церковью и предпринимательским сообществом такие виды скверноприбытчества, как обман покупателя или работника с целью получения мшели. Нарушения такого рода приравнивались к воровству — одному из смертных грехов. Неудивительно, что честность и взаимное доверие были основой хозяйственной деятельности. Ценности российского предпринимательства — честность, служение, справедливость — формировали такие специфические институты, как устные договоренности, благотворительность, участие в государственных проектах, инвестирование за счет собственных фондов накопления и коммерческого займа [11].

Особенности ценностей хозяйственной этики и института российского предпринимательства обусловили, с одной стороны, более медленное развитие предпринимательской деятельности в России (по сравнению с западноевропейскими странами-колонизаторами) [12], а с другой — общественное согласие, что определило устойчивость России перед вызовами XIX–XX вв.

В советский период официальный запрет частной собственности сделал невозможным развитие легального предпринимательства, хотя отдельные элементы предпринимательской деятельности сохранялись в кооперативном движении. Предпринимательство было вытеснено во внезаконную и даже криминальную сферу, что обусловило проникновение криминальных ценностей и основанных на них правил и институтов. Рыночные реформы 1990-х гг., с одной стороны, освободили предпринимательскую активность, а с другой — привели к формированию

мощного внелегального предпринимательского сектора, сращиванию культуры криминального и легального предпринимательства [9]. Получил широкое распространение взаимный оппортунизм государства и предпринимательского сообщества, последствия которого имеют место и в наши дни.

Решение данной проблемы лежит, на наш взгляд, в создании научно обоснованной (философия хозяйства, институциональная экономика) государственной политики развития предпринимательства на основе таких ценностных ориентаций, как честность, справедливость, служение, сотрудничество (сорботничество). Политика государства должна быть направлена на создание институциональных условий, содействующих повышению эффективности российских предприятий; развитие предпринимательства как образа жизни, мышления и хозяйственной деятельности путем развития на основе вышеназванных ценностных ориентаций системы современного бизнес-образования [8]; создание положительного и привлекательного образа предпринимателя; поддержка и популяризация социального предпринимательства [4] и др.

Исследование институциональных факторов, обусловивших становление и развитие российского предпринимательства XVII–XXI вв., позволило выявить исторически сложившиеся и не утратившие значения в наши дни ценности предпринимательского сообщества. Возрождение ценностей российского предпринимательства путем целенаправленного институционального проектирования — необходимое условие государственной политики поддержки малого и среднего бизнеса, стимулирующей предпринимательскую активность в долгосрочной перспективе.

Литература

1. *Ерзюкян Б. А.* Институциональное поведение: теоретические вопросы и практические проявления // *Экономическая наука современной России.* — 2014. — № 4 (67). — С. 19–30.
2. *Ерзюкян Б. А.* Институциональные факторы эволюции социальных порядков // *Журнал экономической теории.* — 2013. — № 4. — С. 69–86.
3. *Клейнер Г. Б.* Ритмы эволюционной экономики // *Вопросы экономики.* — 2014. — № 4. — С. 123–136.
4. *Маркова М. В., Сазанова С. Л.* Социальное предпринимательство: цели и ценности // *Экономика и управление в машиностроении.* — 2014. — № 4 (34). — С. 61–62.
5. *Осинов Ю. М.* Сознание как феномен человека и фактор его бытия // *Философия хозяйства.* — 2015. — № 5. — С. 11–16.
6. *Осинов Ю. М.* Время большого перестроения // *Философия хозяйства.* — 2015. — № 3 (99). — С. 223–224.
7. *Сазанова С. Л.* Институциональная теория: предпосылки становления и развития // *Симбирский научный вестник.* — 2012. — № 2 (8). — С. 125–129.

8. Сазанова С. Л. Экономическое поведение: ценностно-рациональный аспект // Проблемы теории и практики управления. — 2014. — № 8. — С. 108–113.
9. Сазанова С. Л. Эволюция ценностей и стимулов хозяйствования в России (XIX–XXI вв.): содержание, основные этапы. Факторы динамики предпринимательства и предпринимательской деятельности в России // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2016. — № 12. — С. 26–31.
10. Сазанова С. Л. Исследование содержания и основных этапов эволюции ценностей и стимулов хозяйствования в России (XVII–XVIII вв.) // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2016. — № 9. — С. 50–57.
11. Сазанова С. Л. Становление и развитие предпринимательства и предпринимательской деятельности в России в XXI в. // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2016. — № 6. — С. 40–46.
12. Сазанова С. Л. Место и роль ценностей и стимулов хозяйственной деятельности в структуре факторов, влияющих на предпринимательскую деятельность и институт предпринимательства в России // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2017. — № 3. — С. 31–35.

А. А. Антропов

2.3. Тип хозяйственника в экономике России

Аннотация. В статье раскрываются социокультурные особенности хозяйства в Великом княжестве Московском, Московском царстве, Российской империи и СССР. Автор анализирует мобилизационный тип российского хозяйства; связывает активную роль государства в развитии экономики с войнами и угрозами извне (систематизирует их в табличной форме с XVI по начало XXI в.); приходит к заключению о типе хозяйства современной России как государственно-корпоративном капитализме. По его оценке, в экономике страны необходимо сделать особый упор на наукоемкие, техноёмкие отрасли с большими длительными затратами.

Ключевые слова: тип хозяйственника, мобилизационная экономика, история России, войны, роль государства, экономическая стратегия, национальные интересы.

Abstract. The article reveals sociocultural features of economy in the Grand principality of Moscow, Moscow kingdom, the Russian Empire and the USSR. The author analyzes mobilization type of the Russian economy, connects an active role of the state in development of economy with wars and threats from the outside, systematizes them in a tabular form with XVI until the beginning of the 21st century, concludes about a type of the economy of modern Russia as a state and corporate capitalism. The article shows it is necessary to emphasize the knowledge-intensive, technological industries with large long expenses in national economy.

Keywords: management's type, mobilization economy, history of Russia, war, role of the state, economic strategy, national interests.

Причины особой роли государства в развитии экономики СССР и России

Без Ивана Грозного, без Петра Великого, без Николая I не было бы России... Русский народ самый покорный из всех, когда им сурово повелевают; но он неспособен управлять сам собою. Как только у него ослабляют узду, он впадает в анархию. Вся наша история доказывает это. Он нуждается в повелителе, в неограниченном повелителе; он идет прямо только тогда, когда он чувствует над своей головой железный кулак. Малейшая свобода его опьяняет. Вы не измените его природы: есть люди, которые бывают пьяны после того, как выпили один стакан вина... Нами никогда не будет управлять по английским методам... Нет, никогда парламентаризм не укоренится у нас.

*Сентенции умнейшего и циничного
ультрареакционера князя В.
в беседе с французским послом
М. Палеологом (13.11.1915)*

Вот основные черты русского характера: когда ни одно дело до конца не доведено, он все же, не будучи подтягиваем, из всех сил сейчас же распускается. Надо бороться беспощаднейшим образом с этой чертой.

В. И. Ленин

Активная роль государства в развитии экономики связана в России с бесконечными угрозами извне, войнами, блокадами, «железными занавесами», другими словами — с различными вызовами начиная с XV в.

1. Великий князь Московский Иван III Великий не случайно, а по скрупулезным хозяйственным расчетам закрыл в Великом Новгороде фактории Ганзейского союза (1494) [6], бывшего в XIV–XVI вв. одним из злейших врагов Московского государства и всячески препятствовавшего тесным деловым и иным связям Московского государства с западными странами. После заключения русско-ганзейского договора 1514 г., по которому Ганза приняла на себя ответственность за соблюдение условий, благоприятствующих пребыванию и торговле русских в ливонских городах, Немецкий двор в Новгороде был вновь открыт [9, с. 8].

Однако англичане нашли северный морской путь в Московию (1553) в районе современного Архангельска (устье Северной Двины у Никольского Корельского монастыря)¹ [5, с. 168]. Хитрый политик-стратег Иван IV Грозный в 1554 г. неожиданно принял важного гостя — известного английского мореплавателя Р. Ченслера, сообщив, какие колос-

¹ Целью экспедиции было добраться до Китая, обогнув Сибирь с севера по морю, так называемый северо-восточный вариант прорыва в Китай.

сальные политические, хозяйственные и военно-технические выгоды сулит непосредственная, не зависящая от транзита через жадных и недоброжелательных соседей торговля с европейским Западом. Ченслер положил начало торговым отношениям России и Англии.

Вслед за ним явились голландские и бельгийские корабли [5, с. 170]. Иван IV умело использовал их противоречия и соперничество во имя коренных интересов Московского государства [8, с. 101–106, 228–231]. Это же делали затем все его наследники, кто лучше и искуснее, кто хуже.

Англичане стали привозить в Россию пушки, ядра, огнестрельные снаряды — морем через Нарву; а потом, когда Нарва была потеряна русскими, через Архангельск [5, с. 442].

Рижане постоянно жаловались и обращались в Любек, центр Ганзейского союза, за советами, как воспрепятствовать этим связям и отношениям [5, с. 549] (здесь очевидно напрашивается аналогия с современной историей).

В Московское государство приезжали военные и гражданские архитекторы, художники, инженеры, специалисты по артиллерийскому и монетному делам, минеры («размысли»), переводчики и дипломаты, в меньшей степени рудокопы. Особые старания в деле о заведении артиллерии прилагает Иван III Великий, который приглашал иноземных мастеров для литья пушек; одновременно с ними работали и русские мастера-литейщики. Василий III также держал при себе итальянских и немецких литейщиков, которые, кроме пушек и пищалей, отливали и железные ядра. Употреблялись еще и каменные ядра. Порох, или так называемое зелье, русские выдывали у себя дома. Уже при Василии III в Москве, на Сивцевом Вражке, был большой пороховой завод [5, с. 442].

Царь Петр I Великий ездил в Пруссию, Голландию и Англию (1697–1698). Его целью было получение ценных технико-технологических сведений по производству гражданских и военных изделий, по мануфактурам, верфям, арсеналам, монетным дворам, больницам, аптекам и т. д. Во время этой поездки он сделал гениальный военно-политический прогноз¹, касающийся грядущей долгосрочной войны в Европе (Тринадцатилетняя война, 1701–1713), где надолго и плотно будут заняты основные европейские державы. Тем самым был открыт путь к положительному решению многовековой балтийской проблемы. Петр вовремя предвидел и сумел использовать уникальную историческую ситуацию. Сходные гениальные маневры делали некоторые его великие наследники².

¹ Его тогдашние политические советники из Посольского приказа (П. Б. Возницын, Е. И. Украинцев и др.) и Немецкой слободы (П. Гордон, Ф. Лефорт, барон Й. В. ван Келлер и др.) не разбирались даже в азах высокой европейской политики. Это дано свыше только избранным единицам.

² Использовали: 1) В. И. Ленин — результаты Первой мировой войны (1914–1918), гнилость режимов Николая II и Временного правительства (февраль — начало ноября 1917 г.), разногласия между странами Антанты и Веймарской республикой (1920–1923);

Технологический трансфер с Запада не был само собой разумеющимся делом. Кайзеровская Германия в начале XX в. не позволяла экспортировать в Россию технику и технологии лакокрасочной подотрасли и электроэнергетики. Союзники Российской империи по Антанте — Великобритания и Франция — отказывались предоставлять своему верному и надежному союзнику секреты производства оптических приборов. В 1920–1930-х гг. странами Антанты был устроен санитарный кордон вокруг России. Его основной целью была полная политическая и экономическая изоляция Советской России, а также предотвращение сотрудничества между Германией и Россией. А в конце 1940-х — начале 1950-х гг. началась холодная война.

Первыми актами холодной войны были: 1) решение руководителей ГД и ВМ США покончить с политикой президента Ф.Д. Рузвельта в отношении СССР через день после его похорон [12, с. 159]; 2) атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, которые метили не только в Японию, но и в СССР, это было начало «атомной дипломатии» США; 3) ст. 51 и 52 Устава ООН, составленные Дж.Ф. Даллесом, которые были предложены и «пробиты» вопреки желаниям и интересам СССР на Сан-Францисской конференции председателем сенатской комиссии по иностранным делам А. Ванденбергом и государственным секретарем США Э.Р. Стеттиниусом. Статья 51 была своеобразной преамбулой к ст. 52, в которой указывалось, что «настоящий Устав ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения... вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности...». Это открыло дорогу созданию НАТО, СЕАТО и прочих замкнутых военно-политических союзов [12, с. 137]. 5 марта 1946 г. в Фултоне У. Черчилль произнес в высшей степени провокационную антисоветскую речь, открыто призвав к созданию англо-американского союза для борьбы с «мировым коммунизмом во главе с СССР».

СССР не мог не стать противником Запада — его вынудили к этому. Страна ответила на вызовы тройным увеличением производства стали, перестройкой системы образования — для того, чтобы иметь возможность мобилизовать все духовные силы страны. Было построено большое количество школ, вузов, каждому члену общества была дана возможность развивать свои интеллектуальные способности.

Ответными шагами государства также стали создание в сжатые сроки атомной (25.09.1949) и водородной (20.08.1953) бомб; развитие и строительство реактивной истребительной (МиГ-15, МиГ-17 и т. д.) и стратегической авиации (Ил-28, Ту-95, Ту-22 и т. д.); МКБР (Р-7) (27.08.1957); зенитно-

2) Сталин — результаты Великой депрессии (1929–1933), ошибки и просчеты Гитлера и его окружения в отношении СССР (1933–1939), Второй мировой войны (1939–1945); 3) Президент РФ В.В. Путин — благоприятную конъюнктуру: цены на нефть, газ, военную технику, политико-экономический подъем новых центров силы: КНР, Индии и т. д.

ракетных комплексов (З-РК) С-75, С-125 «Нева», С-200, С-300; сверхзвуковой противокорабельной ракеты Х-22; ракетных подводных атомных крейсеров стратегического назначения (РПАКСН) — проекты 667А, 667Б, 941, 667БДРМ; атомных подводных лодок — убийц авианосцев — проекты 949А и т. д. [10, с. 125; 11, с. 106; 13, с. 151; 14, с. 247; 15; 18, с. 312].

Холодная война распространилась на все области отношений: военную, политическую, экономическую, идеологическую. Ее основа — политика с позиции силы. Она означала также форсированную гонку вооружений, в том числе ядерного и другого оружия массового поражения с угрозой его применения («атомная дипломатия»). Ответные шаги СССР нейтрализовали усилия США, остудили горячие головы «ястребов» и не позволили США применить ядерное оружие против СССР.

2. Великое княжество Московское, Московское царство, Российская империя и СССР за XVI — начало XXI в. пережили колоссальное количество войн буквально на выживание (см. табл. 5).

Таблица 5

Войны Великого княжества Московского, Московского царства, Российской империи и СССР: XVI — начало XXI в.¹

№ п/п	Общее количество войн за конкретное столетие	Сроки войн за конкретное столетие, годы			Общее количество лет всех войн за конкретное столетие, годы
		мини-мальный	средний	максимальный	
1	2	3	4	5	6
1	Войны XVI в.				
1.1	12	1 ²	5,67	26 ³	68
2	Войны XVII в.				
2.1	11	2 ⁴	7,91	16 ⁵	87
3	Войны XVIII в.				
3.1	15	1 ⁶	5,27	22 ⁷	79

¹ Прямое, открытое участие или же скрытое, косвенное, тайное.

² Крымский поход на Москву (1521).

³ Ливонская война (1558–1583).

⁴ Азовские походы Петра I Великого (1695–1696).

⁵ Смутное время (1598–1613). Перед Россией раскрылась бездна, и она с ужасом заглянула за ее край. Разграбленные деревни, разрушенные города, социальные классы в полном разложении: всюду хаос и запустение. Жестокие, поучительные и кровавые уроки Первой Великой Смуты поставили во весь рост вопросы о военно-техно-технологической, гражданско-техно-технологической и государственной отсталости России. Например, небольшие, но хорошо вооруженные современным оружием того времени и прекрасно обученные отряды шведского генерала графа Я. Деллагарди и поляка-гусара Лисовского терроризировали русские области.

⁶ Русско-польская война (1792); Русско-персидская война (1796).

⁷ Северная война (1700–1721).

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6
4	Войны XIX в.				
	в том числе				
4.1	прямые, открытые				
4.1.1	14	1 ¹	3,50	10 ²	49
4.2	скрытые, косвенные, тайные				
4.2.1	2	1 ³	1	1	2
5	Войны XX в.				
	в том числе				
5.1	прямые, открытые				
5.1.1	20	1 ⁴	5,40	44 ⁵	108
5.2	Скрытые, косвенные, тайные				
5.2.1	21	1 ⁶	4,57	28 ⁷	96
6	Войны XXI в.				
	в том числе				
6.1	прямые, открытые				
6.1.1	1	1 ⁸	1	1	1
6.2	скрытые, косвенные, тайные				
6.2.1	3	6 ⁹	12	16 ¹⁰	36

Источник: рассчитано автором на основе [19]

¹ Отечественная война 1812 г.

² Русско-персидская война (1804–1813).

³ Военная тревога 1875 г. (германо-французский конфликт), Военная тревога 1887 г. (германо-французский конфликт). В этих двух конфликтах Российская империя, исходя из своих высших политико-военно-экономических интересов, была на стороне Франции.

⁴ Русско-персидская война (1911); Советско-китайский конфликт на КВЖД (1929); Советско-японские бои близ озера Хасан (1938); Советско-японские бои близ реки Халхин-Гол (1939); Карибский кризис (1962); Советско-китайские пограничные конфликты на острове Даманский и у озера Жаланашколь.

⁵ Холодная война (1946–1989).

⁶ Суэцкий кризис (1956); Первая китайско-индийская пограничная война (1962); Вторая индо-пакистанская война (1965); Третья индо-пакистанская война (1971); Израильско-арабская война Судного дня, или война Рамадана (1973); Израильско-сирийский пограничный конфликт (1974); Китайско-вьетнамская война (1979); вторжение Израиля в Ливан (1982); война в Персидском заливе (1991); вооруженный конфликт в Приднестровье (1992).

⁷ Гражданская война в Анголе (1975–2002). СССР и РФ в этой войне, исходя из своих высших политико-военно-экономических интересов, были на стороне дружественного, законного правительства Анголы.

⁸ Агрессия Грузии против Южной Осетии (2008).

⁹ Агрессия США + НАТО + Лига арабских государств против Сирии. РФ в этой войне, исходя из своих высших политических, военных и экономических интересов, была и есть на стороне дружественного, законного правительства Сирии.

¹⁰ Агрессия США + НАТО против Афганистана. РФ в этой войне, исходя из своих высших политико-военно-экономических интересов, была и есть на стороне дружественного, законного правительства Афганистана.

По нашему предположению, РФ в XXI в. ждут три серьезных столкновения [1, с. 64; 2, с. 88–89]. Возможно, в прямом или негласном союзе с Китаем.

Для успешных побед нужны новые ускоренные индустриализации (четвертая, пятая, шестая), новые научно-техничко-технологическо-хозяйственные уклады и рост населения к 2100 г. как минимум до 550–650 млн человек, причем будут нужны современные образованные, в том числе в военно-технических дисциплинах, готовые защищать и себя, и свою семью, и свою родину молодые люди [1, с. 65].

Положение современной России схоже с ситуацией 1927–1929 гг. (нейтрализация оппозиции, концентрация всей политической власти в руках Сталина и начало третьей индустриализации); а также с 1942 г. Потеря же Прибалтики, Белоруссии, Украины, Молдавии, Закавказья, Казахстана и Средней Азии аналогов в тысячелетней истории России просто не имеет. Возможно, есть сходство с ситуацией 1700 г., когда Россия была вынуждена начать войну со Швецией — первоклассной в то время промышленной и военной державой, — и одновременно проводить ускоренную индустриализацию.

Для успешной реализации четвертой индустриализации необходимо использование элементов рыночного механизма в сочетании с государственным программированием, а в случае резкого ухудшения международной ситуации и возможности возникновения войн — ускоренной индустриализации на традиционной для России основе мобилизационной экономики.

3. Московское самодержавие родилось из жесткой необходимости организации военной силы и обеспечения контроля над территорией, слишком большой для стратегической защиты. В XV–XVI вв. Московия стала военным лагерем. Усилия правителей и народа сконцентрировались на обороне. По сути, политическая свобода была принесена в жертву во имя национального спасения.

4. Активнейшая роль государства в России также связана со стремлением ускоренными темпами преодолеть периодически возникающую отсталость страны. Это борьба за выживание, за сохранение суверенитета, за равные шансы в соперничестве с другими странами, стоящими на более высокой ступени развития (военной, технико-технологической, промышленной).

Активная роль государства в истории развития экономики России

Россия всегда шла своим путем.

В. Зомбарт

Государство, начиная с эпохи царя Ивана IV, давало задания на создание отдельных изделий (артиллерия, порох, типография и т. д. и т. п.), определяло ресурсы, организовывало и контролировало исполнение.

Так было в периоды правлений царей Ивана IV Грозного, Алексея I Михайловича; императоров (императриц) Петра I Великого, Екатерины II Великой, Александра I, но при Николае I из-за его боязни перед рабочим классом и буржуазией¹ и из-за социальных последствий затягивания с отменой крепостного права — резко затормозили технико-технологическо-экономическое развитие Российской империи и в итоге получили разгромную Крымскую войну (1853—1856).

Затем второй сын Николая I, великий князь Константин Николаевич, продолжил и развил традиции своих славных предшественников. Его девизом было: русские конструкторы + русские проекты + русские инженеры + русские рабочие + русское сырье и материалы + русские станки и оборудование. Сталин в свое время все вышеуказанное назвал «советским». Таковы славные многовековые традиции.

В России, в отличие от Запада, финансисты никогда не были на первом плане, за исключением графа С. Ю. Витте и графа В. Н. Кокцовца (в эпоху перестройки, правда, министр финансов В. С. Павлов стал премьер-министром, но это был весьма неудачный шаг). Даже наиболее слабый император Николай II через графа В. Н. Кокцовца заставлял зарвавшихся олигархов умерить свои аппетиты. С. Ю. Витте до того, как стать министром финансов, занимал пост министра путей сообщения (15.02—30.08.1892). В. Н. Кокцов до поста министра финансов тоже занимал подряд несколько ответственных должностей в системах министерства юстиции (1873—1878) и министерства внутренних дел (1879—1882). Отсюда вытекает, что оба они не просто финансисты, а государственные деятели широкого профиля. Анализ же должностей, занимаемых на протяжении всей карьеры В. С. Павловым, показывает, что он был именно однобоким финансистом.

В России вопрос рентабельности выпускаемой продукции ставился иначе, чем на Западе. Конечно, были ошибки, кражи, перерасход выделенных средств, но главное — период рентабельности считался за 10—15 лет. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» [17] определил 15-летнюю рентабельность, которая реализовывалась в России начиная с правления Ивана IV Грозного. Принцип, который работал в XX в. и будет работать в XXI в. и дальше, — брать рентабельность не с точки зрения отдельных предприятий или отраслей производства и не в разрезе одного года, а с точки зрения всего народного хозяйства и в разрезе 10—15 лет. Это высшая форма прочной и постоянной рентабельности (высшая рентабельность), которую дает действие закона

¹ Три революции во Франции (1789—1799; 1830; 1848) и постоянные бунты рабочего класса при правлении короля Луи-Филиппа (1830—1848); в Великобритании королевская власть царствовала, но почти не управляла — все контролировали аристократическо-олигархические семьи. Николай I такой участи не хотел ни для себя, ни для своей династии.

планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства [17, 24–25, 56]. Эту идею взяли на вооружение японские и западные корпорации еще в 1950–1960-е гг. Она нуждается в уточнении, переформулировании — необходимо учитывать сбалансированный максимально средний темп роста ВОП (ВВП, ВНП) за 10–15 лет в постоянных ценах с учетом конкурентоспособности товаров и услуг на внутреннем и внешнем рынках, непрерывное снижение материалоемкости, металлоемкости и энергоемкости ВОП (ВВП, ВНП), а также платежеспособности внутренних экономических агентов и населения.

Касаясь проблем неэкономике современной России, особый упор необходимо сделать на наукоемкие, техноёмкие отрасли, с большими длительными затратами.

Этапы отдельного научно-техничко-технологического изделия¹: проектирование и доведение до ума вышеуказанного изделия + серийное производство + реализация. Российское государство участвует на всех этапах создания, серийного производства и реализации отдельных научно-техничко-технологических изделий: дает задание на проектирование и серийное производство, организует, определяет и дает долгосрочные финансовые и материальные ресурсы, контролирует все этапы и подэтапы, т. е. государство является коллективным предпринимателем.

Например, сейчас за рубежом военную технику просто так не продашь, как и реакторы на быстрых нейтронах БН-800 (800 МВт). Для реализации реакторов на быстрых нейтронах нужна, как правило, солидная кредитная линия, подготовка многочисленных специалистов разной профессии, тотальный контроль по многим направлениям потребления, ремонта, использования, хранения обогащенного урана и т. д. Что касается реализации военной техники, то современный покупатель на первых порах может закупить некоторое количество отдельно взятого изделия, но потом требуется участие: в производстве, модернизации, НИОКР, реализации сторонним потребителям.

¹ Например: 1) реакторы на быстрых нейтронах БН-800 (800 МВт) создавались 24 года (с 1991 г., с развала СССР), и в его проектировании участвовали десятки НИИ, а в производстве — сотни предприятий. Основные затраты лежат на государстве; никакие корпорации не будут никогда вкладывать в такие дорогостоящие, длительные и очень плохо прогнозируемые результаты [3–4]; 2) атомный универсальный атомный двухосадочный ледокол «Арктика» проекта 22220 (ЛК-60Я) начали проектировать еще в начале 2000-х гг., и только сейчас их стали серийно строить (16.06.2016). Здесь также в его проектировании и производстве участвовали десятки НИИ и сотни предприятий. Основные затраты лежат опять на государстве. «Арктика» — головное судно новой серии атомных ледоколов, которые идут на смену атомным ледоколам типа «Арктика» проекта 1052. От своих предшественников ледоколы проекта 22220 отличаются большим водоизмещением и мощностью атомной силовой установки, а также способностью работать как на трассе Северного морского пути, так и в мелководных устьях сибирских рек за счет изменения своей осадки. Проект ледокола разработан ОАО ЦКБ «Айсберг» [16].

Осуществление этих и других хозяйственных задач требует особого типа хозяйственника, и он уже известен в отечественной истории. Опираясь на оценки, высказанные Ю. М. Осиповым, мы приходим к заключению: в силу историко-культурных особенностей развития своего хозяйства Россия пришла к государственно-корпоративному капитализму. Русский хозяйственник в своем господствующем типе, всегда игравшем ведущую роль в экономике страны, не может не быть государственным.

Литература

1. *Антропов А. А.* Особенности вечной Великой России и их метаморфозы // Россия державная. Ч. 1 / под ред. Ю. М. Осипова, М. М. Гузева, Е. С. Зотовой. — М.; Волгоград, 2006.
2. *Антропов А. А.* Цикличность мобилизационного и инновационного типов общественного (хозяйственного) развития // Мобилизационный потенциал национальной экономики: колл. монография / под ред. Ю. М. Осипова, С. Ю. Синельникова. — М., 2010.
3. БН-800. На пути к замыканию топливного цикла // Око планеты. 2016. 20 марта. URL: <http://oko-planet.su/politik/infonfokoreg/print:page,1,314808-bn-800-na-puti-k-zamykaniyu-toplivnogo-cikla.html> (дата обращения: 26.11.2017).
4. В России успешно завершили создание уникального блока АЭС // Newsland. 2016. 1 нояб. URL: <https://newsland.com/user/4297832678/content/v-rossii-uspeshno-zavershili-sozdanie-unikalnogo-bloka-aes/5534449> (дата обращения: 26.11.2017).
5. *Валишевский К.* Первые Романовы: пер. с фр. — М., 1989.
6. Ганзейский союз около 1400 года. URL: http://hansarus.org/publications/ganza_i_rus/ (дата обращения: 29.11.2017).
7. *Зомбарт В.* Современный капитализм. Т. 3. Хозяйственная жизнь в эпоху капитализма: пер. с нем. — М.; Л., 1930.
8. *Иловайский Д. И.* Царская Русь. — М., 2008.
9. *Казакова Н. А.* Еще раз о закрытии Ганзейского двора в Новгороде в 1494 г. // Новгородский исторический сборник. — 1984. — Вып. 2 (12). URL: http://Annales.info/evrope/hanza/nis2_kaz.htm (дата обращения: 26.11.2017).
10. *Калашников М.* Битва за небеса. — М., 2003.
11. *Калашников М.* Сломанный меч империи. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 2003.
12. *Маттиас Л.* Обратная сторона США: пер. с нем. — М.: Прогресс, 1968.
13. *Овчинников В. В.* Горячий пепел. — М., 1987.
14. *Рубцов Ю. В.* Маршалы Сталина. От Буденного до Булганина. — М., 2006.
15. *Самин Д. К.* Сто великих научных открытий. — М., 2005.
16. Спущен на воду атомный ледокол «Арктика» // Сделано у нас. — 2016. — 16 июня. URL: <http://sdelanounas.ru/blogs/79102/?pid=793756> (дата обращения: 26.11.2017).
17. *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. — М., 1952.

18. *Фолта Я., Новы Л.* История естествознания в датах. Хронологический обзор: пер. со словац. — М., 1987.
19. *Мерников А. Г., Спектор А. А.* История войн России. — М.: Академия развития, 2010.

А. В. Ермишина

2.4. Художественные промыслы и проблема национального сознания и хозяйственного самоопределения

Аннотация. В статье говорится о важности изучения кустарного производства для понимания национального культурно-исторического типа хозяйствования, для выработки адекватных экономических стратегий. Подчеркивается роль нравственно-религиозных ценностей в хозяйственном самоопределении, ставится проблема их взаимодействия с факторами экономического, социального, исторического, природного, эстетического порядка. Особый акцент делается на декоративно-прикладном искусстве XX в., на проблематике традиционного и нового, на процессах сохранения и развития.

Ключевые слова: кустарное производство, декоративно-прикладное искусство, народные художественные промыслы, ценности культуры, хозяйственная и национальная идентичность, нравственно-религиозные основания, традиции и новации, историческая память, устойчивость и развитие, творческий поиск.

Abstract. The article outlines the importance to explore the traditions of the Russian handicraft industry for the understanding of the national cultural-historical type of economy, for the coherent economic strategies. The author emphasizes the role of the ethical and religious foundations and their interaction with economic, social, historical, natural, esthetic factors. The special focus is being put on the decorative and applied arts in 20th century, on the questions of the tradition and the innovation, of the conservation and the development.

Keywords: handicraft industry, decorative and applied arts, folk arts and crafts, cultural values, economic and national identity, moral and religious foundations, traditions and innovations, national historical memory, stability and development, creative search.

Стратегии экономического поведения сложны и обусловлены многими факторами. Их устойчивость, вариативность и адаптивность существенно зависят от сознания хозяйствующего субъекта. Здесь важна нравственно-этическая и религиозная составляющая. Протестантскому обществу свойствен дух капитализма — так характеризует Макс Вебер нравственную матрицу хозяйственного рационализма в Европе [2]. Модель хозяйствования в России изучалась во взаимодействии с православным типом личности [1; 21]. Современные исследователи также активно обращаются к данной проблематике [5; 16; 19].

Происходившее в России усложнение хозяйственного космоса на рубеже XIX—XX вв. сопровождали непростые, нередко кризисные явления. Задачи модернизации и мобилизации хозяйственной модели и сознания, поиск ответов на вызовы приобрели особую актуальность.

Кустарное производство — важнейшая составляющая экономической структуры — было задействовано в этих процессах [3; 4; 6; 8]. Характерное сочетание сельского и кустарного труда повлияло на хозяйственное поведение и сознание, заложило устойчивость и одновременно способность к динамичному развитию [7].

Ведущей формой организации кустарного производства на рубеже XIX—XX вв. и в дальнейшем продолжала оставаться семья. Кустарный труд был ориентирован на домостроительство, играл важную роль в сохранении «мелкого крестьянского хозяйства», его многоотраслевой структуры [25]. Задачи домостроительства предполагали определенную степень хозяйственной активности каждого члена семьи и определяли характер трудового и нравственного воспитания, процессы социализации. Сохранение связи с землей было фундаментальным для сознания. В народе говорились: «Без земли хоть до упаду работай, а сыт не будешь», «Разве глупый бросит землю по своей охоте», а нижегородский исследователь А. С. Гациский вывел емкую формулу определенного географического распределения: «Не родит земля хлеба — родит кустаря, родит хлеб — на кустаря неурожай» [11]. Многие понимали, что в непростой пореформенной ситуации «труженик-кустарь... вправе рассчитывать на более усиленное и непосредственное содействие со стороны правительства, не только нравственно, но и политически обязанного предотвращать или, по крайней мере, замедлять, по возможности, нежелательное отвлечение населения от семьи и разрыв его с землею» [4].

Формирование центров производств, в том числе и художественных, происходило под влиянием общинного взаимодействия, которое во многом обусловило тяготение жителей села и округа, а иногда и региона к одному виду занятий. В России «веками вырабатывалась особая биоритмика, этика и дисциплина труда, основанные на взаимопомощи, общинности, артельности, способности идти на жертвы во имя общих целей... В традициях русского менталитета центральное место занимает соборность» [23, с. 18]. Историками было выработано представление об «артельности русского народа», имеющее глубокие историографические корни [24]. Представление об идеальной артели воплощало «не только стремление к улучшению своего материального положения, но и стремление личности к освобождению, к народоправию и сознательности, к уважению человеческого достоинства в себе и других, к дружбе, братству и т. д.» [25, с. 14].

Однако практическая реализация идеала имела свои трудности. В конце XIX в. наметились интересные тенденции развития коллектив-

ных форм труда. Вместе с тем завышенные ожидания земств в отношении артельных объединений ставили нередко вопрос об их жизнеспособности [14].

В советский период артельно-кооперативные формы оказываются повсеместно востребованными, получают поддержку власти. Новый идеологический заказ и традиция активно взаимодействовали, что проявилось, в частности, в названиях. Среди традиционных — палехская «Артель древней живописи» (1924), михайловская артель вышивальщиц и кружевниц «Труженица» (1927), артель по производству игрушек «Все для ребенка» (1921) и др. Наряду с этим использовались и пролетарские обозначения, однако здесь не имелся в виду окончательный разрыв с традицией.

Кустарное производство влияло на формирование крупной промышленности, в том числе через создание индустриально-производственных организаций кооперативного типа. Традиционные формы организации становятся питательной средой для развития русской фабрики. «И на этапе капиталистической индустриализации — это по преимуществу сельская фабрика» [15, с. 4]. Сформировался особый тип предпринимателя, русского хозяина, нравственно-религиозно ответственного [16; 21]. «Крестьянский нравственный принцип был привнесен в социальный мир многих русских фабрик» и активно воспроизводился с 1880-х гг. [15, с. 215].

С революцией были перекрыты многие каналы связи нравственного и хозяйственного уровней, нарушена сложная система кустарно-промышленного и кустарно-земледельческого взаимодействия. Ликвидация кустарной кооперации в 1960-е гг., процесс «офабричивания» промыслов, — неоднозначен по последствиям. Многие мастера сопротивлялись, стремились сохранить мелкие производственные формы. Примечательно и то, что возникающие фабрики нередко получали названия или нейтральные, или подчеркнуто дистанцированные от имен власти. В них больше обнаруживается связь с локальной культурой, особенностями мировоззрения и профессионального самосознания. С этой точки зрения показательно название вологодского кружевного объединения «Снежинка», в которое вошли пять крупных фабрик, созданных в 1960 г. на базе артелей. Название стало знаковым, определяющим основное декоративное содержание работ. Оно сохранится и в дальнейшем, с изменением форм собственности.

Важно отметить и то, что фактор эмоционально-позитивных отношений в трудовом коллективе, принципы доверия и уважения, солидарности и творческой соревновательности продолжали сохранять традиционную роль в различных производственных формах.

Многие промыслы были связаны с особым, художественным постижением мира, с нравственно-религиозным, целостным в своей основе

чувством прекрасного. При этом кустарное производство, в отличие от домашнего, с более архаичной декоративностью испытывало влияние стилей эпохи — вплоть до модерна, авангарда и соцреализма. В XX в., когда декоративное искусство включается в систему агитации, оно обнаруживает способность адаптировать к традиции эти привнесенные элементы. Даже в опыте агитфарфора, в новом художественном языке авангарда будет актуализирована традиция.

В декоративной структуре на протяжении веков сохраняются ключевые мотивы природы, образы мироздания. В них — чувство родины, целостная картина бытия, связь с красотой, с состоянием творческого вдохновения, с переживанием свободы. «Чем ближе народный мастер к природе, чем теснее связан с ней трудом и всем укладом, ритмом сельской жизни, тем ближе ему коллективный опыт традиции, тем сгущеннее и ярче он выражен и, как можно наблюдать на практике, сильнее, ярче выражен народный характер в творчестве. Другими словами, природа есть та среда, которая органична народному искусству. Его природность проявляется и в материалах, и в принципах формобразования» [18, с. 15].

Мастера художественных промыслов были чутки к проявлениям свободы в природе. «В тесноте ничто не произрастает, — так размышлял мастер лирических пейзажей Н. П. Клыков, — все живущее в природе любит свободу» [13]. И эти мысли перекликаются с наблюдениями Д. С. Лихачева о русской культуре, которая издавна «считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека» [12, с. 18].

Сохраняется и эмоциональное отношение к животному миру, и традиция добродушной трактовки образов зверей. В Городце — львы, улыбающиеся с домовой резьбы, уютно устраиваются на расписных досках и панно. И это оказывало сильное эмоциональное воздействие: «Круглолицые, похожие на людей львы, хвосты которых завершались дивными цветами, смотрели... своими неотступными дырками-глазами, улыбались беззубыми (львы — беззубые!) ртами до ушей, и чудилось, что какой-нибудь из них вот-вот ласково пробасит: “Заходите к нам! Мы гостям всегда рады! Заходите!..”» [20, с. 7]. В работах старейшего мастера городецкого промысла И. А. Мазина образы животных по-народному архетипичны.

Природные мотивы выявляют сакральные основания многих декоративных художественных традиций. Так, классическая хохломская нижегородская травка была заимствована из узоров иконописного орнамента XVII в. Растительный орнамент мастера абрамцево-кудринской резьбы В. П. Ворноскова отсылает к заставкам старопечатных книг, резным крестьянским изделиям и домовому декору [17]. Лаковая миниатюра Палеха, Мстеры и Холуя насыщена элементами иконописи. Они имели

не только декоративное значение, но и были связаны с культурой целостного символического видения. Освоение техники рисунка, техники письма «традиционных элементов древнерусской живописи и палехской миниатюры», принципов композиции — такие задачи ставятся перед учениками палехской школы лаковой миниатюры старейшими мастерами [9]. Этим обеспечивалась самобытность художественной системы промысла [22].

Также примечательно обращение к сакральным архитектурным мотивам. Виды Великого Устюга с узнаваемым силуэтом старинных соборов и монастырей украшают разнообразные предметы великоустужской черни. Образ Троице-Сергиевой лавры становится одним из ключевых в работах загорских мастеров росписи и выжигания по дереву. Ростовская финифть богата видами Кремля, главного исторического символа города. В кружевном воплощении предстают храмы Вологды. Религиозные топо́сы в декоративной образности выступают важнейшей эстетической доминантой пространства. В постсоветский период интерес к сакральным пространствам только нарастал. Грандиозная по размаху и творческой идее композиция «Праздник Преображения» из 120 фигур была создана в начале 2000-х гг. мастерницей дымковской игрушки Л. Д. Верещагиной. Здесь и религиозная жизнь, и чувство красоты, и праздничная повседневность, и историческая память (композиция создавалась с опорой на реальные факты и описания Вятского женского Преображенского монастыря). Преображение мира, как оно мыслилось традиционному сознанию, — в труде и молитве, художественном постижении мира и творчестве [10].

Опыт художественных промыслов многообразен. Он привлекал исследовательское внимание и в XIX в., и на протяжении всего XX в. Всегда актуальным был вопрос взаимодействия традиционного и нового. Отдельный интерес представляют редкие работы, которые обращены к религиозным основаниям народной художественной традиции (М. А. Некрасова).

Следует отметить, что культурно-антропологические, нравственно-этические аспекты кустарного производства в советской исторической науке практически не рассматривались. Преобладали социально-экономические подходы к кустарной промышленности, к проблемам многоукладности и модернизации (П. Г. Рындзюнский, К. Н. Тарновский, Я. Е. Водарский, Л. Н. Архипова). Художественные промыслы как многоаспектное явление, связанное с народной традицией и культурой этноса, привлекали внимание этнографов и историков искусства (В. С. Воронов, А. В. Бакушинский, А. Б. Салтыков, В. М. Василенко, Т. М. Разина, А. С. Канцедикас, И. Я. Богуславская, М. А. Некрасова, Н. Н. Мамонтова и др.). Изучались общенациональные и локальные особенности видов прикладного искусства — резьбы и росписи по де-

реву, вышивки, ткачества и кружева, керамического и фарфорового производства, лаковой миниатюры, художественной обработки металла, камня и кости и др.

Особо интересен опыт применения искусствоведами системного подхода, рассмотрения эстетических аспектов во взаимосвязи с социокультурной и хозяйственной проблематикой. В работах Н. Н. Мамонтовой делается акцент на историческом многообразии форм производства народного искусства (домашнее ремесло, вотчинное ремесло, частные фабрики и мастерские, посадское мелкотоварное ремесло, монастырское ремесло и др.). Подчеркиваются процессы изменений локальной традиции в рамках динамического общества во взаимодействии с новыми ценностями и материальными структурам [14, с. 24]. Ставится проблема понятийного аппарата. «Взять хотя бы термин “промысел”, который в XIX в. имел совершенно конкретное значение. Теперь этим термином определяется все — гжельский гигант индустрии, кооператив по росписи самоваров при металлообрабатывающем заводе и одинокий мастер-гончар в Архангельской области» [14, с. 29]. Эти и многие другие вопросы нуждаются в дальнейшей проработке при активном участии специалистов разных научных направлений.

Подводя итог, отметим, что кустарное производство, художественные промыслы выявляют сложную мотивацию хозяйственной активности русского народа. Рыночные механизмы (если говорить о XIX в. и рубеже веков) воздействовали наряду с этнопсихологическими факторами. Важной была ориентация на домостроительство, на сохранение связей с земледельческой культурой, с опытом общинного взаимодействия и артельности. В образах проявлялось целостное и ценностное восприятие мира, творческая устремленность и чувство красоты. Значимым было обращение к национальной памяти, нравственно-этическим, религиозным основаниям культуры. В советский период многое в отношении к труду, к образности художественных промыслов было близко традиции, хотя произошло и немало изменений и трансформаций. Заказ власти, элементы государственной поддержки и контроля, в том числе со стороны профессионалов-искусствоведов, влияли на промыслы, на судьбы традиции в целом, нередко открывая неожиданные пути для развития и реализации установки творческого сознания на сверхзадачу и мастерство. Сложным оказался для народного искусства и постсоветский период. До сих пор не дан объективный и полный анализ состояния традиционных форм культуры, основанный на комплексном подходе.

Литература

1. Булгаков С. Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Московский еженедельник. — 1909. — № 23, 24.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М.: Ист-Вью, 2002.

3. *Воронцов В. П.* Очерки кустарной промышленности в России. — СПб., 1886.
4. *Голицын Ф. С.* Кустарное дело в России в связи с умственно-духовным развитием русского народа: в 2 т. — СПб., 1904. Цит. по: *Смирнова Т. М.* О книге князя Ф. С. Голицына «Кустарное дело в России...». URL: http://tvsm.ucoz.ru/pdf/statji/golizin/golizin_delo.pdf (дата обращения: 20.10.2017).
5. *Громыко М. М.* Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX в. в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. — 2000. — № 3. — С. 86–99.
6. *Езерский Н.* Кустарная промышленность и ее значение в народном хозяйстве. — М., 1894.
7. *Ермишина А. В.* Кустарное производство: этнологические аспекты (на материалах Центрально-промышленной области конца XIX — начала XX в.); автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1999.
8. *Зеленин Д. К.* Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700–1910 гг. — СПб.: тип. А. Ф. Орлова, 1913.
9. *Зиновьев Н. М.* Искусство Палеха. — Л.: Художник РСФСР, 1975.
10. *Кузнецов С. В.* Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Повседневная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: итоги этнографических исследований / отв. ред. Т. А. Листова. — М.: Наука, 2001. — С. 168–182.
11. *Курчинский М.* Русская кустарная промышленность // Жизнь. — СПб., 1901. — № 3. Цит. по: *Федотов В. Г.* Промыслы Ярославской губернии. URL: http://даниловский-край.ярославль.рф/files/item_100-fedotov.pdf (дата обращения: 26.11.2017).
12. *Лихачев Д. С.* Заметки о русском: сборник. — М.: Азбука-Аттикус, 2014.
13. *Маёрова К., Дубинская К.* «Всё живое в природе любит свободу» // Русское народное прикладное искусство. — М.: Русский язык, 1990. URL: <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000041/st029.shtml> (дата обращения: 26.11.2017).
14. *Мамонтова Н. Н.* Проблемы изучения традиционных форм культуры и понятие «народное искусство» // Научные чтения памяти В. М. Василенко: сборник статей. — Вып. 1. — М.: ВМДПНИ, 1997. — С. 22–31.
15. *Наумова Г. Р.* Русская фабрика (проблемы источниковедения). — М.: Экон, 1998.
16. *Наумова Г. Р., Ермишина С. А.* Православный менталитет русского делового человека // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX — начала XX века. Материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного района России. — Иваново, 8–10 июня 1993 года. — С. 24–27.
17. Народные художественные промыслы РСФСР / под ред. В. Г. Смолицкого. — М.: Высшая школа, 1982.

18. Некрасова М. А. К вопросу о понятии «народный мастер». О природе его творчества // Народные мастера. Традиции и школы. Вып. 1 / под ред. Н. А. Некрасовой. — М.: Изобразительное искусство, 1985. — С. 8–26.
19. Осипов Ю. М. Философия хозяйства. Тезисы. — М.: ТЕИС, 2006.
20. Рогов А. П. Кладовая радости: юному читателю о русском народном искусстве и его творцах. — М.: Просвещение, 1982.
21. Рябушинский В. П. Русский хозяин. Статьи. Судьбы русского хозяина. Купечество московское. — М.: Тверская Никольская старообрядческая община, 1998.
22. Слобожанин М. Историческое развитие идей артельного движения. — Боровичи, 1919. Цит. по: Дроздова Н. П. Российская «артельность» — мифология или реальность? (Артельные формы хозяйства в России в XIX — начале XX в.: историко-институциональный анализ) // Научные доклады. — 2006. — № 44 (R). — СПб.: НИИ менеджмента СПбГУ, 2006. URL: [http://gsom.spbu.ru/files/upload/niim/publishing/papers/2006/44\(R\)_2006.pdf](http://gsom.spbu.ru/files/upload/niim/publishing/papers/2006/44(R)_2006.pdf) (дата обращения: 26.11.2017).
23. Стратегия реформирования экономики России (аналитический доклад Института экономики РАН) // Вопросы экономики. — 1996. — № 3. — С. 4–73.
24. Смирнов И. П. Идея об артельности русского народа в своем историческом развитии // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. — М.; Волгоград, 1996. — С. 178–200.
25. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: избранные труды. — М.: Экономика, 1989.

С. С. Нина

2.5. Социальная ответственность бизнеса в лесной отрасли России: национально-культурная специфика

Аннотация. Рассмотрено влияние природных, территориальных условий, наличие или отсутствие лесных массивов в регионах проживания людей на культурную и хозяйственную деятельность, отношение к лесу. Тесная связь с лесом отражена в народном творчестве, национальных особенностях хозяйствования. В целях сохранения лесных ресурсов как природного национального капитала необходимо выработать новую предпринимательскую мораль, связанную с национальными традициями и ценностями. Обозначены проблемы и пути регулирования государством и обществом эколого-социальной ответственности лесного бизнеса в условиях России.

Ключевые слова: лес, лесная отрасль, эколого-социальная ответственность, национальные особенности, этнокультурное развитие.

Abstract. The article is devoted to the influence of natural, territorial conditions, existence or lack of forests in regions of people's residence on cultural and economic activity, relation to the wood. Close connection with the wood is reflected in folk art, national peculiarities of economy. The author shows that for preservation of forest

resources as a natural national capital it is necessary to develop a new enterprise morals connected with national traditions and values. The author designates problems and regulation ways for the state and the society of ecological and social responsibility of forest business in the Russian conditions.

Key words: wood, forest industry, ecological and social responsibility, national peculiarities, ethnocultural development.

Лесную сферу отличает высокий уровень не только хозяйственных, но и общественных потребностей в широком спектре экосистемных услуг и продукции, что обуславливает применение в ней разнообразных видов и форм хозяйствования. Поэтому успешная организация бизнеса и производственного партнерства в отрасли невозможны без всестороннего учета национальных и историко-культурных особенностей предпринимательской среды.

Лес играет незаменимую роль в жизнедеятельности человека, это часть природы — «окружающий человека мир вместе с самим человеком, или мир человека, дающий человеку жизнь; его лоно, жизненная среда, место обитания, основное условие бытия, данное человеку, в него входящее и его удерживающее» [8, с. 207].

Итоги историко-культурного развития проявляются в воспитании и организации образа жизни социумов (как в целом, в обществе, так и в хозяйственной сфере), закрепляются при формировании социально-психологической ценностной шкалы достояний и отношениях к этим достояниям. Д.С. Лихачев отмечает, что если окружающая природная среда «необходима человеку для его биологической жизни, то среда, созданная культурой предков и им самим, не менее важна». Она определяет его духовную и нравственную жизнь, самодисциплину и социальность [4, с. 484].

Существенное влияние на формирование особого и разнообразного отношения к культурной и хозяйственной деятельности, а в частности, и к лесному делу многочисленных народов и народностей России оказывают природные (зональные, территориальные) условия регионов их проживания. Исторически сложившийся уклад жизни и отношение к лесу в первую очередь связаны с наличием или отсутствием лесных массивов на местности проживания определенной общности, значением леса в жизни людей.

Экологическая ниша северных народов достаточно сложна, это зона северных хвойных лесов, в древности весьма труднопроходимых, с суровыми климатическими и погодными условиями и бедными малоплодородными почвами. Лес занимал особое место у северян, считался символом благополучия. Благодаря ему получали одежду, тепло, пищу, защиту от врагов и природных стихий, в то же время дикие лесные заросли завораживали своей таинственностью. Отсюда почитание леса и его обитателей, разнообразие культов, связанных с флорой и фауной.

Так, исследователь марийского этноса Л. С. Тойдыбекова отмечала, что марийцы в своей практической деятельности были всегда тесно связаны с лесом и его обитателями, некоторые представители растительного мира пользовались особым уважением и почитанием, например дуб и береза. Подобное отношение к деревьям свойственно и многим финно-угорским народам [5; 7].

П. И. Мельников-Печерский, изучая языческие верования поволжских народов, писал, что «мордва, черемисы и чуваша любят дремучие леса, без необходимости их не рубят, так как лес по старинному их закону является жилищем богов... Лес истреблять — божество оскорблять, его дом разорять, кару на себя накликают» [12, с. 323].

Устное народное творчество северян демонстрирует выраженную экологическую направленность, дает основу для воспитания мудрых и бережливых хозяев. Как показывают источники, никто не умел так ухаживать за своей землей, беречь данные им ресурсы и сохранять их для потомков, как коренные народы Севера. Вот один из примеров — манси из поколения в поколение передавали правила охоты словами фольклорных героев: «Завтра домой пойдем. Третий день лесуем. Если четыре дня лесовать будем, в лесу и зверя не останется. Белка кончится, соболь кончится. Нам четыре дня лесовать запрещено». Территории, предназначенные для охоты и рыбной ловли, разграничивали в соответствии с легендами и преданиями [1].

Иное отношение к лесу было у земледельцев, которые в основном перекочевали из южных территорий, где преобладали степи и лесостепи. Лес для переселенцев был помехой, силой, у которой нужно было отвоёвывать жизненное пространство.

На территории России на первом этапе развития земледелия распространение получили подсечно-огневая и переложно-залежная системы. В районах с высокой плотностью населения от нее отказались довольно быстро, например, в Южной Европе. В лесных зонах этот способ подготовки площадей был распространен в основном в лесных зонах — в Центральной и Северной Европе — до XIII в., Северной Америке — до XVIII в. В России подсечно-огневая система имела место еще в конце XIX в. Считается, что подсечно-огневая система могла применяться в условиях, когда лес не имеет большой цены, и при крепостном праве, когда рабочая сила была наиболее дешевой [2].

На формировании черт характера восточных славян сказались тысячелетняя земледельческая традиция, когда лес воспринимался больше как враг, а не как средство существования, отмечал С. А. Токарев. Он писал, что «у всех славянских народов имеются поверья о духах природы. Духи — олицетворения леса, известны главным образом в лесной полосе. В них отражалась опасливая враждебность славянина-земледельца

к дремучему лесу, у которого приходилось отвоевывать землю для пашни и в котором человеку угрожала опасность заблудиться, погибнуть от диких зверей» [14, с. 214].

В устном народном творчестве (сказках) лес сохраняет значение загадочности и опасности. С появлением земледелия и земледельческой религии лес превращается в обиталище нечисти, в лес отправляются на погибель [11].

Таким образом, у древних народов отношение к лесу было разнообразное и противоречивое. С одной стороны, лес давал защиту, пищу, жильё, одежду, лесных обитателей обожествляли, культивировалось священное отношение к лесу, с другой — он воспринимался как враждебная сила. В сказках лес — пристанище злых духов, темных сил, противостоящих человеку. При нападении врагов лесные заросли использовали в качестве преграды (лесные засеки), и в то же время в густых лесах обитали разбойники, что также создавало неприязненное к лесу отношение. Лес боязливо берегли, без нужды не губили. В народных сказаниях природа одушевлялась, некоторым деревьям придавалась волшебная сила.

С развитием цивилизации, увеличением численности населения, расширением и усложнением производства формируется и закрепляется другое, чисто потребительское отношение к природе и лесу. Освоение человеком территорий сопровождалось уничтожением лесов. К Средним векам была уничтожена примерно половина лесов Западной Европы. Начиная с XV—XVI вв. в Центральной Европе происходило интенсивное обезлесивание, продолжавшееся вплоть до начала XX столетия, до момента, когда совершенствование агротехники привело к повышению производительности и замедлило вырубку лесов под сельскохозяйственные посевы, и уменьшилась потребность в древесине как топливе. На протяжении XIX в. площадь лесов, которые занимали 90% территории, сократилась примерно до 10%. Современные леса региона искусственно созданы человеком путем интенсивных посадок и ухода. Сейчас в Германии благодаря лесовосстановительным работам в течение последних 150 лет леса занимают 32% всей территории [13].

В Германии принцип устойчивого лесопользования получил развитие еще в XVIII в., а первые упоминания о рациональном ведении лесного хозяйства встречаются уже в XVI в. [10]. Недаром первые лесные «знатели», приглашенные в Россию для ухода за корабельными лесами, были из Германии. В настоящее время эта страна, наряду с Финляндией и Канадой, является мировым лидером в лесохозяйственной и лесопромышленной деятельности.

В Германии тесная связь людей с лесом выражается в культуре, искусстве, различных сферах деятельности. Лес становится национальной идеей. Об этом свидетельствует и современное лесопользование.

Х. Кюстер, раскрывая историю леса в Германии, отмечает, что цивилизационное развитие и связанные с ними возникновение, распространение и усиление государственных образований вели к росту численности населения, к росту числа и величины городов, нуждавшихся в снабжении лесоматериалами извне, и, следовательно, к ускорению сведения лесов. Постепенно, с усложнением доступности источников лесоматериалов и их обеднением, росло и осознание ценности леса как незаменимой основы жизни людей, желание сохранить его. Целенаправленное движение к устойчивому лесопользованию привело к созданию государственной лесной службы, которая не только отвечала за уход за существующими лесами, но и приступила к систематическим посадкам новых — искусственных — форстов. Они стали такой же частью спланированной инфраструктуры окружающей среды, как поселения, аграрные земли, сельские пруды или дороги. Искусственные леса Германии возникли под влиянием национальной идеи — мифа о «немецком лесе». Новые леса воспринимались, осознанно или не вполне, как естественная природа, однако уже ею не были, будучи частью сформированного человеческого культурой ландшафта (культурного ландшафта) [3].

Немецкая история и опыт лесопользования демонстрируют явление вынужденного ответственного отношения к сохранению исчезающего ресурса на самых разных уровнях организации общества, но в первую очередь на уровне властных структур, которые вменили эту ответственность частным собственникам и предпринимателям, частному капиталу. Отношение к лесным массивам как к национальному достоянию, требующему во имя будущего сохранения и приумножения сегодня, у немцев сформировалось уже за рамками хозяйственной прагматики и считается присущим социально ответственному бизнесу и любой другой деятельности.

В отличие от Германии безграничность лесных массивов России, малая населенность и цивилизационная освоенность их территорий, с одной стороны, препятствовали полному обезлесиванию страны, но с другой — эти же факторы явились основой бесконтрольного и безнаказанного истребления лесов на легкодоступных территориях. Тревожную ситуацию с истреблением строевых лесов отмечали российские высокопоставленные чиновники еще в конце XVIII в. Социально-экологическая ответственность лесопромышленников властью поддерживалась недостаточно, а незаконные вырубki и контрабандный вывоз леса в условиях скудно финансируемого и слабо организованного контроля приобретали временами недопустимо массовый характер [6].

В российской истории социально ответственная деятельность по лесосбережению и лесовосстановлению не входила в число цивилизационных устойчивых достижений российских предпринимателей. Эта

деятельность принудительно регулировалась государством исходя из насущных хозяйственных потребностей и без каких-либо экологических целей и соображений.

В истории дореволюционной России примерами социально полезной и коммерчески мало или просто невыгодной деятельности являются предпринимательское меценатство и благотворительность. Принадлежность к определенному слою бизнес-сообщества (гильдии купцов, промышленников) диктовала свои правила поведения, в том числе и по отношению к социальным проблемам. Например, среди купеческого сословия было распространено меценатство, а среди промышленников — поддержка социальной сферы (образования, здравоохранения). Благотворительность в дореволюционные времена обосновывалась не столько сознательным пониманием сущности хозяйствования, сколько соблюдением форм религиозной морали. Стимулом для меценатства и разного рода пожертвований являлось и то, что бизнес находился под контролем монархической власти, благотворительность позволяла получить определенные блага и чины.

Вопрос социальной ответственности бизнеса относится к числу тех, которые не имеют естественного непротиворечивого разрешения. Первопричиной организации любого бизнеса является вовсе не стремление производить для человечества новые потребительные стоимости и удобства существования, а получение дохода, хотя при организации и продвижении всякого предприятия формулируется его миссия — стратегическое представление об общественно оправданной значимости. Такая противоречивая двойственность — отягощение бизнес-деятельности ответственностью за выживание и развитие всей системы хозяйствования, с одной стороны, и устремлением к единоличному присвоению результатов и ресурсов этой деятельности — с другой, побуждает и заставляет бизнес держаться в границах взаимоприемлемого сосуществования частного и общественного интереса. В историческом и национальном смысле проявление этой двойственности определяется следующими факторами: уровнем общественного самоосознания, осмысления восприятия причинно-следственных взаимосвязей процессов и субъектов хозяйствования; территориально-историческими особенностями доступа к ресурсному (природно-сырьевому, территориально-географическому) обеспечению хозяйствования.

И в этом аспекте, например, культуры кочевников, земледельцев, охотников при применении объяснительных схем аналитической психологии дают совершенно разные этносоциальные реализации архетипов, в частности, в таких сферах как: осознание ответственности хозяйствующего человека по отношению к природному окружению, в формирова-

нии собственного поведения, в заботе о родовом продолжении в будущем в этой окружающей среде.

На современном этапе глобализации и неоиндустриализации психология делового поведения и мировосприятия теряет свои этнокультурные особенности, утрачивается национальная идентичность. Всемирные сетевые, информационные, транспортные технологии, трансграничные интенсивные операции, транснациональные производственно-технологические связи, международное деловое партнерство стирают пространственно-временные ограничения для бизнес-деятельности, нивелируют национально особенное в совершенствующихся и растущих региональных компаниях.

Современные патриотичные бизнес-сообщества в глобализированном мире, наследуя свои, традиционные типы отношений и привнося в них новые — постмодерновые — мировоззренческие основы, синтезируют обновленную мораль, в которой они пытаются сохранить статус особо почитаемых, требующих бережного отношения, элементов национального природного окружения: лесов, степей, пустынь, гор как ключевых элементов самоидентификации.

Социальная ответственность бизнеса в лесной сфере тесно увязывается с экологической ответственностью, что предполагает формирование нового восприятия, связанного с осознанностью и пониманием необходимости сохранения лесных ресурсов как природного национального капитала. Защите и охране лесов, повышению их экологического и социального потенциала способствуют хозяйственная деятельность человека, направленная на рациональное природопользование, устойчивое лесопользование, проведение мер по сохранению биологического разнообразия и особо охраняемых территорий.

Российские леса (главным образом это бореальные леса — произрастающие в условиях умеренно-холодного климата, преимущественно хвойные) отличаются своей уникальностью, большим видовым разнообразием, наличием редких видов и эндемиков, в некоторых регионах сохранились массивы девственных лесов. «Леса России, прежде всего, ценны не как накопители запасов древесины, а как экологический каркас среды обитания человека. Можно заменить древесину как источник древесного волокна синтетическими продуктами, но заменить биосферные свойства лесов, начиная от почвозащитных, водозащитных, рекреационных, оздоровительных и т. д., — заменить их просто нечем, никогда» [9, с. 26].

В отношении к лесу для России характерно следующее — использование леса и лесных материалов практически во всех сферах хозяйствования: строительстве, отоплении, кормовой базе для животноводства, охотничестве, заготовке продуктов питания, производстве одежды, утва-

ри и орудий труда; восприятие леса как источника, хранилища богатств и чудес.

На особенности лесопользования в России влияют следующие факторы: огромная территория, труднодоступность многих лесных земель, неравномерная плотность населения, сложные проблемы с собственностью на лес, лесным законодательством, управлением лесами и многие другие. Ощущение необъятности, безграничности, неисчерпаемости лесных запасов зачастую является источником безответственного хозяйствования в лесу. По-прежнему преобладает направление предпринимательской деятельности в основном на заготовку и сбыт круглого леса.

Противоречие между желанием получить доход и эколого-социальной ответственностью может быть разрешено институциональным регулированием отношений по поводу прав использования источников экосистемных услуг, в частности лесных ресурсов. Формирование социально ответственного бизнеса в области лесных отношений — сложнейшая, вполне осознанная наиболее образованными слоями общества задача, одним из путей решения которой может быть развитие бизнеса на основе частно-государственного партнерства.

Государство вырабатывает стимулы и создает условия для развития социально-экологически ответственного предпринимательства. И бизнес-проекты с выраженной этнонациональной составляющей при такой государственной поддержке должны становиться не менее выгодными, чем прочие. Помимо законодательного регулирования правил цивилизованного ведения бизнеса в отрасли, в самом бизнес-сообществе должны поддерживаться устремления к отторжению, вытеснению из своей среды субъектов варварского отношения к общественному достоянию, например под давлением саморегулируемых некоммерческих организаций предпринимателей (СРО). Именно в их регламентных и договорных документах могут быть закреплены добровольно соблюдаемые правила деятельности, выработанные в соответствии с традициями и морально-этическими принципами.

Поддержка национальных традиций в бизнесе — развитие малых форм хозяйствования, предприятий с использованием этнокультурных особенностей (товары народного потребления, сувениры, национальная одежда ручного изготовления и т. п.).

Следует отметить, что такая форма эколого-социальной поддержки предпринимательства в лесном бизнесе, как бюджетное субсидирование, льготное кредитование и налогообложение малых предприятий, выпускающих продукцию традиционных национальных промыслов, является маломасштабной, малозначительной в условиях России. В промышленной политике страны основными объектами, с учетом объемов основных

и сопряженных промышленных и потребительских рынков, являются крупные лесохозяйственные комплексы.

Национальной природной особенностью России является обладание лесными богатствами мирового значения. Ответственность страны, ее государственных и предпринимательских структур за состояние этого богатства приобретает международный общепланетарный масштаб. Это обстоятельство требует от российского общества осознания своей национальной идентичности, деятельного участия в защите и воспроизводстве своих лесных богатств.

Литература

1. Головина С. Ю. Этнические особенности воспитательно-образовательных средств фольклора у народов Тюменского Севера // Образование и наука. — 2007. — № 6 (48). — С. 109–116.
2. Зубарев Ю. Н., Елисеев С. Л. История и методология научной агрономии: учебное пособие. — Пермь: Изд-во ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА, 2012. — 251 с.
3. Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии. — М.: Высшая школа экономики (Государственный университет), 2012. — 304 с.
4. Лихачев Д. С. Экология культуры // Заметки о русском. — М.: Сов. Россия, 1984. URL: <http://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/nauka/kulturologiya/> (дата обращения: 10.11.2016).
5. Ложкина Е. В. Религиозно-мифологические представления древних пермян как объект междисциплинарного анализа // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы международной научной конференции. — Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. — С. 360–362.
6. Ляпустин С. Н. Исторический опыт борьбы с контрабандой леса и лесоматериалов на Дальнем Востоке России в конце XIX — первой четверти XX в. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2016. — № 1. — С. 97–104.
7. Никитина Э. В. Этноменталитет марийцев // Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур. URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomentalitet_marijcev_e_v_nikitina/ (дата обращения: 15.11.2016).
8. Осипов Ю. М. Природа // Философия хозяйства. — 2007. — № 3. — С. 207–212.
9. Писаренко А. И. Новая парадигма лесного хозяйства и управления лесами России // Вестник МарГТУ. — 2008. — № 2. — С. 17–27.
10. Пичугина Н. М., Зиновьева И. С. Оценка зарубежного опыта лесоправления // Современные наукоемкие технологии. — 2014. — № 7-1. — С. 144–146. URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=34239> (дата обращения: 13.11.2016).

11. *Пропи В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.
12. *Сарбаш Л. Н.* «Инонациональное» в творчестве П. И. Мельникова-Печерского // Вестник Чувашского университета. — 2011. — № 4.
13. Состояние лесов мира — 2012 г. // Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединенных наций. — Рим, 2012.
14. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. — М.: Политиздат, 1986. Серия: Библиотека атеистической литературы. — 582 с. URL: <http://iear-ras.ru/index.php?go=Files&in=view&id=164> (дата обращения: 10.11.2016).

*К. М. Товбин,
А. В. Семичаевский,
В. В. Соколов*

2.6. Современный традиционализм и глобалистская секуляризация на примере аляскинских староверов¹

Аннотация. В статье анализируется культурный феномен традиционализма по материалам обследования авторами старообрядческой общины Аляски. Так называемое эмигрантское староверие представляет картину адаптации русской традиционной среды к чуждой культурной среде и еще недостаточно изучено исследователями. Нормы жизни аляскинских староверов вступают в противоречие с общими тенденциями вестернизации и глобализации. В центре внимания авторов — вопросы мировоззрения, менталитета, образа жизни и хозяйственного поведения в непростых культурно-конфессиональных условиях и обстоятельствах.

Ключевые слова: старообрядчество, староверы, православие, древлеправославие, эмиграция, диаспора, Россия, США, Аляска, Николаевск, Кенай, традиционализм, секуляризация, контрсекулярный, община, идентичность, глобализация, адаптация, ассимиляция.

Abstract. Russian Old Believer is one of the most striking phenomena of Russian traditional culture, and in this respect is the subject of numerous studies. However, few studies have enough phenomenon emigrant Old Believers — a unique example of traditional Russian culture adaptation to the conditions of a completely alien to the cultural space. Today the Old Believers in Alaska is an example of adaptation of traditional spiritual principles in storage which is the essence of the Old Believers, the conditions of stay in the center of the world of globalization, westernization, scientific and technological progress and post-industrialism. The purpose of this study is a comprehensive study of worldview, mentality and way of life of the Old Believers in Alaska. Our studies were cultural and religious studies; we analyzed the everyday life of the Old Believers, their presence among the several cultural lines: the traditional (Ancient

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-18037-е «Русские старообрядцы в Северной Америке: национальная идентичность в эпоху глобализации».

Orthodoxy), Russian and American. It was important to observe the extent of the survival of traditional Russian culture and the Orthodox mentality in terms of the American socio-cultural domination. In connection with the confessional budding from the main Old Believer environment of the America, inhabitants of Nikolaevsk were forced to more rapidly integrate into the economic and social spheres of the secular United States, which led to significant social inversions. Behind a screen of high-American wealth, hiding very contradictory processes. Instead of adapting or preservation of national culture and religious mentality occur traumatic assimilation.

Keywords: Old Believe, Old Believers, Orthodoxy, Ancient Orthodoxy, emigration, diaspora, Russia, USA, Alaska, Nikolaevsk, Kenai Peninsula, traditionalism, secularization, counter-secular, community, identity, globalization, adaptation, assimilation.

В рамках гранта РГНФ по исследованию старообрядческой идентичности в октябре 2015 г. наш исследовательский коллектив проводил изучение культуры, ментальности и повседневности старообрядцев штата Аляска, США. Начальным пунктом было поселение Николаевск-на-Аляске в центральной части полуострова Кенай. Николаевск был первым старообрядческим поселением на Аляске с 1968 г. [8, с. 680; 18, с. 5]. История заселения Аляски староверами вполне подробно отражена Ю. В. Аргудяевой и А. А. Хисамутдиновым [5; 3; 4; 20], некоторыми иными исследователями [6; 11]. Поскольку историческая и этнографическая стороны старообрядческой жизни на Аляске изложены более чем подробно, наша исследовательская группа обратилась к культурологической и этнопсихологической сторонам исследования. Однако исторический контекст в нашей работе продолжал присутствовать, и в его рамках нами было сделано определенное открытие. Согласно общепринятой точке зрения, опирающейся как на исторические описания, так и на свидетельства самих староверов [18, с. 5], инициатива заселения Аляски принадлежала старообрядцам. Но документы, просмотренные и скопированные нами в архиве University Alaska Anchorage, показывают первичность инициативы других деятелей — Толстовского фонда и муниципальных властей боро Кенай Пенинсула, не только пригласивших староверов на занимаемые ими земли, но и всемерно участвовавших в их переезде и обустройстве. Об этом факте упоминает Ю. В. Аргудяева [2, с. 56; 4, с. 15], наша исследовательская группа подтвердила его, работая с архивными материалами. Факт этот — умалчиваемый староверами или неизвестный ими — весьма важен, так как дополняет доказательства принципиальной социальной пассивности православных, их тотальную зависимость от государства, даже если речь идет о столь внешне антигосударственном и автономистском тренде, как русское старообрядчество.

В остальном наши исследования носили культурологический и религиозно-этнический характер. Мы анализировали повседневность старообрядцев, иххождение меж нескольких культурных линий: традиционной (древлеправославной), русской и американской. Важно было

понаблюдать меру выживаемости традиционной русской культуры и православной ментальности в условиях американского социокультурного господства.

Следует отметить, что аляскинские староверы — единственные сельские старообрядцы США, что в некоторой мере обуславливает их пафос и особое место в старообрядческой среде Северной Америки. Переселились староверы в основном из пригородов Портленда и Вудбёрна (Орегон) — в стремлении отдалиться от угрозы ассимиляции со стороны светской американской действительности [19, с. 41]. Николаевск заселялся с 1968 г., первыми насельниками были четыре семьи: Калугины и три ветви рода Мартюшевых. Основным занятием изначально было огородничество, а место фермерства быстро заняли рыболовство и судостроение. Справедливости ради стоит отметить, что сельское хозяйство староверов было не самодостаточным и в Орегоне, и в Бразилии — основной достаток давали занятость на мебельных фабриках или батрачество на фермах крупных местных землевладельцев. Начало реструктуризации старообрядческого хозяйства было положено еще до переселения на Аляску.

Основным событием в истории старообрядчества Аляски было принятие священства белокрыницкой иерархии в 1983 г. До этого момента все староверы — выходцы из Бразилии (впоследствии — Орегона) принадлежали к специфическому согласию *часовенных*, «вынужденно» принадлежавшему к беспоповскому толку [7, с. 23; 13, с. 6]. Их принадлежность к беспоповцам обуславливалась не догматической стороной, а психологической — они стали беспоповцами не из-за принятия беспоповской доктрины, а в силу вымирания дораскольного, благочестивого и не вызывающего сомнений священства. Таким образом, часовенные не разделяли особенностей беспоповской догматики («духовный антихрист», «замирщение», «мирское священство», двойные стандарты в отношении к институту брака) и придерживались поповской мировоззренческой линии, за исключением наличия собственного духовенства. За неимением епископата, священство у часовенных иссякло, но, в отличие от поморцев или федосеевцев, они не провозглашали наступления «духовного антихриста» и отсутствия самой возможности духовенства, продолжая искать «неповрежденных попов» в разных православных юрисдикциях, старо- и даже новообрядческих. Сходство литургической и повседневной культур часовенных и «классических» беспоповцев (поморцев и федосеевцев) привело к заимствованию первыми у вторых значимых деталей богословского самоопределения и, как следствие, менталитета и поведенческих моделей.

В то же время тема «вынужденного» беспоповства и идея ненайденного «потаенного священства» в согласии часовенных (до 1917 г. бывшего самым большим в России) продолжала быть актуальной всегда и всег-

да решалась по-разному. Находясь в Америке в годы холодной войны, они были вынуждены искать духовенство за пределами СССР и нашли для себя вариант в виде Румынской (Браильской) митрополии Русской православной старообрядческой церкви (белокриницкая иерархия). Выбор обуславливался наличием родственников-поповцев в Румынии; эта же причина повлияла на выбор первого американского священника — *Конрада Фефелова* [18, с. 5].

Но специфика старообрядческого и, в частности, поповского отношения к таинству крещения привела к серьезному и усиливающемуся со временем расколу в среде николаевских староверов. Конкретно: румынские поповцы поставили под сомнение правомочность «мирянского» крещения, совершенного над некоторыми николаевцами. Православное богословие допускает бессвященническое исполнение таинства крещения «страха ради смертного», но к личности такого исполнителя могут быть предъявлены весьма строгие требования, а некоторые фундаменталисты, типичные для старообрядческой среды, могут довести эти требования до невыполнимости. Так, некоторые авторитетные старики были признаны некрещеными, это привело к серьезным скандалам и конфликтам, и, как следствие, только 20% старообрядцев присоединились к поповству, остальные остались беспоповцами, но уже принципиальными. Раскол прошел через семьи, затрагивая личные, имущественные, земельные и ментальные интересы. Обычный для староверов догматический склад мышления, православная непримиримость и унаследованный из России максимализм привели к криминогенной обстановке в Николаевске и вынужденному переселению принципиальных беспоповцев на иные территории Аляски — в первую очередь на юг полуострова Кенай, где возник особенный беспоповский социокультурный анклав. По словам некоторых очевидцев тех событий, напряженность взаимоотношений периодически приводила даже к использованию огнестрельного оружия. Некоторые николаевцы-беспоповцы переселились на юг, бросив свои дома и земли — пустующие жилища и ржавые автомобили по сей день напоминают о том исходе.

Поскольку для косных часовенных нововозникшие поповцы стали однозначными еретиками, вопрос о семейной связи с ними стоять не мог. Соответственно, поповское меньшинство не смогло брать женов и невест в среде староверов не только Аляски, но и региона и даже почти всей Латинской Америки, заселенной почти исключительно беспоповцами¹. Вследствие этого начались (и продолжают по сей день) смешанные браки с этническими англо-американцами, мексиканцами, индейцами и коренным населением Аляски. Эти супружества привели

¹ Описание межкультурных коммуникаций в среде латиноамериканских староверов см.: [3; 14].

к полному уничтожению русского языка в среде старообрядческой молодежи Николаевска, к отходу от традиционного русского семейного уклада и бытоустройства к почти повсеместной «американе» как образу жизни. В среде поповцев стали часты такие социальные аномии, как запойное пьянство, наркомания, разводы и домашнее насилие. Это можно считать «выхлопами» травматичного перехода из русско-старообрядческого культурного пространства в современное американское. Сегодня посещаемость Никольского храма чрезвычайно мала, богослужения проводятся на церковнославянском языке, который понимается только старшим поколением, — поэтому священник вынужден читать проповедь по-английски. К примеру, наша исследовательская группа полностью отстояла праздничное богослужение в православный праздник — Покров Богородицы (14 октября); в храме присутствовало около 20 человек, из которых язык службы был понятен менее чем половине. Некоторые прихожане были явными «пришельцами» из иных сред: мы видели татуированных латиноамериканцев в русских рубашках, слышали чтецов, произносивших: «Господи, помилуй *найс*». По завершении литургии все прихожане незамедлительно покинули храм, не было никакой совместной трапезы или общения.

Около 80% браков у старообрядцев Николаевска заканчиваются разводами. В сфере хозяйства они перешли от аграрного труда к рыболовству, что вовлекло их в разнообразные экономические связи с иноверцами, способствующие распаду традиционной артели. И это второй по значению фактор постепенной утраты аляскинскими старообрядцами культурной идентичности.

Существенные изменения претерпел и семейный уклад. Женщины в основном работают, хотя преимущественно и на дому, что ведет к их экономической эмансипации и разрушает домостроевскую семейную этику. Поскольку налицо тенденция к малодетности, можно сделать вывод о планировании семьи, которая служит одним из главных предметов православной социальной критики. Дети николаевских староверов учатся в муниципальной школе, в светскую программу которой родители обычно не вникают. С каждым десятилетием уменьшается объем изучения русского языка, сейчас оно уже сведено к минимуму, а со следующего года есть планы свернуть русский язык как школьный предмет полностью.

Для сравнения, старообрядческие сообщества юга Кенайского полуострова, отпочковавшиеся от николаевцев, вполне преуспели в решении этой проблемы: русская речь привита там в домашнем обиходе, слышна в безнадзорных детских компаниях. Та проблема, которая для поповцев Николаевска неразрешима и чревата гибельными социальными последствиями, староверами Хомера вполне решена посредством домашнего образования и внутридиаспорных брачных связей — тех моментов, ко-

торых николаевские староверы лишили себя, приняв священство и став, таким образом, еретиками в глазах всей американской древлеправославной ойкумены.

Огромное значение для детей и их родителей имеет ювенальная практика в школе Николаевска. Инциденты выяснения отношений родителей с детьми, за которыми последовал отъем детей органами опеки, стали негативными примерами для всех жителей бывшей столицы старообрядцев Аляски. По этой причине телесные наказания в Николаевске не применяются, и родители, представляющие патриархальную модель воспитания и не имеющие навыков в современной педагогике, лишены способов контроля за подрастающим поколением. Дети завязаны на собственную среду (как в гетто крупных городов), родители контролируют только то, что, по сложившемуся у них мнению, определяет поведение, — одежду и формальные посещения храма. Это еще одна причина социальных аномий и культурной дезориентации Николаевска.

Все заботы о сохранении русской культуры Николаевска монополизированы учительницей русского языка из Хабаровска *Ниной Фефеловой* (невестка первого николаевского священника), сведшей школьную активность к минимуму и сосредоточившейся на собственном кафе-магазине сувениров и экзотики. Некоторые насельники Николаевска возлагают вину за упадок русской программы лично на деятельность Н. Фефеловой. Отсутствие институционализации русскоязычной социализации и привязка этой проблемы к индивиду — дополнительный признак уязвимости идентичности.

Следует отметить отсутствие торговой этики у русских староверов: при любой возможности они завышают цены, допускают обман, лукавство и давление на покупателя, используют любые возможности для продвижения собственных товаров или услуг — например, превращение стандартного американского почтового отделения в фактический гипермаркет. Солидная и устоявшаяся за столетия культура американского магазина у николаевских староверов вошла в компромисс с культурами рынка и ярмарки, унаследованных из провинций России.

Староверами Николаевска полностью копируются у американцев дизайн жилищ, планировка территорий, домашняя обстановка (включая телевизоры со спутниковыми антеннами, игровые приставки и компьютеры с подключением к Интернету), марки автомобилей и отношение к ним, способы организации досуга (от барбекю до семейных выездов на пляжи теплых стран). В Николаевске присутствуют, помимо школы, и иные атрибуты американской сельской действительности: почта, водоканал, пожарный участок; регулярные объезды совершает полицейский. За исключением «кафе» Н. Фефеловой и единственного оформленного по-русски дома, ничто не выдает в этом поселении русского и православного. Исключение не составляет даже храм — он выполнен по внешним

лекалам, характерным для протестантского молитвенного дома; присутствующие в его дизайне элементы православного декора также не чужды современной американской действительности.

Однако господство «американцы» не мешает староверам и даже их детям одеваться в русские рубахи и сарафаны. Замужние женщины непременно носят отличительный головной убор — *кичку* (весьма упрощенную, стилизованную и оставляющую часть волос открытой). Все мужчины, начиная с юношества, непременно носят бороды. Впрочем, это также укладывается в американскую мультикультуралистскую логику, приветствующую внешне своеобразие, которым маскируется тотальная вовлеченность в кредитно-финансовую и хозяйственную системы.

Таким образом, Николаевск не имеет ничего общего с русской деревней, тем паче со старообрядческим селом, описаниями которых прославились некоторые российские писатели. Это типичное американское *country*, имеющее большое сходство с постиндустриальным пригородом, воспетым Э. Тоффлером в «Третьей волне». Такое положение укладывается в нынешнюю американскую социальную стратегию рурализации, опирающуюся на высочайшее качество североамериканских дорог, автомобилей, оптоволоконных линий и систем спутниковой и мобильной связи.

Несомненно, эти черты, во многом бывшие последствиями вынужденного брачного либерализма поповцев, повлекли за собой фундаменталистский отклик со стороны более традиционно ориентированных беспоповцев. Беспоповцы, в силу своей численности, не испытывали проблем ни с семейными, ни с трудовыми связями, поэтому имели возможности для построения собственных местообитаний на более традиционалистических основаниях, затруднявших ассимиляцию в американской среде. После принятия священства некоторыми насельниками Николаевска и возникшей вслед за этим криминогенной обстановки многие староверы выехали на юг, в окрестности городка Хомер [10]. До сих пор некоторые представители старообрядческих сообществ южного Кеная характеризуют николаевцев как «разбойников», проводя соответствие между принятием священства, упадком русского языка и культуры, смешанными браками, семейным насилием и распространенным в Николаевске пьянством.

Таким образом, за ширмой высокого американского достатка скрываются весьма противоречивые процессы. Вместо адаптации или консервации национальной культуры и религиозного менталитета (имевших место в старообрядческой жизни на чужбине — в Турции, Китае, Бразилии) [21, с. 120] мы увидели почти сплошь ассимиляционные процессы — притом весьма травматичные. Безусловно, в средах аляскинских поповцев и беспоповцев эти процессы весьма различаются; описанию беспоповцев и сравнению этих двух локусов будут посвяще-

ны следующие очерки. Ассимиляция, доходящая до нелепой подражательности, и почти полная утрата родной речи и традиционного уклада свойственны поповцам Николаевска-на-Аляске в большей мере, чем их бывшим одноверцам с южного Кеная. Причина — в динамической напряженности и ослаблении негативной идентичности, свойственной «классическим» старообрядцам. Архаичный образ жизни, «воинствующий антиинтеллектуализм» [12, с. 17], знаменитое староверческое начетничество (в смысле: «принципиальное буквоедство») [1], агрессивная патриархальность и тотальное отрицание «грехопадшего мира сего» (раскольничество, в смысле «сектанство») — эти детали «классического» древлеправославия всегда являлись сдерживающим механизмом, препятствующим утрате собственной идентичности [17, с. 78–82]. Логичным было бы увидеть в старообрядческой среде Америки образ жизни, напоминающий поведение амишей или меннонитов. Однако старообрядческая среда Аляски столь быстро модернизировалась и секуляризовалась, что по динамике вовлеченности в «мир сей» заметно обгоняет даже диаспоры современного, новообрядческого православия — греков и сербов. Напрашивается поиск той детали, которая позволила староверам начать столь стремительно ассимилироваться, прикрывая секуляризационные процессы наружной и примитивной мимикрией под традиционность. Судя по всему — однако наша гипотеза еще ждет уточнений, — речь идет именно о государственническом векторе православия в целом. Если «византистское» православие — православие Кирилла Александрийского, Иосифа Волоцкого и Димитрия Ростовского — предполагает «душеспасительный» сервиллизм в отношении к государству, то древлеправославие («раскольничество») — формат Иоанна Златоуста, Нила Сорского и Аввакума — является «теневым», негативно и критично зависящим от государства, но никак не самостоятельным [16, с. 73–75]. Таким образом, для православного христианина государство является одним из важнейших акторов его смыслополагания в земной и даже загробной жизни [15]. Либо подчиняясь «всяким властям от Бога» (Рим., 13: 1–2), либо доказывая отсутствие этой взаимозависимости, строит свою духовную жизнь православный верующий [9]. США дали староверам иную систему координат, в которой государство сдвинуто на периферию сознания. Оно не может дать огромных и долгосрочных льгот: так, органы государственной власти благодетельствовали старообрядческому поселению на Аляске, но затем легко свернули рыболовецкие льготы, обрекши сложившуюся экономику Николаевска на развал и перестройку. С другой стороны, частная жизнь гражданина США автономна; государство принципиально не вмешивается в область взглядов и верований, снижая до нуля необходимость сопротивляться ему как «антихристову учреждению». Государство в США строит отношения с отдельным активным индивидом, предлагая взаимовыгодные

условия, напрямую зависящие от ментальной секуляризации и автономизации этого индивида. Диаспора для политэкономической системы США представляет интерес, только если выступает как хозяйственный субъект в условиях современной турбокапиталистической экономики. В этом отличие и от политически выгодного автономизма, на условиях которого проживали староверы в Турции и Китае, и от отстающей аграрной экономики Латинской Америки, давшей возможности для привычного старообрядцам труда и образа жизни.

В связи с конфессиональным отпочкованием от основной старообрядческой среды обеих Америк, насельники Николаевска были вынуждены более интенсивно интегрироваться в экономическую и социальную сферы светских США, что и привело к значимым социальным инверсиям. Напрашивается вывод о зависимости экономического процветания николаевцев от их постепенной ассимиляции в светском пространстве — возможно, с соблюдением поверхностной русско-старообрядческой стилистики повседневности.

Повторим, что данный очерк не является окончательным и исчерпывающим описанием аляскинской старообрядческой ментальности, — надеемся, работа будет продолжена как в последующих компаративных обобщениях, так и в новых экспедициях.

Литература

1. *Адрианова-Перетц В. П.* Старообрядческая литература // История русской литературы. Т. 1. Ч. 1 / ред.: В. А. Десницкий, Б. С. Мейлах, Л. А. Плоткин. — М.: Изд-во АН СССР, 1941. — С. 85–99.
2. *Аргудяева Ю. В.* Потомки русских казаков-старообрядцев в Турции и Северной Америке // Религиоведение. — 2014. — № 3. — С. 46–61.
3. *Аргудяева Ю. В.* Русские старообрядцы в Южной Америке // Религиоведение. — 2014. — № 1. — С. 76–93.
4. *Аргудяева Ю. В.* Эмиграция русских старообрядцев-дальневосточников в Китай и Северную Америку // Религиоведение. — 2012. — № 2. — С. 9–20.
5. *Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А.* Из России через Азию в Америку. — Владивосток: ДВО РАН, 2013.
6. *Гортер В. Т.* До Бога высоко, до царя далеко! Заметки по итогам путешествия на Аляску // Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях: материалы II научно-практической конференции / ред.: С. Г. Ступин, С. В. Мельникова. — Иркутск: Изд-во Иркутской обл. гос. универс. науч. библ. им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2015. — С. 152–171.
7. *Злобин А.* Русские барбудос: старообрядцы часовенного согласия в Уругвае // Старообрядецъ. — 2005. — № 33. — С. 23.

8. *Калугина С. Г. Николаевск // Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: в 2 т. / ред. В. В. Нехотин. — М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. — С. 679–687.
9. *Кузнецов Ф. С.* Об отношении древле-православной Старообрядческой церкви к Верховной Советской Власти // Самарское староверие. [Самара, 2013] URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/137-1-0-1208> (дата обращения: 27.11.2017).
10. *Моррис Р. А., Моррис (Юмсунова) Т. Б.* Русские староверы на Аляске // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — № 10. — С. 115–122.
11. *Попова О. В.* Трансформация этнокультурных систем старообрядческих общин в зарубежных странах // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2015. — № 7 (182). — С. 173–181.
12. *Рябцев А. Ю.* Когда простота хуже воровства. Старообрядческой Церкви нужны дискуссии, а не благостная тишина // НГ-Религии. — 2007. — 7 нояб. — С. 17.
13. *Софроний (Липолит), архиепископ.* Орегон. Соединенные Штаты Америки // Русь православная: Издание Совета съезда мирян древлеправославных общин Приморского края РПСЦ / ред. Н. П. Беляева — 1999. — № 2. — С. 6.
14. *Теплоухова М. В.* Восстановление беспоповской старообрядческой общины Приморья: предварительные итоги // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». — 2013. — № 2 (11). — Ч. 2. — С. 258–269.
15. *Тихомиров Л. А.* Единоличная власть как принцип государственного строения // Руководящие идеи русской жизни / ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 9–167.
16. *Товбин К. М.* Концепция «Москва — третий Рим» в русском православном старообрядчестве. — СПб.: Археодоксия, 2014.
17. *Товбин К. М.* Пострелигия и ее становление в русском старообрядчестве. — М.: Этносоциум, 2014.
18. *Фефелов К. С., свящ., Гашкова Н.* Николаевск на Аляске // Русь православная: Издание Совета съезда мирян древлеправославных общин Приморского края РПСЦ / ред. Н. П. Беляева — 1999. — № 2. — С. 5.
19. *Хисамутдинов А. А.* Русская Аляска и православие. — Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2015.
20. *Хисамутдинов А. А.* Старообрядцы: из России в Америку через Китай // Вопросы истории. — 2011. — № 7. — С. 90–102.
21. *Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д.* Конфессия-изолят как цивилизационная альтернатива // Общественные науки и современность. — 2012. — № 2. — С. 110–125.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Осипов Юрий Михайлович,

д.э.н., профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Покидченко Михаил Георгиевич,

д.э.н., профессор кафедры истории народного хозяйства и экономических хозяйства экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Наумова Галина Романовна,

д.э.н., профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Смирнов Игорь Павлович,

к.и.н., ведущий научный сотрудник лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Мерзляков Сергей Сергеевич,

научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Олейников Александр Алексеевич,

д.э.н., профессор кафедры экономики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Кайманаков Сергей Владимирович,

к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник кафедры политической экономики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Сазанова Светлана Леонидовна,

к.э.н., доцент, доцент кафедры институциональной экономики Института экономики и финансов Государственного университета управления

Антропов Анатолий Александрович,

научный сотрудник лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Ермишина Анна Викторовна,

к.и.н., докторант Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН)

Нина Светлана Станиславовна,

к.с.-х.н., научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Товбин Кирилл Михайлович,

к. филос. н., доцент Южно-Сахалинского института Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, член Российского философского общества, лектор общества «Знание», религиовед, культуролог

Семичаевский Артемий Викторович,

специалист Южно-Сахалинской центральной городской библиотеки им. О. П. Кузнецова; культуролог, искусствовед, журналист, исследователь структур повседневности

Соколов Валентин Валентинович,

независимый специалист, культуролог, переводчик, журналист, специалист по межкультурным коммуникациям и сравнительному языкознанию

OUR AUTHORS

Osipov Yuriy Mikhaylovich,

Doctor of Economics, Professor, Chief of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.

Pokidchenko Mikhail Georgievich,

D.Sc. in Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University.

Naumova Galina Romanovna,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.

Smirnov Igor Pavlovich,

Candidate of History, Senior Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.

Merzlyakov Sergei S.,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.

Oleynikov Aleksandr Alekseevich,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of chair of Economic Theory of the Orthodox St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia.

Kaymanakov Sergey Vladimirovich,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Sazanova Svetlana L.,

Ph.D. of Economics, Associate Professor of Department of Institutional Economics of State University of Management, Moscow.

Antropov Anatoly Aleksandrovich,

Research associate of economics department of Lomonosov Moscow State University.

Ermishina Anna Viktorovna,

Candidate of Historical Sciences, Doctoral Candidate at N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Nipa Svetlana Stanislavovna,

Candidate of Agricultural Sciences, Research Manager, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.

Tovbin Kirill M.,

Ph.D. in philosophy, associated professor in Yuzhno-Sakhalinsk branch of Russian Plekhanov University of Economics; lecturer in science society “Znanie”, specialist in the religion and culture studies.

Semichaevsky Artemiy V.,

specialist in Yuzhno-Sakhalinsk Central City Library named after Oleg Kuznetsov; specialist in cultural studies, art critic, journalist, researcher of the everyday life structures.

Sokolov Valentin V.,

independent specialist in the culture studies, translator, journalist, expert in intercultural communication and comparative linguistics.

CONTENTS

Ethnonational Consciousness and Economic Behavior (<i>Yu. M. Osipov</i>)	4
Chapter 1. Ethnonational Consciousness	14
1.1. The influence of national-historical environment on the development of economic science (<i>M. G. Pokidchenko</i>)	14
1.2. Ethnic factor and social and economic priorities of the Russian population (<i>G. R. Naumova</i>)	24
1.3. Ethnoconfessional consciousness in Peter Ulrich's economic ethics (<i>I. P. Smirnov</i>)	31
1.4. Cultural archetypes as a development resource (<i>S. S. Merzlyakov</i>)	38
1.5. National culture and ethnodynamics as factors of national and economic development (<i>A. A. Oleynikov</i>)	46
Chapter 1. Economic Behavior	56
2.1. The peculiarity of Russian business: historical excursus (<i>S. V. Kaymanakov</i>)	56
2.2. Institutional factors of Russian entrepreneurship in the XVII–XXI centuries (<i>S. L. Sazanova</i>)	64
2.3. The business executive's type in economy of Russia (<i>A. A. Antropov</i>)	68
2.4. Arts and a problem of national consciousness and of economic self-determination (<i>A. V. Ermishina</i>)	78
2.5. Social Responsibility of Business in the Russian Forest Industry: National and Cultural Specifics (<i>S. S. Nipa</i>)	85
2.6. Modern traditionalism and globalist laicisation on the example of Alaska conservatives (<i>K. M. Tovbin, A. V. Semichaevsky, V. V. Sokolov</i>)	94
Our Authors	106

Научное электронное издание

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЭКОНОМИКИ

*Под редакцией
Ю.М. Осипова, И.П. Смирнова*

ISBN 978-5-906783-79-0

9 785906 783790